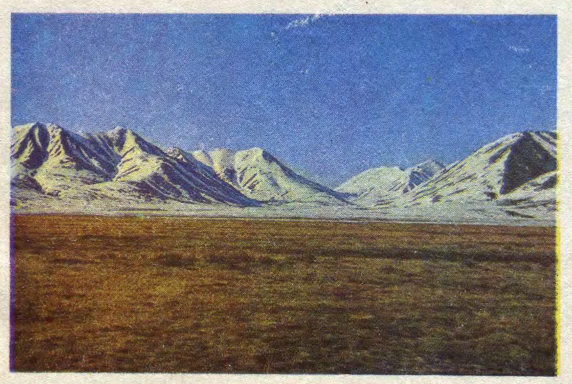
Ю. П. КОЖЕВНИКОВ

ЗА РАСТЕНИЯМИ ПО ЧУКОТКЕ

СЕВЕР ВОКРУГ НАС

Ю. П. Кожевников

ЗА РАСТЕНИЯМИ ПО ЧУКОТКЕ

Магаданское книжное издательство 1978

581.5
К58

К $\frac{0284-017}{М-149(03)-78}$ 24—78

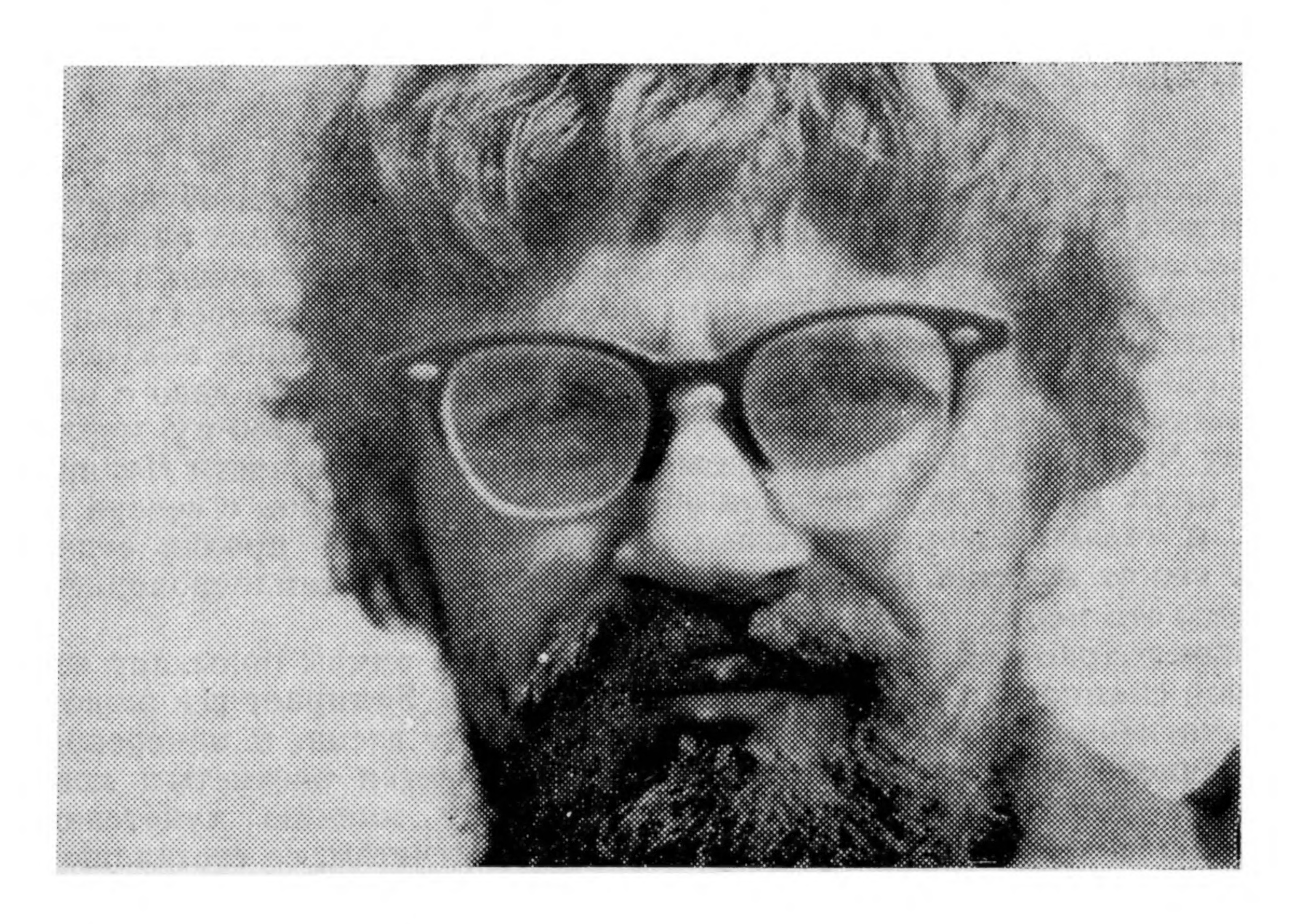
ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый из нас при первом знакомстве с географией обращает внимание на то, что граница восточного полушария справа наверху разрывается и в разрыв вылезает «нос» — маленький клочок суши, который изображен и в западном полушарии в виде сиротливого клочка Азии. «Клочок» этот не что иное, как Чукотский полуостров. 180-й меридиан вынуждает географов страны иметь дело с непривычными градусами западной долготы. Поперек 180-му меридиану Чукотский полуостров режет почти на равные части Полярный круг. Волны двух океанов облизывают полуостров с севера и юга, и только восьмидесятикилометровый Берингов пролив отделяет его от Аляски. Немеркнущей славой русских землепроходцев овеяны эти места.

Много трагедий таит в себе эта земля, где зимой полыхает северное сияние или крутит беспощадная пурга. Замирает все живое под натиском жестокого холода. Но приходит весна, и наперекор многочисленным снежникам тундра покрывается цветистым ковром растений. Вопреки распространенному мнению чукотская флора очень богата. По предварительным подсчетам, ее составляют более 800 видов одних только цветковых растений, то есть исключая мхи, лишайники и водоросли.

Природа полуострова неповторимо своеобразна. Летним днем в ясную погоду можно загорать, а через несколько часов приходится надевать шубу. Бывает, что и в июле выпадет снег и свирепствует пурга. Мое первое детское знакомство с ней состоялось благодаря роману Тихона Семушкина «Алитет уходит в горы». Спустя несколько лет карта Чукотки приобрела в моем воображении особый смысл. Она стала живой. Здесь мы шли, здесь летели, здесь плыли, здесь пили чай, здесь нашли редкое растение, здесь голодали, здесь мерзли, здесь охотились. В то же время становилось ясно, что природа Чукотки до сих пор остается книгой за семью печатями, что сломана, может быть, только одна такая печать. Мы пытались приоткрыть ее страницы, и кое-что удавалось. Мы изучали растительный покров полуострова, но растительность связана теснейшими узами со всем остальным, что живет в этих краях, а также рельефом и климатом. Мы спорили и спорим. Многие противоборствующие идеи до сих пор не получают подкрепления новыми фактами. Многое остается в сфере досужих измышлений. Это — нормальное положение вещей, хотя иным и кажется, что досужие измышления — уже плод науки.

В настоящее время люди достаточно осознали необходимость поддержания природы в ее естественном, первозданном виде. В то же время технический прогресс не может быть приостановлен

лишь для того, чтобы на Земле цвели редкие растения и существовали редкие животные. Необходимы какие-то компромиссные пути технического прогресса, направленные на то, чтобы естественная природа испытывала минимальное влияние возрастающей мощи человека. Для того чтобы определить эти пути, нужно хорошо знать тонкие механизмы взаимодействия природных факторов. А чтобы изучать эти механизмы, нужно прежде всего знать, как распространены растения и животные, хорошо или плохо им живется в тех и иных областях, откуда они сюда пришли, как влияют они друг на друга. Может казаться, что ботаники, изучающие распространение растений, не приносят конкретной, практической пользы обществу, однако в познании органического мира планеты ботаника занимает одно из первых мест. Ведь это растения являются поставщиками атмосферного кислорода; растительный покров в значительной мере определяет животный мир, из из него черпает человек многое для своего материального обеспечения. Знания о распространении растений помогают восстановить облик нашей планеты в минувшие эпохи, а отсюда прогнозировать будущие его изменения.

Наша наука — ботаническая география — в значительной мере делается на Чукотке ногами, обутыми в тяжелые болотные сапоги. Об этом и рассказывается в книге. Когда я сел ее писать, передо

мной лежала куча дневников. Что-то в них уже устарело, что-то из прежде не ясного прояснилось, что-то было слишком специально. Но все же форма дневника показалась мне целесообразной. Помимо того что дневник позволяет почувствовать аромат непосредственных впечатлений, он показывает эволюцию исследователя от его первых шагов в неведомое. Мы вылетаем на Чукотку весной, в июне, когда объект наших исследований — растительный покров пробуждается от зимнего анабиоза. Мы постоянно рассчитываем на помощь местных жителей и встречаем их поддержку. Трудно перечислить тех благородных помощников нашей нелюдной науки, благодаря которым пишутся эти страницы. Выражая им огромную признательность, я посвящаю эту книгу ГЕОЛОГАМ, ТОПОГРАФАМ, ГЕОФИЗИКАМ, ШОФЕРАМ, ПАСТУХАМ, ВЕЗДЕХОДЧИКАМ, РЫБАКАМ, ЛЕТЧИКАМ Залива Креста, чьи имена упомянуты далее.

ГОД ПЕРВЫЙ

Собственно введение. Первое знакомство с Арктикой. Залив Креста. Река Пепенвеем. Озеро Коолень. Река Утавеем. Урочище Дежнева. Поселок Пинакуль. Бухта Пенкигней. Поселок Провидения. Круг замкнулся.

Ровно гудят моторы. Высота 8000 метров. За бортом минус сорок градусов. Внизу сплошная пелена перламутровых хлопьев, во все стороны — сверкающий космос.

Я вступаю в новый этап своей жизни, но думаю не о будущем (оно придет), а перебираю воспоминания. Диплом, овеянный для меня шорохами и запахами пинежской тайги, защищен. Длинный коридор Ленинградского университета наконец пройден. Кончилась пора, оценить которую по-настоящему можно лишь гораздо позже.

Еще минувшей зимой мы со своим однокурсником связались с сотрудником Ботанического института, доктором биологических наук Борисом Александровичем Юрцевым, который руководил ботаническими работами на Чукотке. Он согласился взять нас, но планы моего однокурсника изменились, и в экспедицию я устраивался один. После всяких завершений студенческой жизни я присоединился в аэропорту к весьма солидной группе и вскоре впервые созерцал Москву.

Через три часа после вылета из столицы — первое знакомство с Арктикой. Стюардесса объявляет, что в Амдерме ноль градусов. После московской жары это кажется великим благом. Однако когда выходим из самолета, мерзнем так, будто тут все минус десять. Так-то перескакивать через климатические зоны.

Лететь уже осточертело, когда мы наконец оказались в Анадыре, точнее, в Шахтерском, на другой стороне лимана. Время сдвинулось на десять часов вперед.

Днем довольно жарко, появились комары. Оказалось, здесь нужно привыкать к аэропортовской неопределенности — то ли будет самолет, то ли нет. Однако нам повезло, и вечером мы улетели в Залив Креста.

19 июня. Залив Креста. Уже три дня мы познаем чукотскую жизнь во всех ее проявлениях. Мы воспользовались гостеприимством топографов и расположились в их домике в пяти километрах от поселка Эгвекинот. Едва перетаскали свои вещи, как с залива потянул туман, и скоро местность окуталась полумраком, воздух насытился влагой, которая время от времени конденсировалась и падала в виде мороси.

Снежников еще очень много, особенно на другом берегу Эгвекинотской бухты. Словно большие снежные деревья лежат на склонах гор. В первый же день мы совершили небольшую экскурсию на ближайшие склоны для ознакомления с флорой. Наш шеф Б. А. Юрцев называл растения и давал некоторые справки об условиях их произрастания и географического распространения. Для меня все растения были новые, за исключением единиц, например узколистного иван-чая.

Чтобы попасть в тундру, далеко ходить не нужно, она начинается в ста метрах от домов. Через пару дней благодаря совместным усилиям уже бывавших на Чукотке новички начинают узнавать растения. Шеф в это время носится по разным организационным вопросам.

Горная тундра спускается с сопок и простирается по уже равнинной поверхности огромных конусов выноса[1] до берега бухты. Поэтому горные растения встречаются здесь всюду.

Наш домик стоит на широченном конусе выноса из узкого распадка. На этом конусе поразительно богатое сочетание самых разных растений. Особенно много точечной дриады, альпийской толокнянки, сибирской ветреницы, четырехгранной кассиопы, камчатского рододендрона, альпийской зубровки, остролодочника Васильченко, проломника Бунге, несколько видов мытника, обилие осок.

Сегодня, когда уже надоело заниматься бесконечными сборами в дальнейшую дорогу, я отправился на ближайшую сопку, пройдя вдоль бурной речки в распадок.

---

[1] Конус выноса — это треугольник, одна из вершин которого упирается в распадок между сопками, а катетами являются громадные осыпи со склонов сопок.

Наедине с дикой природой я часто испытываю чувство сильного духовного подъема. Окружающие формы и краски обретают звучание, сливаясь в какой-то гимн торжества всего живого, и каждая травка имеет свою партию в этом звучании. Эта мелодия вовсе не заставляет замыкаться в себе, наоборот, видишь больше и слышишь лучше.

Речка течет в каньонообразной долинке, в которую местами обрываются отвесные скалы. Шум бешено текущей воды заглушает все прочие звуки, которых, впрочем, не так уж много. На галечнике у самого выхода долинки из гор растут крупные кусты аляскинской ивы и ивы Крылова. Теперь они цветут, и стоит зацепить ветку, как рукав оказывается желтым от обильной пыльцы. Одновременно разворачиваются листочки. На южном склоне, который не только хорошо защищен от ветров, но и усиленно прогревается, местами растительность очень богата и разнообразна[1].

Собирая материал для дипломной работы на таежной речке Полте, я очень заинтересовался связями растений со средой их обитания. Почему здесь растут одни виды, а поодаль другие? Как слагаются группировки растений? Почему растения по-разному ведут себя в разной обстановке? Хотя по этим вопросам существует обширнейшая литература, многое остается еще неясным, а коечто оказывается неверным. Теперь я убеждался все более в том, что именно в тундре можно получить ответы на многие вопросы о растениях и их среде обитания. В тундрах легко видеть, сколь существенно связана растительность с рельефом, причем в основном с микрорельефом. Незначительное повышение или понижение сразу же отражается на растительности, поскольку она низкоросла. Вот передо мной участок кустарничково-разнотравной тундры на склоне в долину. На нем более всего кустарничков — дриады, толокнянки, бруснички, стелются плети линнеи, но много и трав, то есть растений с мягким стеблем, отмирающим каждый год. Чуть

---

[1] Поскольку и в дальнейшем придется пользоваться понятиями «растительность» и «флора», то нужно сразу пояснить, что это не одно и то же. Растительность — это набор группировок или сообществ растений. Различные пятна в растительном покрове, которые мы можем видеть всюду — это растительность. А флора — набор видов, которые составляют растительность.

заметное понижение — и эта тундра сменяется зарослью шикши, среди которой имеются лишь единичные представители других растений. Еще по Архангельской области я знаю, что большинство растений не выдерживает близкого соседства шикши. В данном случае она заняла теплое местечко и, распустив свои длинные побеги, выжила все прочее. Однако шикша не столь уж прихотлива, встречается и там, где свирепые ветры не дают возможности жить другим растениям.

Выше перегиба склона в долинку более полого, много мелкозема, растительность здесь тоже богатая, но набор видов небольшой. Я карабкаюсь вверх по щебенистому склону и выясняю, что здесь видов стало больше, хотя растительность приобрела клочковатый характер. Но в том-то и дело! Малосомкнутый растительный покров дает возможность существовать видам, которые не выдерживают конкуренции. Ведь, как отметил наш крупный ботаник М. Г. Попов, большинство видов на Земле являются маложизнеспособными. Эта их особенность проявляется прежде всего в неспособности противостоять натиску жизнеспособных растений.

Наверху (а высота сопок здесь порядка 600 метров) я находил те растения, которые встречались внизу, хотя там они попадались намного реже. Зато на вершине сопки не растут очень многие виды, которые встречаются в изобилии у подножия. Своеобразная вертикальная поясность.

На каменистых склонах растительность располагается пятнами или полосами, вытянутыми вдоль склона. Это объясняется тем, что мелкозем, необходимый для укоренения, вымывается из крупнообломочного материала и концентрируется в виде пятен и полос. Однако и среди нагромождения обломков кое-что растет, в особенности камнеломка Редовского и лапчатка одноцветковая. Не думайте, что у этого растения действительно один цветок, так она называется Potentilla uniflora. В действительности у этой лапчатки цветков может быть очень много, а одноцветковая она бывает только в крайне угнетенном состоянии. В ботанике нередко название не соответствует облику растения, но оно должно сохраняться по существующим правилам. Как вам нравится, например, сочетание — дрема безлепестная, подвид крупнолепестная!

С вершины открывается великолепный пейзаж. Тихая солнечная погода. В бухте плавают и сидят на отмелях гигантские льдины. Горы на том берегу кажутся совсем близкими. Некоторые из них ощерились останцами или кекурами. На моей сопке тоже торчат выступы скал. Вершина кажется голой, но это не так. Растения вжались сколько можно в щебень и все-таки растут. Можно даже сказать, что жилковатолистной ивы здесь много, хотя в глаза она не бросается. Здесь совершенно особая обстановка. Прежде всего, на скалах всегда теплее, так как всегда какой-то из участков перпендикулярен лучам солнца, он и нагревается сильнее всего. Переместится солнце и другие плоскости прогреет, и тепло окутывает весь скальный массив. Сильные ветры в скалах обычно не ощущаются, на выступах сила их гасится, если, конечно, ветер не лобовой.

Со скал я спускаюсь по осыпи огромными шагами вместе с ползущим щебнем. Внизу громко цвиркают белые трясогузки, вскрикивают евражки, как принято называть длиннохвостых сусликов. Впрочем, наиболее правильное название этого зверька — суслик Парри. Он носит имя англичанина-капитана, исследовавшего Канадский арктический архипелаг в начале XIX века. Его имя дано одному растению из семейства крестоцветных, это — паррия. Еще одно растение из этого же семейства в своем названии сочетает имена русского путешественника Эрмана и Парри — эрманил парриоидес.

22 июня. Залив Креста. Осматриваю соседнюю сопку, поднимаясь теперь по склону, обращенному на север. Склон этот заметно круче противоположного склона соседней сопки, где я побывал. Растительность здесь располагается более редкими пятнами, так как весь склон крупнокаменистый и на большей части лишенный мелкозема. На пятнах скопления мелкозема разрастаются мхи, лишайники и подушковидный кустарничек диапенсия. Весьма обычна также камнеломка Редовского, которая, как выяснилось впоследствии, совершенно отсутствует восточнее. Казалось бы, на границе своего географического распространения вид должен быть редок, замечаю же противоположное явление. Надо полагать, что в наше время этот вид продвигается на восток. При этом он

набирает мощь на фронте наступления, все энергичнее высылая «разведчиков» (семена). «Разведчики», конечно, не возвращаются. У них задача выжить и дать потомство. В таком случае граница вида немного продвинется.

В целом северный склон оказался менее интересным, чем южный, но причина этого только в его большей каменистости, которая связана с большей крутизной (местами угол падения достигает 50 градусов) и менее выраженным микрорельефом. Последнее дает малое разнообразие условий обитания, поэтому здесь встречены лишь тривиальные виды.

Решив составить представление об изменениях температуры, я делал теперь ее измерения в почве, на поверхности и в полуметре от поверхности. В середине дня температура воздуха держалась 18 градусов, а в моховых подушках на склоне она колебалась от 11 градусов до 13,5 градуса. Когда я вылез на вершину в три часа, воздух нагрелся уже до 22 градусов, причем был ветерок. Температура на поверхности почвы здесь оказалась 35 градусов, а в глубине почвы 17,5 градуса. И это на высоте около 600 метров. Такой результат, конечно, ошеломлял на первых порах. Растительность здесь заметно пышнее, чем на склоне, так как мелкозема больше. Но новые виды не обнаруживались. Обратило на себя внимание обилие мух, бабочек и пауков.

Наш домик с вершины казался совсем близко. Даже без бинокля видно, что у дверей стоит Володя и чешет затылок. Однако мой крик так и растворился в пространстве, не достиг его.

От вершины шел узкий гребень к следующей, более удаленной. Подходы к ней забаррикадированы глыбами. Здесь, конечно, ничего не росло, кроме накипных лишайников, которые в виде корочек облекают камни, и нелегко понять, живые они или давно отмершие. На второй вершине, на высоте более 800 метров, густо разрослись мхи и кустистые лишайники, но из высших (цветковых) растений нашлось только два вида. Сверху выяснилось, что наиболее развитая растительность приурочена к гребню, по которому я пришел сюда, а сразу при спусках на обе стороны от него фон становился серым. В этой ситуации видно, сколь велико значение почвенных условий. На гребне есть почвы, а на склонах они отсутствуют, хо-

тя почвоведы в таких случаях говорят о скелетных или примитивных почвах. На самом деле никаких почв тут нет, так как почва образуется при существенном влиянии растительности. И если нет растительности, то о каких почвах может идти речь? Правда, камни обильно покрыты корочками лишайников.

На севере вдали тянется мощный синий хребет — основная цепь Искатеня. В бинокль видна густо-синяя вершина Матачингая; уж там-то наверняка ничего не растет. Панорама заставляет вспомнить полотна Н. К. Рериха — такой же чистый ультрамарин, отороченный сверху теплой голубизной.

Спускаюсь в распадок, где еще виднеются остатки исчезнувшего снежника. Здесь свежая зелень, на которой светятся желтые маки. Распадок ограничивают скалистые склоны. В одном месте перехожу фирновый снежник, проваливаясь в снег по колено.

Богатство форм микрорельефа радует новыми находками, компенсирует физическую усталость. Каждый новый вид приносит удовлетворение. Обогащаются представления о местообитаниях[1] и их обитателях. Опять появились пуночки, с криками перелетающие с места на место.

Некоторое время я думал, что обитатели гор весьма неосторожны, словно стремятся обратить на себя внимание. Таковы пищухи, лемминги, евражки и многие птицы. Потом я спросил себя, а какой, собственно, опасности они подвергаются? Да никакой. Конечно, здесь есть хищники, но в общем их мало.

Спустившись по распадку, я попал на горизонтальный участок прекрасной горной тундры над кипящим потоком. Это все та же речка, вдоль нее я направляюсь на выход из гор. Неподалеку от нашего дома речка уходит под землю, а не впадает в бухту обычным порядком.

Вчера ездили на автобусе на так называемую Зеленую горку, против поселка Озерного, в тринадцати километрах от Эгвекинота. Три года назад эта горка привлекла внимание Юрцева своей пышной зеленью, и выяснилось, что здесь растут некоторые виды, ко-

---

[1] Местообитание — это топографически однородный участок поверхности, например, выступы скал — одно местообитание, а осыпь под ними — другое.

торых нет в остальных окрестностях Эгвекинота. Объяснялось это тем, что здесь выходят на поверхность карбонатные породы. Эта сопка отличается от других своими очертаниями и формами. У нее, например, обширные шлейфы[1], много других пологих участков.

Мы снова получали концентрат информации о разных растениях от шефа. Приходится, правда, сожалеть, что знакомство с флорой идет исключительно на уровне устной информации, никаких пособий по чукотской флоре не издано.

Шеф обратил наше внимание на голубенькую ветреницу родом из Северной Америки. Там она распространена от Аляски до Гудзонова залива. На Чукотке вот эти ветреницы — самые западные. Другой интересный вид — лапчатка двуцветковая — распространена в горах Средней Азии. Потом в ее распространении имеется большой разрыв, и вновь она появляется на Чукотке и даже заходит на Аляску. Эти два вида достигают Чукотки с разных сторон и здесь поселяются бок о бок.

Теперь меня влекла бухта, и на следующий день я туда направился. Растительность на засоленной почве оказалась бедной видами, хотя некоторые из них очень обильны, образуют целые ковры. Измерение кислотности с помощью индикатора показало, что реакция воды в лужице слабощелочная. Такая же реакция и в бухточках и в речке, впадающей в бухту. С чем это связано, пока неясно. Во всяком случае ожидал-то я кислую реакцию.

На отмелях мелкие кулики-песочники, вид, однако, неясен. Продвигаясь в верховья осушенной части бухты, несколько раз видел лапландских подорожников и пуночек.

Поскольку эта экскурсия связана с совсем новыми условиями обитания, нахожу и еще не встреченные виды, которые вечером определил шеф. В их числе попалась чукотская примула. Как и все примулы, это очень милое растение с фиолетовыми цветками и словно осыпанное мукой.

Похоже на то, что пауки, очевидно волки (не делающие паутины), являются опылителями растений. Они забираются в венчики цветков, где температура несколько выше наружной за счет жиз-

---

[1] Шлейф — нижняя часть склона, имеющая меньший угол наклона и сложенная продуктами сноса со склона.

недеятельности цветка, и в этом комфорте имеют еще шанс сграбастать какое-нибудь насекомое, пожелавшее полакомиться нектаром. Спугнутый паук выскакивает из цветка и стремительно исчезает.

24 июня. Залив Креста. Погода испортилась. Утром термометр показывал 4,5 градуса. Рваные клочья тумана неслись вдоль бухты, а несколько поодаль стлался сплошной молочный покров, скрывая все. Я достал меховую куртку, ушанку и много раз в течение дня радовался этому. Я отправился на другую сторону бухты. Наш малыш Володя, перешедший в десятый класс, составил мне компанию.

Шли вдоль уреза воды. На мелководье и на берегу глыбы голубого морского льда. Речка здесь распадается на множество проток, к счастью неглубоких. Близость ледяного поля на оконечности бухты и постоянное действие ветров с залива сильно задерживают развитие прибрежной растительности. Здесь совсем не распустились еще листья у ивы Крылова, хотя она и цветет. Злаки пока имеют вид прошлогодней соломы, а иван-чай широколистный, пробудившись к жизни, вылез еще только на три-четыре сантиметра. В других местах он уже совсем взрослый.

Вот цветет ложечная трава, в каждой ботанической книжке сообщалось со слов Чьельмана, что в состоянии цветения она переживает зиму. Как показал профессор Б. А. Тихомиров, эти сведения происходили из неправильного перевода и понимания слов Чьельмана. Зимуют не распустившиеся цветки, а цветочные почки, заложившиеся к осени предыдущего года.

Несколько раз вспугивали невыразительных песочников и щеголеватых зуйков-галстучников. Потом наткнулись на гнездо какого-то куличка, который выпорхнул у Володи из-под ног. Гнездо было устроено среди кустиков вейника. В нем обнаружилась подстилка из сухих листочков в один слой. Известно, что кулики не любители сооружать замысловатые гнезда, для них достаточно ямки. В гнезде лежало четыре яйца серого цвета с густым бурым крапом на тупом конце, сгущавшимся в сплошной фон. Яйца довольно крупные, около трех сантиметров. Мелкие кулички иногда несут такие яйца, что только диву даешься.

На сопки противоположного поселку берега бухты поднимались с подветренной стороны. Великолепие красок в сочетании с белесыми лентами тумана было вне всякого сравнения. Во флоре никаких неожиданностей. Мы вылезли на вершину и захлебнулись от удара ветра. Тут, к моему величайшему изумлению, мимо пролетел шмель. Вероятно, он просто спятил, ведь температура была 2,5 градуса, не говоря уже о сногсшибательном ветре. Вершина снова оказалась более богата растениями, чем склоны.

26 июня. Залив Креста. Бухту удалось посетить еще раз. Я дошел до подножий гор, ограничивающих ее с севера, близ поселка Озерного. Вся эта обширная низина когда-то, несомненно, заливалась морем, о чем говорят окатанные камни, сплошь покрывающие ее, и довольно высокие террасы близ Озерного. С этим ассоциируется и галька, которую выгребают экскаваторы из котлованов в поселке.

По восточной окраине осушенной части бухты, весьма удаленной от собственно бухты, тянется полосой толща льда. Здесь, как и около ледяного поля в верховье бухты, растительность еще только начинает оживать: близость льда сказывается весьма наглядно.

Поскольку день солнечный и безветренный, птичье население торжествует. Снуют чечетки, пуночки, плиски, но чаще всего попадаются лапландские подорожники. Самцы подорожников очень нарядны: у них черная шапочка и черный нагрудник, затылок и шея сверху охристо-буроватые, грудка светлая, почти белая. Песня подорожника напоминает звук колокольчика, но очень коротка. Кажется, что эта песенка сочинялась специально для тундры, настолько созвучна она с настроением, которое внушает все окружение. И действительно, подорожник — одна из немногих птиц, которые не выходят за пределы тундровой зоны.

Здесь много, конечно, куличков, распознать которых я совершенно не в состоянии, настолько они невыразительны. Мне показалось, что мелких куличков с белым брюшком и крапчатой серо-коричневой спинкой я встречал в Архангельской области, но тут легко ошибиться. Скорее всего это дутыш или острохвост.

Каждое утро, если погода не очень скверная, с ближайшей сопки, откуда-то сзади ее, раздается радостное воркование ворона.

Вероятно, там у него гнездо. В утренней тишине его голос отражающийся в горах, кажется необыкновенно мелодичным и проникновенным, хотя едва ли назовешь ворона хорошим певцом. Но ворон этот взахлеб славит радость бытия, и если человек этого не понимает, то, должно быть, скучно ему живется, по необходимости.

На восточном шлейфе сопки попал в натуральное склоновое болото со множеством ручейков. Что питает эти ручейки и почему болото не пересохнет, ведь вода из него может стечь вниз? Разгадка тут весьма проста. Чуть выше болота на склонах подтаивает постепенно вечная мерзлота, это и есть постоянный источник влаги.

Я составил описание участка и был введен в заблуждение морошкой. Она относится к розоцветным и, казалось бы, должна иметь пять лепестков и чашелистиков, но тут у всех растений их было по четыре. Как много еще тривиальных неожиданностей! В болоте встретилось весьма оригинальное растение — беквиция Шамиссо, названная в честь ботаника Адельберта Шамиссо, участника экспедиции на корвете «Рюрик» в 1815—1818 годах. Это растение с розоватыми лепестками, словно сделанными из пергамента, составляющими колокольчатый, слегка поникший цветок.

С болота я снова спустился на днище осушенной части бухты и двинулся к видневшимся в конце ее постройкам. Встретился один из бугров. Скорее всего это остатки холмов, которые в свое время обработало наступавшее море и придало им плавные очертания. Теперь на буграх растительность сильно отличается от ближайшего окружения, поскольку режим среды на них иной. Зимой поверхность бугра нередко оголяется, сильный ветер сдувает снег начисто. Тем не менее на буграх больше видов, чем под ними, и среди них есть такие, которые чаще растут в верхних частях окрестных гор, например, снежная лапчатка с листьями, покрытыми белым войлочком, и аянская дриада — тоже мохнато опушенная. Опушение у растений нередко играет ту же роль, что и волосяной покров животных.

На буграх четко выделяются куртины какого-либо одного вида, что говорит о преимущественно вегетативном размножении (без семян), когда разросшиеся веточки укореняются и отделяются

от материнского растения, начав самостоятельную жизнь. В середине крупных пятен шикши обычно видна плешь, и куртина имеет вид круга. Такими кругами часто растут грибы, поскольку в середине грибница отмирает.

На днище впадины имеется много пересохших русл мелких речек, окаймленных кустами аляскинской ивы. Кое-где тундра очень сухая, в сплошном покрове лишайников и диапенсии. Подушковидная диапенсия — исключительно холодоустойчивое растение. Японские ботаники охлаждали ее куртинки-подушки жидким азотом (до —194 градусов), и она не погибала. В природе она переносит морозы до —70 градусов без защиты снежного покрова.

Терраса изрядно всхолмлена, с обилием небольших озер и высохших речек. Ближайшая сопка выступала на террасу граненым краем. Воды бухты отодвинулись от этих мест километров на семь. Можно думать, что эта подвижка произошла совсем недавно, так как растительность засоленных почв идет довольно далеко от современного уреза воды.

Вдоль бухты располагается пояс так называемых лайд, это солоноватые болота, в лужицах которых обильно развиваются железобактерии, окрашивающие дно луж, камни и растительность в ржавый цвет. Здесь преобладает щучковидный вейничек, который на засоленных почвах часто образует приятный мягкий, но мокрый ковер.

Сегодня явился третий из нашей группы, а другие группы разъехались по местам работ. Евгения Витальевна перебралась в поселок. Она занимается сорняками, и с ней произошел занятный казус. Где-то она нашла великолепную помойку с целыми зарослями сорняков и, воодушевленная, принялась фотографировать ее со всех сторон. Нужно пояснить, что Евгения Витальевна Дорогостайская — автор монографии по сорнякам Арктики СССР, и в этой монографии много фотографий помоек и тому подобных мест. Ее непонятное занятие привлекло внимание проходивших граждан, которые долго смотрели на пожилую женщину в несуразных штанах и наконец решили на всякий случай проверить документы.

Завтра мы покидаем Эгвекинот, и я подвожу итоги своих ис-

каний. Считается, что этот пункт хорошо обработан ранее и составлен список растущих здесь видов. Из этого списка мне удалось найти больше половины, для начала — не так уж плохо. Произошло знакомство с условиями среды, с распределением растений по различным условиям среды и с самими растениями.

1 июля. Река Пепенвеем. Первая попытка вылететь на восток не увенчалась успехом. Едва взлетели, в самолет ворвалась мощная струя воздуха, подняв всю пыль, которая скопилась в маленькой «аннушке». Мы, однако, приняли это как должное, соотнося это явление с общим обликом самолета, напоминавшего разваливающуюся телегу. Вскоре выяснилось, что идем на посадку, сделав круг над бухтой. Оказалось, вихрь в самолете возник от того, что в кабине выскочило какое-то окошко, что не было предусмотрено программой. Пока разбирались, погода испортилась, и пару дней мы с надеждой взирали на небо, вернее, на сплошные облака на высоте приблизительно пятьдесят метров.

Погода в Заливе Креста очень переменчива, но пасмурная, видимо, преобладает; сказывается близость Анадырского залива, частью которого является залив Креста, и подковообразное окружение гор, представляющее ловушку для низких туманов. Теперь уже для меня стало совершенно естественным носить меховую куртку и ушанку и даже не вспоминать, что дома люди нежатся на пляжах. Дни ожидания проходят весьма бездарно, время тратится впустую. Однако тут уж ничего не поделаешь, группа еще большая — семь человек и в условиях Чукотки без своего транспорта и со скудными средствами на транспорт не мобильна.

Как-то уже под вечер отправились в бухту. Был отлив, и мы с Володей долго бродили по илистому дну, рассматривая крупных бокоплавов, креветок и морских желудей, сидящих на камнях, словно лошадиные зубы. На некоторых камнях укрепилась водоросль ламинария — морская капуста. За камень она держится столь прочно, что отделить ее невозможно. Рвется ее черешок, но основание его сцеплено с камнем намертво. Много попадалось также бурых фукусов с воздушными пузырями. Внезапно начался прилив, и нам пришлось довольно спешно добираться до берега.

Вчера все же удалось вылететь спецрейсом на реку Эргувеем.

Хотя погода была неважная, летчики согласились лететь вдоль побережья. На этот раз все стекла остались целы, и мы могли с небольшой высоты наблюдать оригинальные панорамы Чукотки. В пасмурный день нет тех ярких красок, которые волнуют в солнечный. Преобладают серые тона (щебень) с зеленоватыми и буроватыми оттенками (растительность), прерываемые сложным рисунком снежников. Угрюмая природа дышит неприязнью, холодной отчужденностью к людям, воспитанным в другом мире. Проплывают массивы озер, бесконечные гряды сопок, иногда более-менее равнинные пространства с огромными долинами малюсеньких речек. Несколько раз внизу проскакивали массивы тумана, извиваясь, как змеиные клубки.

Поначалу кажется удивительным, как летчики находят здесь дорогу. Однако через полтора часа мы садимся. Два коротеньких бородатых радиста прибежали посмотреть, кто прилетел. Они радушно встречают нас и располагают в небольшой квартирке с двухъярусными нарами в единственном здесь домике. Кое-как попив чаю, мы спешим побродить, но вскоре вынуждены вернуться. Холодный моросящий дождь и пронзительный ветер отбивают охоту что-либо делать. Все же масса новых впечатлений наваливается на память. Ужинали с радистами, которые сварили огромный чан оленьего мяса.

В этом месте тоже поработала группа ботаников, изучавших флору. Здесь останется половина нашей компании для описания растительности, я включен в другую группу, которая проведет здесь несколько дней для дополнения флористических данных и для натаскивания нас, новичков, на флору.

С утра мы направились в маршрут. Домик стоит близ равнинной речки Пепенвеем, впадающей в Ватамкай. Сопки — куда ни взгляни, но здесь они отстоят друг от друга и многие плосковерхи. От сопок к долинам спускаются огромные шлейфы. Часто шлейф после некоторого поднятия представляет собой равнину с пространными, почти голыми щебенистыми участками, сменяющимися разного рода сухими тундрами, кочкарниками из влагалищной пушицы и настоящими болотами. На шлейфах великолепно видны результаты мерзлотных процессов. Солидные трещины,

лишенные растительности, свидетельствуют о вспучиваниях грунта. В некоторых местах голая щебенистая равнина усеяна ямками или каменными кольцами. Иногда встречаются ложбинки, заканчивающиеся слепо. Большое разнообразие условий среды. Поэтому-то мы нашли чуть ли не все виды, уже занесенные в список, и несколько новых.

При поисках растений в тундре нужно быть очень внимательным. Многие из них миниатюрны и еле-еле заметны среди щебня. Осоки и злаки для новичка долгое время остаются «на одно лицо». Да и другие виды трудно различать, особенно крупки.

С утра было пасмурно, но не холодно, самая работа. Лишь под конец дня пальцы перестали гнуться.

Расширились мои представления и о животном мире. Кто-то принес в домик тундряного зайчонка, очень милого и смешного. Мы осмотрели его и снесли в тундру. Зверек неуверенно пустился бежать, но через несколько шагов спрятал голову под кустик травы — затаился.

Куропатки ведут себя словно курицы на птичьем дворе. Когда подходишь к ним, они убегают, вытянув шеи. Если к ним подбегаешь, они взлетают, но через десяток метров садятся. Окрашены они под цвета тундры, а при взлете заметны палево-охристые брюшко и нижние стороны крыльев. Когда они пикируя садятся, спереди вырисовывается рыжеватый крест от окраски груди и низа крыльев. Заметна красная бровь. Это тундряные куропатки.

3 июля. Пепенвеем. Еще пару дней совершаем маршруты из расчета охватить самые разные комплексы местообитаний. Ведь большинство растений редки, и, хотя всюду что-то зеленеет, редкие виды нужно искать так же, как геологи ищут всякие редкости среди сплошного распространения горных пород.

Вчера экскурсия проходила по равнине, впрочем, весьма условной, разных холмов на ней немало. От речки ступенями высотой не более метра поднимается несколько широких террас, на каждой из которых растительность чем-то своеобразна.

Затем выходим на озеро, куда с тревожным гоготаньем плюхается чернозобая гагара. В озере совершенно отсутствуют водоросли и галька видна на значительной глубине. К озеру обрывает-

ся скала, которая торчит, словно сказочный замок. Скалу густо облепили накипные лишайники кирпичного цвета. Самым удивительным является то, как эта скала, торчащая, словно шип, оказалась здесь, где нет никаких других выходов коренных пород.

На болотистой тундре то и дело попадаются крупные трещины, заполненные водой и торфяной жижей. Земля словно не выдерживает какого-то подпора и разрывается. В других местах, напротив, вылезают небольшие гряды — валики. На увалах обычен ямчатый или сетчатый микрорельеф, тоже связанный своим образованием с мерзлотой. На кочкарнике вечная мерзлота начинается почти от поверхности. Проваливаясь между кочек, становишься на твердую основу, но это не камень, а мерзлота. Местами она протаивает, и образуются воронки.

Изрядно потоптавшись по кочкам, вы вышли на Ватамкай, где в излучине реки нас поразил гигантский снежник, поднимающийся на две трети высокого прибрежного склона. Плотный снег украшен причудливыми скульптурами, созданными ветром. Река подмывает снежник, его огромный пласт отошел и скоро рухнет.

Сегодня был жаркий солнечный день со средней температурой 20 градусов. Обилие насекомых на шлейфах гор поражало. Больше всего мух, которые с удовольствием посещают цветки дриады. Много и бабочек, в основном типа сатирид, и только одну видели напоминающую белянку. Я окончательно убедился, что большие комары садятся на цветки не просто так, но пьют нектар и, следовательно, также способствуют перекрестному опылению растений. Пауки в цветках сегодня не сидели, вероятно, оттого, что было очень тепло. Температура почвы достигала 26 градусов. Однако пчелы, стрекозы и крупные жуки не попадались.

5 июля. Озеро Коолень. Находясь в воздухе как раз в центре Чукотского полуострова, можно убедиться, что он совсем небольшой. И с севера и с юга водные пространства; на севере — Колючинская губа, на юге — бухта Руддера, северная часть Анадырского залива. Отсюда ясно, что на полуострове должен быть климат океанического характера, так как морские ветры обдувают его постоянно. Сверху легко также предположить, что восточная часть Чукотского полуострова некогда была островом. Шеф тут же

подтверждает, что близ озера Иони найдены морские отложения. Пролетели хребет Тенианый, который отделяет северо-восточный угол Чукотки. Хребет довольно низкий, многие сопки разделены широкими распадками.

Озеро Коолень понравилось нам еще сверху. Пологие склоны низких сопок на северном конце озера ступенчато спускаются в огромную долину с маленькой речкой Кооленьвеем, вытекающей из озера. Нас встретила целая гвардия — топографы, в основном начальство. Рядом с их лагерем мы поставили две палатки: спальню и кухню.

8 июля. Озеро Коолень. Великолепие облаков и обилие комаров оказались признаками надвигавшегося ненастья. Весь следующий после прибытия день мы сидели в палатке из-за мерзлящей слякоти, сыпавшейся с неба. Тут вам и дождь и снег. Температура упала до 3 градусов.

Толя Нечаев привез с собой книгу П. Фройхена и Ф. Соломансена «Когда уходят льды». Название книги переведено совершенно произвольно. По-английски она называется «The arctic year» — «Арктический год», описывает природу Арктики по сезонам. Названия при переводах искажаются часто. Так, книга Веркора в одном случае названа по-русски правильно — «Люди или звери», а другое издание — «Люди или животные». Еще существеннее искажено название книги Дарелла «Моя семья и другие звери». Она названа по-русски «Моя семья и звери». Пожалуй, Дарелл возмутился бы такому произволу с его эволюционистскими воззрениями и счел бы, что вернулись те времена, когда на Дарвина обрушилась церковная анафема за теорию происхождения человека от обезьяны. Несомненно, что и Фройхен с Соломансеном пожали бы плечами, узнав, как перевели их труды. Однако самое существенное, что перевели. Пожалуй, трудно назвать другую подобную книгу, где столь многогранно и ярко была бы показана арктическая природа. В ней есть некоторые сведения и о Чукотке, но в основном она описывает Гренландию и арктическую Канаду. Для меня сейчас особенно важны сведения о птицах, которыми книга изобиловала, так как один из авторов (Соломансен) — датский орнитолог. Другой — Питер Фройхен — географ и картограф,

много лет проживший в Гренландии и женатый на эскимоске. Он сопровождал знаменитого Расмуссена в «великом санном пути» через всю арктическую Америку. В этом путешествии Фройхен отморозил ногу, и ее ампутировали. Тур Хейердал вспоминал в одной из своих книг, что Фройхен, узнав о предстоящем путешествии на Ра, стукнул о пол деревянной ногой от досады, что не может составить компанию Туру.

Вчера с утра погода как будто улучшилась, и мы отправились по сопкам вдоль озера. Судя по геологической карте, тут расположен массив протерозойских (то есть наиболее древних) пород, в основном гранитоидов.

Картина каменной ветхости, если можно так выразиться, предстала перед глазами, как только мы взошли на ближайший склон. Причудливые формы выветривания гранитных пород, останцы (кекуры) в виде «неотесанных» чудовищ громадной величины и огромное количество глыб. Сопочный склон к озеру представляет собой целый каскад террас. Это мы видели еще с вертолета, вблизи рельефность незаметна из-за величины.

В мои задачи, помимо всего прочего, входит фиксация корешков тех видов, на которые укажет шеф. Потом по этим корешкам будет определено число хромосом. Первые же опыты убеждают в том, что живых корешков у многих растений очень мало, хотя старые корни висят бородой.

День был разочаровывающий. Все растения не представляли собой что-либо примечательное. Из-за кислости почв, как решил шеф, не попалось ни одного папоротничка. Ровные горизонтальные поверхности были заняты скучными кочкарниками или щебенистыми и пятнистыми тундрами. Правда, на склоне к озеру нашлась хорошая луговина с европейским узколистным иван-чаем, еще не цветущим.

Несколько раз нас припудривало снежком, впрочем, мгновенным.

Как-то Толя поймал птенца тулеса. Примчались родители и начали настойчиво «отводить» нас, прикидываясь ранеными. Самка при этом проявляла большую самоотверженность, тогда как самец предпочитал соблюдать почтительную дистанцию. Птенец

был желтый с беспорядочно разбросанными крупными темными точками и напоминал по окраске леопарда. Ноги у него были удивительно длинные по отношению к туловищу. Бегал он словно на ходулях.

Над озером стремительно носятся полярные крачки, иногда останавливаясь в воздухе на одном месте наподобие пустельги. В хвосте у них две длиннющие косицы. Изредка парами пролетают журавли с хриплыми криками. Мелких птиц мало, это все те же пуночка, лапландский подорожник, каменка. Вопли гагар наводят желтую тоску. Фройхен и Соломансен писали о том, что известны случаи, когда заблудившиеся в тундре путники сходили с ума от звуков гагары. Она не только плачет, а еще и хохочет, особенно в полете.

Вчера вечером температура упала до 0,5 градуса, вопли гагары слышались весь вечер. Вероятно, она жаловалась на холод. В такое время у нас в палатке рокочут два примуса, которые создают немало тепла, хотя и с привкусом керосина. Под коньком палатки сушатся газеты для гербария.

Сегодня были разочарованы бедностью поймы. На высоком берегу нашли брошенные норы песца. Погода поразительно изменчива. С утра можно было ходить в рубашке. Но когда после долгой закладки и этикеровки собранных накануне растений мы выступили, то надели на себя все, что имели, включая перчатки. Сопки окутались сизой пеленой. Гагара стонала не зря.

Пойму речки окаймляют обширные равнинные кочкарники из пушицы, которая своим изобилием пуховок издали создает иллюзию первого снега. Посередине реки я ощутил вдруг резкую боль в ноге. Вода кипела, поднимаясь бурунами по бедрам и угрожая хлынуть в сапоги. Несколько минут я мрачно стоял, сопротивляясь бешеному натиску, и ожидал, когда боль утихнет. Погода оказала неприятное действие на мой застаревший радикулит, которому я упорно сопротивлялся психологически. Однако приходилось съедать по пачке анальгина в день.

Стоят белые ночи, когда по низинам стелется белесый туман и над ним возвышаются сиреневые конусы сопок. Вечером стихает ветер, который в дневное время постоянно вызывает тревогу за

устойчивость палаток. Как-то подул свирепый южный ветер. На озере бушевал шторм, стоял могучий гул. Из-за сопок за озером выплыли почти черные тучи, но затем куда-то исчезли. Все же южный ветер приятнее, он сухой; когда дует северяк с Чукотского моря, начинается бесконечная морось.

13 июля. Озеро Коолень. По вечерам и ночью стоит собачий холод, и спать мы теперь привыкли в шапках. На свое несчастье, я облюбовал перед выездом цигейковый спальник, в котором однажды ночевал на озере Рица. К тому же мне не досталось надувного матраца, а оленья шкура, которую я подстилаю, коротка. Поэтому я забираюсь в мешок, снимая только сапоги и меховую куртку, которой укрываюсь. Шеф покоится в гагачьем спальнике, но на жару тоже не жалуется.

Флористические успехи налицо, удалось отыскать несколько редчайших видов: клейтонию Васильева, сердечник Виктора (названный в честь В. Б. Сочавы), берингийскую примулу. Шеф постоянно посвящает нас с Толей в тайны растительного покрова и обращает наше внимание на детали, которые мы сами, пожалуй, упустили бы из виду.

Кое-где на склонах сопок есть полосы полужидкого суглинка, в котором сильно вязнут ноги. Эти полосы весьма интересны тем, что к ним приурочен целый ряд редчайших видов. Другим характерным комплексом местообитаний являются участки близ огромных снежников — перелетков или там, где снежники стаивают только к середине лета. Приуроченность растений к разным по составу горным породам прослеживается очень хорошо. Есть виды, которые селятся только на кислых почвах, другие не выносят этих почв и обитают исключительно на основных почвах. Для третьих видов безразличен состав почвы, но им нужно, чтобы было сухо, а иным, наоборот, чтобы было сыро. Шеф определяет состав горных пород по тому, что на них растет[1].

Особые почвенные условия создаются на шлейфах, на них сосредоточивается мелкозем, что для разнообразия растений являет-

[1] Через три года мы пришли к выводу, что это довольно-таки ненадежный способ. Многое из того, что было воспринято в первый год, оказалось не совсем так.

ся первостепенно значимым фактором. Кроме того, на шлейфах скапливаются минеральные питательные вещества, используемые растениями, которые выносятся со склонов гор токами поверхностной и грунтовой воды. На шлейфах же в ложбинках складываются нивальные условия из-за задержки таяния снега.

Вчера на одной сопке мы наблюдали оригинальные каменные кольца. В середине колец, образованных весьма крупными камнями, размещается суглинок вовсе без камней. Тысячелетия этот суглинок напитывался водой, которая замерзала и, слегка расширяясь, подвигала камни по долям миллиметра. Кольца образуют целую сеть, которая, однако, не покрывает вершину сопки, а опоясывает ее, в то же время не спускаясь слишком низко.

В долине Кооленьвеема набрели на оригинальную вымоину на предположительно морских песчаных отложениях солидной мощности. По существу это был овраг. Только рос этот овраг за счет снежников, которые, постепенно подтаивая, выносили песок, углубляя и расширяя свое ложе.

Из явных следов бывшего оледенения только однажды видели небольшую морену в одном из полураспадков. Она напоминала кучу валунов, сброшенных с огромного самосвала.

Вчера повстречали стадо оленей, которое на весьма почтительном расстоянии обогнуло нас. Впервые увиденное стадо производит сильное впечатление. Кажется, что катится какая-то странная лавина — пятнистая, рогатая и хрюкающая. Чукчи-пастухи словно изваяния сидели далеко на вершине сопки. Потом один пришел к нам и сообщил, что они с Уэлена, идут на реку Рыбную и в тундре совсем мало ягеля.

Массив Дежнева находится в шестидесяти километрах и с сопок виден синей громадой. Расстояния в тундре обманчивы. Противоположный берег озера Коолень кажется совсем близким, однако до него шестнадцать километров. В тумане все наоборот: внезапно оказываешься на том месте, которое представлялось далеким.

17 июля. Озеро Коолень. День выдался из ряда вон скверный. Погода испортилась еще вчера, когда мы в полночь возвращались домой. Но с утра ветра не было, и щедрое солнце заливало серые

горы. Маршрут пролегал к дальним сопкам, наиболее высоким. Пополнения списка найденных видов не было, пока мы не достигли тех высот, до которых еще не поднимались. Но затем нашлись селезеночник Райта и ледяная нардосмия. Последняя очень порадовала шефа, который воскликнул, что здесь ей быть не положено. На сопках ветер свистал вовсю, и, пока сделали несколько описаний, основательно продрогли. На плоской вершине растительность крайне скудна. Камни покрыты черными листовыми лишайниками, которые и придают поверхности черноватый оттенок. Местами сквозь эту черноту белеют глыбы белоснежного кварца.

Вершина одной сопки соединялась с вершиной другой, мы так и двигались на высоте приблизительно 600 метров. Арктическая пустыня тянулась без перерыва. Растений тут немало, но они малоприметны. Против середины вытянутого озера склон гряды, по которой мы шли, прорезался мощной лощиной. Она располагалась за значительным выступом ближней горы и была укрыта таким образом от ветров с севера. По мере спуска находили новые и новые виды.

Посередине журчал ручеек, отороченный кустиками ив. Многие редкие виды, которые мы находили в этом районе в значительном удалении друг от друга, здесь росли бок о бок. Растительность была весьма густой и разнообразной с обилием трав, луговинная. Но в ней всегда есть и кустарнички с одеревеневшими стеблями, это не настоящий луг.

Внизу ивняки почти достигают метровой высоты. Впечатление такое, что кусты сознательно опутывают ваши ноги. Под пологом кустов стоит терпкий запах арктической полыни, есть и настоящие лесные виды: мерингия, северный подмаренник, линнея. Много трав, характерных именно для луговин: синюха, грушанка, аконит и даже ангелика из зонтичных.

Настроение приподнялось, но день уже клонился к закату, а до дома было далеко, и мы ушли с сожалением. Обратный путь проделали через шлейфовые болота, спускавшиеся до самой воды в озере. Кое-где на берегу лежали огромные валуны, которые, видимо, скрывались и в глубине шлейфов. В одном месте встретился ивняк выше человеческого роста, хотя и на болотистом грунте.

Шеф скоро оторвался от нас. Стемнело, и от усталости мы с Толей едва разбирали, что у нас под ногами. Нас настигала черно-фиолетовая туча, занимавшая полнеба, мы поглядывали, скоро ли покажется конец озера, и гадали, поставит ли шеф чайник.

Когда миновали озеро, поднялся штормовой ветер, и наши иллюзии о сухости южного ветра рассеялись. Вскоре заморосило. В палатке нас ждал кипящий чайник. Дождь, все с тем же сильным ветром, не прекращался всю ночь.

Утром произошел конфликт с поварихой топографов, когда мы с Толей прокрались к бочке с керосином. Керосина в бочке было мало, и Толя долго захлебывался им, подсасывая шланг. Наконец струйка полилась, но тут в палатке-кухне распахнулось окно, и на нас обрушился могучий словесный поток, в котором часто повторялось слово «нахлебники». Подхватив канистру, мы спешно ретировались, и по ветру нас настигал гнев поварихи.

Вчера топографы отвезли нас на моторной лодке на другой конец озера. Это был выдающийся день. Нас высадили близ распадка, у ручья, впадавшего в озеро. Здесь оказался концентрированный набор участков с разной средой обитания и соответственно богатой флорой. Список пополнился внушительно. К нашему приезду выглянуло солнце. Шеф кричал: вот то, а вот это, дери побольше. Мы драли. Если будущие ботаники не найдут там какой-то вид из указанных в нашем списке, значит, мы его искоренили.

У южного конца озера заросли аляскинской ивы, в которых очень много «лимончиков» заячьего помета. За день мы продвинулись мало, подолгу застревали на каком-либо месте. Находки были весьма неожиданные: американцы — дендрантема и дриада цельнолистные; сибиряки, которые редко встречаются западнее на Чукотке, а на Аляске вовсе отсутствуют,— красноплодная толокнянка, кобрезия сибирская. Юг озера окружен горами, поэтому местная климатическая обстановка здесь благоприятна.

22 июля. Озеро Коолень. Теперь мы полны желанием улететь отсюда на реку Утавеем, где есть выходы мраморов, но пока погода нелетная. Топографы обещают перебросить нас к геологам, дабы избавиться от вечных попрошаек хлеба, керосина, транспорта.

Когда сегодня мы смогли выбраться из палатки, совсем рядом

на песчаном берегу озера вдруг нашли настоящие приморские виды, растущие только на засоленных почвах,— осоку обертковидную, вейник щучковидный, бескильницу нежную. Засоления почв здесь, конечно, никакого нет. Эти находки весьма красноречиво свидетельствуют о том, что море когда-то достигало озера по долине Кооленьвеем.

Колоссальная влажность изнуряла нас при подъеме на сопку. На седловине куличок-чернозобик был очень взволнован нашим появлением. Очевидно, где-то тут его птенцы. Несколько маленьких озер, расположенных друг над другом, привлекли наше внимание. После некоторого совещания мы произвели их, без особой уверенности, в термокарстовые. Шеф рассказал, что подобные озера могут образовываться и на месте многолетних снежников, вокруг которых за долгие годы вырастают мощные наносы грунта. Затем снежник стаивает и образует озеро. Непонятно, однако, зачем стаивать именно этому снежнику, если другие не стаивают, так как общего потепления климата нет.

Разных геоморфологических образований здесь так много, что о происхождении многих из них невозможно додуматься. Особенно это касается останцов на равнинном плато в верхнем поясе гор. Эти останцы достигают высоты нескольких метров и похожи на фантастические башни. Их высота, по-видимому, должна указывать, насколько в некие времена поверхность земли здесь была выше, чем теперь. В результате разрушений менее устойчивых пород и выноса продуктов разрушения вниз поверхность сильно понизилась, останцы, сложенные более устойчивыми породами, сохранились. Такая точка зрения в условиях равнинных участков кажется сомнительной. Впрочем, этот взгляд хорошо увязывается с гигантским оплыванием склонов, в результате чего и образовались ступени — террасы.

Евражки — большие любители селиться в останцах, однако и в других местах их немало. Они живут даже на песчаной отмели близ наших палаток и нередко наведываются на кухню, где следы их пребывания сразу заметны. Объявив соседям-евражкам войну, мы поставили с Толей в ближнюю нору капкан и вечером, к своему изумлению и досаде, обнаружили в капкане каменку. Ту самую,

которая обреталась вблизи наших палаток и была очень непуглива. Что ей понадобилось в норе евражки, осталось для нас загадкой, тем более что нора была обитаема и она рисковала встретиться со свирепым хозяином.

Может сложиться впечатление, что тулесы — наиболее часто встречающиеся птицы, не считая водоплавающих. В любом маршруте постоянно слышатся их: ти-и-и, ти-и-и, пи-клиик, пи-клиик. Так и вспоминается есенинское «в душу рыдает кулик». Птенцы тулесов попадаются на глаза редко, но они где-то тут рядом, потому что родители подлетают поближе, садятся и начинают «отводить». Проковыляв с десяток метров и видя, что реакции на их поведение нет, они вновь возвращаются и повторяют свой маневр.

На всяких лужах и озерках в изобилии водятся плавунчики. Эти кулички просто трогательны в своей наивной доверчивости. Как-то мы подошли к одному почти вплотную. Он как заведенный крутился на воде, иногда даже нырял, не погружаясь в воду, а становясь в ней торчком, хвостом кверху. Плавунчик весьма наряден. Грудка у него розо-рыжеватая, вокруг глаз черные пятнышки, но брови белые, также как и переносица. Темя черноватое. Спинка серо-бурая с продольными рыжими полосками. Клюв шиловидный. Он ловко хватает всякую живность с воды и листьев. Выходит на берег, не замедляя движения. Взлетает словно нехотя, коротко чирикнув, и садится вновь неподалеку.

Сегодня вечером, вернувшись с сопок, отметили мой день рождения, подлечившись заодно, поскольку из носа капало, как из неплотно закрывающегося крана. Потом обсуждали сразу сорок проблем.

24 июля. Река Утавеем. Вчера вылет не состоялся, и топограф Петя опять свез нас на южный берег озера, где сам решил поспиннинговать. В этот раз прогулка сдабривалась каскадом брызг из-под зарывавшегося в волну носа лодки.

Оказалось, что в прошлый раз мы нашли далеко не всё. Попался даже куст ольховника. Потом осуществилась мечта шефа, он нашел вид звездчатки, которая растет только близ Берингова пролива и представляет собой в отцветшем состоянии серую лепешку. Затем новая удача Юрцева — на этот раз осока Хэпбер-

на — пришелец из Северной Америки. И целая куча других видов, в том числе сибирская примула, которая не была известна на Чукотке. Здесь нашлось и три вида папоротничков.

Мелкий дождь и густой туман сглаживали тона и очертания. В наше отсутствие Петя выловил здоровенного гольца, которого великодушно отдал нам. Раньше нам тоже перепадали гольцы, и мы уже знали, что уха из них — блаженство.

Сегодня в нужном направлении в тумане образовалась прореха. Все собрались и долго обсуждали, затянется она или нет. Наконец решили лететь, и мы забегали, собирая манатки. Сейчас мы сидим уже на базе геологов на Утавееме. На Коолене нашли около 300 видов цветковых растений.

Вертолет летел по долинам между гор. Из окна виднелись многочисленные оплывины на склонах, не очень заметные вблизи из-за большой величины. Так муравей не может увидеть хобот слона, ползая по нему. Издали оплывающий склон выглядит своеобразно: словно он не каменный, а из какой-то текучей вязкой массы. Это явление, очень характерное для гор Чукотки, называется солифлюкция. Местами видны огромные цирки, многие из которых забиты снегом. А на равнинах текут реки, состоящие из целой системы рукавов. Еще сверху мы увидели несколько палаток, а немного в стороне совершенно белые сопки. Вероятно, это и есть известняки и мраморы, к которым мы стремимся. В пойме видны огромные заросли ив.

На базе геологов сейчас живут только двое: радист-подрывник и повариха-завхоз. В столовой нас здорово откормили рыбой и потом поместили в огромную палатку с печкой, с электричеством от движка, с хорошим приемником. Рай земной!

Палатки стоят над поймой. От них к реке ведет натуральная аллея. Ивняк здесь выше двух метров, а отдельные деревья достигают трех с половиной. Идя по «аллее», совсем забываешь, что находишься на Чукотке и до северного побережья всего сорок километров.

29 июля. Река Утавеем. Дни пребывания на Утавееме уже сочтены: мы должны воспользоваться попутным вездеходом геологов, который вот-вот должен приехать из Пинакуля.

Эти дни прошли в ореоле сплошного удовольствия: флора оказалась очень интересной. Впрочем, поскольку уж здесь имеются обширные выходы известняков, то масса интересных видов подразумевается. Остается только выяснить, какие. Местный климат здесь сравнительно мягкий, иначе не росли бы столь мощные ивняки не только в пойме, но и на надпойменных террасах. Они есть и на склонах мраморных сопок и по седловинам. Травяной покров в пойменных ивняках мало отличается от лесного. Здесь растут и настоящие лесные виды: гроздовник полулунный, голокучник трехраздельный, зубровка душистая (которую используют для приготовления «зубровки»). В наиболее густых ивняках из-за сильного затенения, создаваемого кустами, травяной покров отсутствует. Кругом обилие хвоща.

В первый же день мы отправились на мраморную сопку, где нашли много интересных видов. Среди них сибирский флокс и копеечник Макензи — первый действительно сибирский по распространению, второй — американский. И тут же берингийский мачок Papaver Walpolei и оригинальное растение лескверелла, известная до этого только на острове Врангеля.

С сопки возвращались разными путями, чтобы побыть в одиночестве, чего в последнее время явно не хватало. Впереди меня по шлейфу долго бежал журавль с хриплым криком. У него на темени красная лысина. С моря быстро надвигался туман, скрывая окрестности. В таком случае ничего не стоит незаметно изменить направление и прийти бог знает куда. Но руки основательно замерзли, и доставать компас лень. Через некоторое время слышится шум реки, так что с направления и я не сбился и вышел точно к лагерю. Толя с шефом сделали крюк, выйдя на реку ниже, чем следовало.

На следующий день посетили каньон реки Ярармывеем. Скалы почти отвесны, на них также обитают интересные виды. Две крупные белые птицы снялись с одного карниза, но гнезда там не оказалось. Я подумал, что это полярные совы, но были слышны хлопки крыльев и видна довольно маленькая и не круглая голова. Потом я понял, что это были кречеты.

Как-то на вершине я разобрал кучку камней и нашел под ней

белые кости и череп евражки, рядом лежала погадка с шерстью. Тут, однако, меня осенило: поскольку шерсть белая, это не евражка, а скорее всего зимний горностай, которым закусила полярная сова.

Уникальные виды находим ежедневно. Попалось даже два вида, еще не отмечавшихся в СССР. Некоторые виды различаются между собой в какой-то одной стадии развития и лишь одним признаком, и сомнительно, стоит ли их признавать за особенные. К сожалению, с шефом на этот счет посоветоваться нельзя, так как он сторонник дробного подхода к видам. Кроме того, к нему начало вырабатываться недоверие из-за некоторых чрезмерных обобщений на основе какого-нибудь одного факта или несоответствия прежних представлений теперешним, хотя прежние представления предлагались нашему вниманию всего лишь с неделю или две назад. Естественно, что флорист всегда хочет набрать как можно больше видов, а представления о поведении отдельных видов могут сильно меняться по мере их изучения. Но если что-то изучено еще плохо, выводов делать не следует, иначе завтра их, возможно, придется пересматривать. Пожалуй, приятнее читать научные работы, чем выслушивать целый каскад идей, из которых верна одна. Точно так же приятнее есть колбасу, не зная, как она изготовляется.

Утавеемская погода в целом лучше, чем кооленьская, но незначительно. Каждый день нас методически кропит, и это тем более неприятно, что ходить приходится через ивняки, где с веток поливает, как из душа. В пасмурную безветренную погоду температура днем держится 9—11 градусов, а при солнце до 18 градусов.

Сегодня ходили за район известняков на кислые кристаллические сланцы. Мраморы в каньоне, отшлифованные водой,— это восхитительное зрелище. По берегам разбросаны великолепные плиты. В одном месте вода выточила памятник — ангел с крылышками держит ночной горшок. Шлифовка мрамора происходит с песочком. Местами песком занесены громадные толщи льда, которые перестают таять, образуя погребенные леднички.

В тундре можно найти много следов былой жизни. Прежде всего это многочисленные рога оленей. Некоторые из них слегка

погрызены, но, видимо, рога здесь не пользуются у грызунов таким спросом, как, скажем, рога лосей в тайге. Вернее, их слишком много. Можно также найти череп песца или медведя. Однажды нашелся ржавый карабин, пролежавший, вероятно, не одно десятилетие.

К лагерю подтянулась бригада оленеводов. Чукчи постоянно приходили в гости, и поварихе нужно постоянно держать чайник наготове. Пастухи носят меховые кухлянки и штаны, на ногах довольно легкие торбаса. Эта обувь хотя и легкая, но водопроницаемая, поэтому некоторые из них предпочитают носить высокие резиновые сапоги. Эта обувь неудобна, но ничего лучшего, увы, нет.

Как и на Кооленe, слышал здесь несколько раз звуки, напоминающие кваканье озерной лягушки; кто их издает, так и осталось непонятным. О лягушках, как и о пресмыкающихся, на Чукотке не может быть и речи[1].

Журавлей здесь особенно много. Нередко они летают парами, перекликаясь, сближаются в воздухе и летят дальше четверкой.

Однажды заметил вялого, оцепеневшего шмеля при температуре 13 градусов. Странно, ведь эти летуны подвижны и при более низкой температуре. На склоне мельком видел мелких черных муравьев. Они быстро исчезли, пока я думал, во что бы их посадить. Здесь же нашлась грушанка малая — типично лесное растение, сохранившееся как большая редкость в тундре со времени, когда здесь также росли деревья (несколько тысяч лет назад).

Геологи указали на карте, где находятся выходы кислых по составу горных пород, и мы могли сопоставить растительность на них и на основных породах. Выяснилось, что остатки лесной флоры приурочены к кислым породам, а американцы и берингийцы — к известнякам и мраморам. Есть и исключения, например, упоминавшийся флокс, сосед изящного крестовника аляскинского, пришедшего сюда с другого материка несколько тысячелетий назад. Нужно, однако, признать, что строго привязана к каким-то определенным горным породам лишь малая толика всей флоры района.

В местах, недавно освободившихся от снега, можно еще встре-

---

[1] Позже я узнал, что это была чернозобая гагара.

тить обильно цветущие растения из тех, что в иных условиях уже давно отцвели. В одном цирке, по соседству с массивом снега, раскинулась пышная луговина с обилием крупных желтых цветков лютика Турнера. На склончике видна целая заросль уже знакомой по Эгвекиноту американской ветреницы мелкоцветковой. Снизу эта выемка в сопке оторочена ивняком. Влияние большого снежника, видимо, здесь не ощущается, тем более что кроме кустарников нахожу богатый набор трав и даже лесные виды: кровохлебку и гроздовник. Рядом на скалах растет одна овсяница, которая распространена в континентальных районах Сибири, а на Чукотском полуострове до сих пор не отмечалась.

4 августа. Берингов пролив. С могучим тарахтеньем в один прекрасный день прикатил вездеход. Несколько дней геологи объезжали на нем свои владения и однажды забросили нас верст за пятнадцать от лагеря. Этот вид транспорта я еще не освоил. Сначала показалось, что ехать в вездеходе все равно что катиться с горы в пустой бочке. При езде по щебню стоит неимоверный грохот от каменных струй, молотящих по корпусу. Но по болотам и кочкарникам он идет как по асфальту. В ивняках остается «аллея», которая, вероятно, не скоро зарастает. Машина поразила своими возможностями: на невысокие склоны может вползать по склону крутизной около пятидесяти градусов.

С облегчением покинув вездеход, мы двинулись обратно по гребню мраморов.

Растения нередко встречаются в совсем, казалось бы, несвойственной им обстановке. Правда, они довольно часто при этом изменяют свое строение. Сейчас многие тундры пересохли, и некоторые влаголюбивые растения оказались в сложных условиях. Они образуют группировки с сухолюбивыми видами. По-видимому, пересыхание тундры — повторяющийся процесс.

Потянулись крупные холмы — отводки от сопок, они сложены карбонатным песком и покрыты пятнистой тундрой. Пятна тяжелого суглинка с трудом протыкаются копалкой. Растительность здесь крайне разрежена, зато богат набор видов. В одном месте наткнулись на целое поле маленьких белых маков — уже знакомого берингийца.

На вершинных пространствах обычны куртинные тундры, образующие серо-зеленую мозаику. Некоторые растения похожи на букеты на одном корню. Ходить по щебенистым «высокогорным» тундрам очень приятно, если нет ветра. Согреваешься обычно в движении. Когда приходится делать описания, то есть сидеть на одном месте, особенно вечером, тут уж буквально околеваешь от холода, и меховая куртка не помогает.

Для экскурсии в пойму Утавеем нам пришлось затратить целый день: река оказалась не так уж близко. Пойма изрядно разочаровала, ничего нового не нашлось, а ходить было трудно из-за ивняков.

Вчера мы выехали с вездеходом геологов в Пинакуль. Ивняки тянулись еще очень долго. Иногда показывались журавли. При нашем приближении они настораживались, потом вытягивали шеи и неспешно улетали. Их немало, что и понятно, ведь здесь больше заболоченной равнины, чем гор. Удивительно, что их крики слышны в вездеходе, при его могучем рокоте. Летят журавли всегда тесной парой, но порядок, видимо, не соблюдается, и они свободно меняются местами.

Переехали реку Кооленьвеем, которая здесь называется Усеенвеем. Вдали синел массив Дежнева. Форсировали несколько речек. Я крепко уснул, несмотря на отчаянную болтанку. Растолкали меня уже на месте, в урочище Дежнева, в двадцати километрах от мыса того же названия. Он виден невдалеке на севере как гигантский горный монолит, круто обрывающийся в пролив. Там когда-то стоял Кнуд Расмуссен, завершив великий санный путь, глядя на плывущие льдины. Об этих скалах упоминают все видевшие их. Магаданский археолог Н. Н. Диков изучал в них древнюю стоянку эскимосов. А наверху стоит памятник Семену Дежневу, и, когда мимо проходит мощный пароход, над суровыми берегами повисает долгий звук басистого приветствия и поминания мужества первых.

На высокой приморской террасе, словно на гигантском столе, сиротливо стоят большие палатки геологов. Это тоже базовый лагерь, и здесь тоже всего три человека, остальные в поле. Погода чудесная, такая была здесь в последний раз в мае. Берингов пролив безмятежно плещется под лучами заходящего солнца. Из него

вылезает словно чудовищный нарост остров Большого Диомида. Малый Диомид, уже американская территория, отсюда не виден, его закрывает большой собрат. Пахнет морем.

Нас разместили в огромной пустой палатке и дали кукули, спальники из оленьих шкур. Для Арктики это самая подходящая постель.

С утра густой туман, сырость ощущается всем телом. Ветер превращает туман в морось. Сегодня маршрутный день на новой точке, поэтому с погодой приходится смириться. Даже между палаток здесь растут два вида (звездчатка дикрановидная и ветреница многоголовчатая), для которых район Берингова пролива — родина, от нее они не отлучаются далеко. Последние наши точки — Коолень и Утавеем — районы прибрингийские, и оба эти вида есть по крайней мере в одном из этих пунктов.

Серо-молочно-зеленоватые воды пролива с шипеньем подкатываются под ноги, когда идем по берегу. Тут валяются полузасыпанные песком черепа и позвонки китов и моржей, массы гниющих водорослей — ламинарий, можно найти всякий плавучий хлам; геологи как-то подобрали здесь японскую куклу.

Здесь, конечно, обилие растений засоленных субстратов, среди них тоже есть берингийцы, например, одна из ивок, простирающаяся на песках и распространяющая во все стороны свои ветви словно в стремлении зацепиться покрепче. Лагуна теперь изолирована от моря мощным песчано-галечниковым валом. Во время штормов этот вал иногда размывает, и лагуна вновь соединяется с морем. Последний раз такое, видимо, было давно, так как ивки, выросшие на перемычке, находятся в почтенном возрасте.

Вдоль берега тянутся пятнистые суглинистые тундры, перемежаясь с мокрыми осоковыми. Скалы, до которых мы добрались, сложены из черного сланца, но сверху они покрыты карбонатным щебнем и мелкоземом. Погода испортилась окончательно. Ветер стал сильным, и двое моих брюк, а одни брезентовые, пробило дождем.

В лагере нас поили чаем с хлебом. После постоянного потребления галет он кажется пирожным. Тем более что выпекать его геологи мастера. У них специальная печь — железная бочка без

днища, вкопанная в откос и набитая наполовину камнями. Ее хорошо протапливают, чтобы камни накалились, после чего помещают формы с тестом. Тут настоящее искусство. Здешний завхоз несколько раз выпек неудачный хлеб и был отстранен от этой обязанности. Впрочем, судя по всему, он не был обескуражен, так как выпечка отнимает много времени, а он увлекся археологией. В трехстах метрах от лагеря находится стоянка эскимосов, датированная археологами XIII веком. Раскопки там были произведены весьма поверхностно, так как для глубокого раскапывания нужно оттаивать мерзлоту. Этим завхоз и занялся. Три месяца удалял оттаявший слой и теперь уже собрал три здоровенных ящика всяких вещиц: скребки, ножи из камня, какие-то фигурки из кости, остатки бус. Эскимосы жили в землянках, стены которых были выложены из костей китов. В результате какого-то бедствия селение вымерло.

11 августа. Пинакуль. Высунув головы из кукулей, мы убедились, что стоит тишина и яркое солнце пробивает брезент палатки. Пока нет вездехода, мы направляемся на стоянку. Она обозначена огромным навалом китовых костей, которые также торчат повсюду из склона. Завхоз проковырял уже солидную выемку, показал нам место очага и стен, выложенных китовыми лопатками. Мы с Толей принялись тоже за раскопки, и уже через пять минут я извлек конец сланцевого ножа. По виду он как металлический. Но крошился от малейшего нажима. Затем нашли несколько каменных скребел, какими обезжиривают шкуры, и деревянный нож-игрушку, совсем истлевший. Шеф, однако, не разделял нашего энтузиазма и топтался невдалеке. Мы не стали испытывать его терпение и с сожалением выбрались на террасу, буквально усеянную костями. Чуть поодаль начинался плавный подъем на холм, где торчал тригопункт.

На склоне шеф нашел, к своей радости, новый селезеночник, который оказался камчатским переселенцем. Наконец мы достигли могильника, изрядно обработанного археологами. В нескольких неглубоких погребениях еще оставались кости человека. В погребениях есть и китовые кости. Складывается впечатление, что покойника клали спиной на китовую лопатку и сооружали над ним свод

из нескольких китовых ребер, которые покрывали камнями. Земля на могиле жирная и голубоватая. Овсяница Баффина, которая в других местах выглядит весьма невзрачно, здесь вымахала как метла. В одном погребении кости располагались приблизительно анатомически. Захоронения, очевидно, производились не глубже 40—50 сантиметров, до уровня вечной мерзлоты.

Посередине могильника высится тур, сложенный из китовых костей. Рядом — тригопункт из жердей. Тут слышится рокот мотора. Вскоре мы затряслись, пересекая всю северо-восточную оконечность полуострова. На притоке реки Рыбной пили чай вблизи сеепито-мраморных сопок с кристаллической крошкой по шлейфам и целыми головами полупрозрачного кальцита. Поздно вечером прибыли в Пинакуль — основную базу геологов. Нас разместили в доме, где мы можем пользоваться всеми удобствами.

Пинакуль — небольшой поселок. К нашему восторгу, здесь оказалась баня.

Мы совершили несколько весьма результативных экскурсий. Сходили на реку Нунямовеем, перевалив Заячью сопку. Ни одного зайца мы не увидели, да и трудно себе представить, чтобы в этих каменных развалах они водились. Под глыбами иногда слышится журчание ручейка. Часто кричат лемминги и пищухи. А растительность очень бедная. Зато в пойме Нунямовеем нашлась целая серия интересных видов среди них пухонос дернистый, горечавка ушастая и кровохлебка. Пойма реки довольно широкая. Один берег завален валунами, другой отвесно обрывается в воду. В крупных выемках обрыва видны большие снежники или остатки зимнего льда, зависшие над рекой. Перейти реку оказалось невозможным.

С нашей стороны к реке спускается протяженный шлейф Заячьей сопки с обилием выходов на поверхность плывуна, которые образуют вязкие ступеньки. На них была найдена примула берингийская. До этого она была обнаружена только на острове Лаврентия.

Напротив Пинакуля, на другой стороне залива, даже без бинокля можно видеть поселок Лаврентия. Хорошо виден и выход из залива в море. Если с моря надвигается туман, то в залив он входит как в ворота.

Берега близ выхода залива в море на нашей северной стороне представляют узкую полоску, заваленную крупной галькой. Над берегом возвышается терраса около 80 метров высотой, сложенная суглинками. Склон террасы интенсивно разрушается с образованием оползней, огромных котловин и грязевых потоков с тонкими натеками на берегу. Разрушение идет постоянно, обрываются комья сырой земли, сочные шлепки следуют один за другим. В шторм этот процесс, вероятно, усиливается. Среди гальки попадается множество кусков окатанного окаменевшего ила. В таких кусках иногда видны крупные двустворчатые раковины. Здесь же немало странных пористых образований, напоминающих кость, возможно, каких-то губок или полипов. Их можно видеть и в обнаженной толще береговых откосов. Иногда на берегу и на поверхности террасы встречаются угловатые ромбические в поперечном сечении и продолговатые предметы из этого же губчатого материала. Мы решили сначала, что это древние орудия, но усомнились и пришли к заключению об естественном их происхождении и, судя по кипению соляной кислоты, органическом. Нашли эти штуки и в неокаменевшем иле откосов, некоторые оказались ветвящимися, другие совсем бесформенными.

Шеф нашел уникальный вид осоки. Хотя это место возвышается над морем столь значительно, здесь растут виды засоленных почв. Можно подумать, что они вознеслись на своем привычном месте, поднимаясь вместе с террасой. На эту же мысль наводят и раковины, и галька, и губчатые образования.

Рыхлые отложения занимают крупные площади на этой стороне залива. Сразу за поселком возвышаются песчаные холмы, на которых растут келерия азиатская, не известная более нигде на полуострове, а также на Аляске, и хвощ луговой — остаток лесной фазы чукотской растительности пятисотлетней давности.

Ближе к верховьям залива с холмов прослеживается общее понижение с обилием болот и озер.

Уже заметны осенние перемены. Кое-где покраснели березки и толокнянки. Менее слышны тулесы. Видимо, они вырастили свое длинноного-пятнистое потомство и успокоились. Журавли в мокрых седловинах, едва завидев нас, кричат на всю округу. В посел-

ке пуночки исполняют роль воробьев. В широких долинках по ручейкам бегают песочники. На склонах полно евражек.

14 августа. Бухта Пенкигней. Позавчера ездили на вельботе в Лаврентия отправлять ящики с гербарием и за продуктами. В заливе плавает множество разноцветных нырков, кайр, гагар. Они совсем не боятся вельбота, не взлетают, а лишь отплывают, настороженно вытягивая шеи. Они то исчезают на большой волне, то возникают на фоне неба. Многие птицы плавают посередине залива, где они, видимо, просто отдыхают.

Лаврентия в несколько раз крупнее Пинакуля, но дорожной грязи в нем, пожалуй, тоже больше в несколько раз. Мы едва не утонули, пока добрались до почты. Вес ящиков превышал норму. Мы приуныли, но шеф убедил начальника почты в чрезвычайной ценности нашего груза, и мы от него избавились.

На обратном пути волна усилилась. Укрепили брезент на наветренный борт, и каскады брызг нас почти не касались. На горизонте показалось двухмачтовое судно, которое спустя некоторое время встало на якорь близ Пинакуля. Мы отправились на переговоры с капитаном, который сразу же согласился забросить нас в бухту Пенкигней, тем более что судно шло туда заправляться водой.

На следующий день отплыли. Сквернющая берингийская погода лишала плавание удовольствия. Были видны лишь серые очертания сопок по берегу и многочисленные фьорды, скрывавшиеся за пеленой мороси.

Нас высадили у охотничьего домика чукчей. «Горизонт Провидения», заправившись водой из речки и несколькими зайцами и куропатками из ближайших кустов, растворился в тумане. Мы остались вдвоем с шефом, так как Толя заболел и поплыл в Провидения, откуда улетел домой.

Домик представляет собой каркас из досок, обтянутых толем. Прихожая имеет сильно прореженные стенки, но опочивальня в полном порядке. Тусклое стекло в маленьком оконце цело. У двери стоит железная печка, а на стене висит ворох оленьих шкур, которые мы тут же приспосабливаем под постели. Затем обследовали ближайшую пойму. Сегодня погода решила порадовать нас. С утра

великолепие бухты ослепило при полном штиле. Вода отливала глянцевой синевой. Масса всяких водоплавающих резвилась вблизи и вдали. Когда я пытался сфотографировать гагару, из воды высунулась усатая морда. Нерпа с любопытством уставилась на меня, а видя, что я не двигаюсь, вылезла чуть не до половины туловища.

Вокруг домика сновали каменки, а за завалинкой раздраженно чирикал евражка. Ему пришлось по вкусу наше масло, ночью он проверил все кастрюли. Шефу этот визит не понравился, пришлось насторожить капкан.

Евражек на этих склонах очень много. Я рассматривал мелкие растения, ползая на боку, и не заметил нору. Евражка вылез, ужасно фыркнув мне в спину, нырнул обратно. От неожиданности я вознесся из положения лежа на полметра. Нор здесь великое множество, а в траве выбиты тропы, подобные лемминги вытаптывают на сырых местах. Их я тоже встречал. Один лемминг выдал громкую, почти птичью трель. Потом я увидел его бегущим по склону. Завидев нас, он уселся и долго смотрел, как мы пьем чай.

В четыре часа дня температура воздуха была 22 градуса, а поверхность почвы местами нагревалась до 34 градусов. Замерзшая в непогоду жизнь теперь ликовала на все лады. Здесь оказалось много кобылок, и их неумолчное стрекотание напоминало луга под Ленинградом. Порхали разноцветные бабочки, гудели шмели, звенели мухи, шуршали крупные комары. Циркали какие-то пичуги. С высокой сопки доносился голос ворона. Вдали кричали журавли. С бухты неслось всевозможное кряканье, гагаканье и всплески.

С ботанической точки зрения район, конечно, преинтересный. Удивительная мозаика горных пород кислого и основного состава. Они чередовались пятнами чуть ли не в шахматном порядке. За один день нашли 253 вида. Некоторые виды поразили своей «неразборчивостью» к условиям обитания. Так, ангелика росла на открытом приморском валу.

В конце маршрута оказались на низкой сопочке, состоящей из известняка с включениями кварца и глыбами странного облика брекчий с горным хрусталем. На этой-то сопочке и встретился еще

один берингиец, отсутствующий севернее — полынь Сенявина. На склонах велико обилие луговинной растительности, а в поймах речек и ручьев развиты крупные ивняки. Все это свидетельствует о весьма мягком микроклимате. Недоумение вызывает только большой снежник под навесом одной скалы. Весьма трудно увязать задержку таяния снега и в других местах со сравнительно теплым в целом климатом бухты.

Возвращались уже в темноте, а темнеет теперь довольно рано. Приятно, выйдя из домика, увидеть черные силуэты сопок и услышать неумолчный шум прибоя.

Показывается луна, верхушки сопок на другой стороне бухты отражают ее мертвенный свет. На воде вспыхивает дорожка, тянущаяся, словно мост, на другой берег. Но вот дорожка гаснет, и на небе светится маленькое облачко, закрывшее луну. Шевельнулся воздух, и земля отвечает неясными шорохами. Что за огонек показался вдали, у входа в бухту? Скоро слышится далекое стрекотание. Луч прожектора, метнувшись, падает на соседние горы. Темный силуэт приближается к нашему домику, и вдруг мы ослеплены. Мотор застрекотал в другом тембре и, словно переданный по световому лучу, до нас доносится голос: «Эээ-ий!» — «Э-гей!» — отвечаем мы. «Не забрать ли вас?»

Мы отвечали, что прибыли только вчера. Голос обещает захватить нас на обратном пути, и луч убегает в сторону. Теперь мы видим, что это промерный бот — маленький катерок, о котором мы слышали и который действительно должен нас снять отсюда.

20 **августа. Бухта Пенкигней.** Теперь уже ждем судно, облазав округу. Погода все дни стояла сносная. Лишь один день был дождливый, и мы ходили на ближайшую сопку, где красуются гротескные останцы.

Я израсходовал целую бутылочку соляной кислоты, то и дело определяя известняки. Их разновидностей здесь очень много, и они не похожи друг на друга. Среди обычной растительности нередко появляется участок с любителями извести. Немедленно достается бутылочка, на образчик породы наносится капля. Ага, кипит-шипит, значит, известняк, ни за что бы не подумал, настолько плотный камень. Иногда не кипит и не шипит. Следовательно, извести

нет, а любители растут и на этой породе. В других случаях известь есть, а ничего интересного не растет. Мозаике выходов разных пород мы не перестаем изумляться.

Усиленно ищем лук и не находим. Между тем сразу по приезде я находил его и, рассмотрев, съел. Больше нет ни одного растения лука. Шеф сомневается — да был ли он?

Посетив всевозможные уголки, мы нашли здесь уже 335 видов, правда, многие из них внушают сомнение, но шефу виднее, что считать номером в списке, а что нет. Пока это самая богатая на Чукотке местная флора.

Вместе с тем некоторых привычных тундр мы здесь не нашли. Нет столь характерных пятнистых, а также куртинных тундр. Нет и некоторых видов, отсутствие которых трудно объяснимо. Зато снова нашлись новые для Чукотки виды, в том числе споровые: плаунок плаунковидный и криптограмма Стеллера. Первое растение похоже на мох, и оба раза шеф нашел его случайно, разбирая мхи, вырванные при геоботанических описаниях.

Еще два американских вида — примула эгаликсензис и песчанка лонгипедункулята — дополнили здешнюю компанию аляскинских иммигрантов. Оба найдены впервые в СССР, оба, как и многие прежде встреченные американцы, привязаны к известнякам. Ясно, что они в настоящее время чувствуют себя здесь не в своей тарелке и появились здесь при иных климатических условиях. Об этом же свидетельствует и то, что эти виды не способны преодолеть Берингов пролив и, значит, добрались сюда по суше, которая когда-то соединяла Чукотку и Аляску. Эта суша именуется Берингией, и в настоящее время о ее существовании имеется большое количество свидетельств разных наук. Наши данные являются весьма вескими аргументами в пользу существования Берингии, но все же полной гарантии о переселении американских растений на Чукотку по суше, а не через пролив, пожалуй, дать нельзя[1].

[1] Американский ботаник С. Янг считает, что на остров Св. Лаврентия многие зачатки растений приносятся ветрами с Аляски. В таком случае можно допустить, что эти зачатки способны достигать и Чукотки. Еще в 1898 году анадырский губернатор Н. Гондатти писал, что на юго-востоке Чукотки восточными ветрами приносит много лесу с американского берега. Известно, что на плавучем лесе путешествуют семена многих растений. Однако непонятно, почему теперь лес приносит от устий сибирских рек, а не от берегов Аляски. Вероятно, Гондатти ошибался.

Замечательной находкой в этом районе был ольховник. Мы нашли его в разных условиях, на разных, по отношению к странам света, склонах. То одиночные кусты на щебне, то невысокие массивчики, «подстриженные» сверху зимними ветрами. Иллюзия шефа о том, что ольха растет только на северных склонах, рассеялась.

Мы довольно много спорили и в маршрутах и дома. Так, выковыривая здоровенное корневище остролодочника Городкова для отыскания корешков, я выражал мнение, что этот остролодочник — плохой вид[1], что он отличается от остролодочника чукотского только тем, что имеет форму лепешки, а все остальные признаки отличия весьма неосновательны. Шеф утверждал обратное.

На крутом склоне, обрывавшемся в бухту, шеф нашел еще один остролодочник, имевший облик пушистого шарика. Это был, конечно, «хороший вид», и шеф сообщил, что это он его описал несколько лет назад из бассейна Анадыря. Для востока Чукотки полушаровидный остролодочник — большая неожиданность. Растительность же этого склона весьма бедна. Отсюда прекрасно видно, что вход в бухту загорожен островом Аракамчечен, а на входе в бухту есть еще два островка. Если на нашей стороне горы в основном светлых тонов, то на другом берегу они темнее, некоторые окрашены в ржавый цвет. Хорошо видны верховья бухты, куда мы не добрались за дальностью, где, по сообщению мореходов, есть смородина. Здесь она не встретилась.

Евражки часто помогают составить представление о грунте. Сейчас они подчищают свои норы и выгребают солидные кучи перегнойной земли или щебня.

Пищухи, живущие в камнях, запасают на зиму корм. В расщелинах скал можно найти кучи листьев, среди которых много толокнянки альпийской. Как-то я выгреб эти запасы для изучения, и из расщелины раздалось негодующее чирканье. Запасы я засунул обратно и прибавил к ним еще целую охапку, заткнув всю щель. Шеф говорит, что видел в ивняке полевку, а в долине ручья близ

---

[1] Тогда я еще не знал, что этот вид описан Юрцевым. Для автора вида, конечно, неприятно слышать, что его детище называют плохим.

снежника снежного барана, который приближения человека не выдержал и исчез, как призрак.

Однажды, сделав описание растительности, я сидел на склоне и курил. Тут от берега появилась лиса. Меня она не заметила, а сосредоточила внимание на шефе, который находился в двух примерно километрах. Лиса трусила, повернув голову в его сторону, потом прилегла за бугорком и принялась наблюдать, что там делает человек. Тут я свистнул, и лиса, не оборачиваясь, пустилась наутек, вытянув хвост трубой. Это была роскошная огневка, как я мог видеть в бинокль. На следующий день, когда мы ковырялись на склоне в долину, я услышал отчаянный крик шефа и бросился к нему. Шеф стоял под утесом с копалкой и смотрел наверх, на лису. А лиса тоже на него смотрела. Чем ей понравился шеф? Тут он закричал мне и бросился наверх. Лиса не стала дожидаться и исчезла в ближайшей долинке.

На склонах иногда попадаются крупные норы, из которых тянет запах тухлятины. По-видимому, это песцовые или лисьи норы. Песцов, однако, мы ни разу не видели.

Шеф нашел еще не известный науке вид сердечника, для которого тут же придумал название neptunii, поскольку листья походили на трезубец Нептуна[1]. Эта находка явилась триумфом богатой пенкигнейской флоры. Шеф всегда искренне рад, когда находит интересный вид. Если это делали мы с Толей, он просто говорил: «Да, хорошо». Но на нашу долю хороших находок выпало мало.

23 августа. Бухта Пенкигней. Лето подходит к финалу. Склон сопки близ нашего домика стал красноватым от увядающей альпийской толокнянки. Многие местные растения приобретают пунцовую окраску. Желтеет только березка, как ей полагается, но часто и она краснеет.

Теперь уже в восемь вечера почти невозможно рассматривать растения, особенно если облачно. Раньше в это же время мы не собирались идти домой, хотя уже уставали от постоянного вглядывания в сплетения трав. Иногда становилось тягостным постоянно ощущать себя «хвостом» шефа. От этого многие радости приходят

---

[1] При описании этот вид был назван spenophylla, клинолистный.

задним числом, когда ослабляется впечатление от малоприятного амплуа. Утешением служат приобретенные знания, которые останутся, когда все остальное забудется.

Несколько дней не уходим далеко, поглядывая на выход бухты, ждем транспорт. Вчера весь вечер стонала гагара и не напрасно. Сутки спустя подул восточный ветер, которого здешние мореходы побаиваются. Мы занимались описаниями растительности сначала в дельте речки, затем на приморском валу и в приморских болотах-лайдах (называемых также тампами и маршами).

Как-то заметил с бугра большую утку в луже, а рядом утенка. Утка улетела, а утенок оказался круглоносым плавунчиком. Я составил описание его оперения и поведения с расстояния двух метров, а потом решил сделать из него чучело и запустил в него копалкой. Плавунчик отлетел в другой конец лужи и скоро забыл о столь вопиющем поступке. А я подумал про себя, что начал звереть и что еще месяц назад мне и в голову бы не пришло убивать одну из своих любимых птиц. Надо сказать, что подобный способ охоты совершенно себя не оправдал. Несколько раз я метал свою копалку в зайцев, но они даже ходу не прибавляли. Старый куропач осмеял меня на всю округу, когда я таким же образом пытался внести разнообразие в меню.

В тихую погоду еще появляются комары, но беспокойства не причиняют. Между кустами ив в пойме в безветрие можно видеть рои толкунцов. Под вечер вдоль воды сидят тысячными рядами водоплавающие птицы. Стоит только высунуться из-за вала, вода в бухте словно закипает от того, что все бросаются в бухту и плывут от берега. Почти никто не поднимается в воздух. Иногда лишь кружат большие стаи чаек.

Мы постоянно говорим о своеобразии флоры этого места. Ботаники здесь не работали, хотя бывали в ближайших окрестностях. С острова Аракамчечен и берегов пролива Сенявина, отделяющего этот остров, есть гербарные сборы еще середины прошлого столетия. Но берега бухты Пенкигней — совсем иное дело, влияние моря здесь сильно ослаблено. Флора Чукотского полуострова вообще очень мозаична. В этом повинно множество факторов, особенно историко-геологический. Чукотка — страна грандиозных геологи-

ческих потрясений. Это можно видеть наглядно. Постоянно прослеживаются наклонные пласты, частое чередование горных пород и их сильная метаморфизация, следы мощного наступления моря и ледников. Многие следы довольно свежи и позволяют думать, что status quo сложился недавно.

В этом районе отмечено множество лесных растений, целый комплекс, в отличие от других мест, где эти растения являются слабым отголоском минувшего. Здесь теплее, чем в местах, где мы были раньше, мягче микроклимат.

24 августа. Борт «Горизонта Провидения». Шеф перед сном вышел на улицу, увидел огонек и позвал меня. Мы долго смотрели, как этот огонек то стоит на месте, то вдруг несется стрелой (обман зрения из-за влажности воздуха). Решив, что это не за нами, устраиваемся на ночлег.

Вскоре, однако, раздалась сирена. Снова выскакиваем из домика и размахиваем керосиновой лампой. В ответ раздается могучий бас «Горизонта Провидения».

Через полчаса мы заняли душевые комнаты и вылезли оттуда уже за полночь. Нас вне очереди кормили чем угодно, только не тушенкой. И, наконец, мы оказались на хрустящих простынях. Решили, однако, не спать, так как вскоре должны были подойти к Сенявинским горячим ключам, где делалась остановка.

К ключам подошли на рассвете. Команда отправилась за грибами, а мы смотреть флору ключей. Хорошо развитые кустарничковые тундры с обилием разноцветного ерника (березки) располагались по обширному склону невысокого холма, по которому мы шли. Между этим холмом и живописной сопкой с останцами текла по распадку речка Теплая. К ней и выходили горячие ключи. Место их выхода еще издали было заметно по клубам пара. В воздухе слегка пахло сернистым газом. Температура в некоторых ключах была выше 70 градусов, термометр «зашкаливало». Температура почвы убывала по мере удаления от ключа очень быстро. В нескольких метрах она уже не отличалась от температуры почвы на террасе. Сразу бросился в глаза набор специфических растений. Здесь и мята сахалинская, и азиатский подорожник, и два лесных папоротника, и целая куча других растений. Есть также обитатели

приморских засоленных субстратов, хотя здесь, конечно, не побережье.

Близ выходов ключей выдолблены ванны, температура воды в них 40—50 градусов. В ваннах плавают зелеными облаками и устилают дно водоросли. Команда вместо собирания грибов расселась по ваннам и грелась, советуя нам сделать то же самое. Говорят, что эта вода хорошо помогает от радикулита, но времени было в обрез, и мы даже не успели сходить на другой берег речки, где ключей не было, но виднелся крупный лесной папоротник кочедыжник.

Поднялось солнце и прямо-таки брызнуло на сопки ярким светом, заискрив осенние краски. Остров Итыгран голубоватыми конусами вылезал из воды. От реки Теплой поднимались клубы белого пара и соединялись с такими же облаками, над которыми торчала макушка ближней сопки.

Под вечер прибыли в Провидения. Этот крупный поселок похож несколько на Эгвекинот тем, что высокие сопки с останцами наверху также прижимают его к берегу залива. В 1848—1849 годах в бухте зимовал корабль «Пловер» под командой Мура, посланный на розыски бесследно исчезнувшей экспедиции Джона Франклина (одна из многих трагедий Арктики). Теперь известно, что от бухты до места гибели экспедиции в Канадском архипелаге более 3000 километров.

Нам не довелось увидеть Провидения при солнце, но, безусловно, здешнее окружение рождает в сердцах поэзию и доброту. Два дня мы пребывали в визитах. Игорь с «Горизонта» — художник, журналист и радиоинженер — завлек нас в гости к своему приятелю, капитану промерного бота, которого мы знали по голосу из темноты в бухте Пенкигней. Тот оказался поэтом, и, надо сказать, стихи его были отличные. Шефу он подарил свой сборник.

Через пару дней мы улетели в Анадырь и тут встретили в аэропорту двоих своих. Узнали о судьбах всех остальных и то, что они просочились по домам. Вечером наши товарищи взяли курс на Москву, а мы опять на Залив Креста. Дел тут особых не было, но пришлось упаковывать все имущество, в том числе брошенное другими группами, и сдать на склад.

1 сентября. Москва. В последние дни в Заливе Креста установилась чудная осенняя погода, но наша заинтересованность в ней связывалась с возможностями улететь домой. Большинство снежников за лето стаяло. Право же, в горных тундрах осенние краски столь же сочны и множественны, как и в умеренных поясах. Багряные пятна толокнянки поражают насыщенностью цвета. Склоны гор тем ярче, чем богаче растительностью. Это и понятно, камни окраску не меняют.

В распадке против Эгвекинота прыгают и стрекочут маленькие цикады серого цвета, вообще-то они жители очень теплых стран.

Евражки отъелись так, что похожи на поросят. Они живут и в поселке, ведут себя весьма нахально.

Вторично цветут некоторые растения. Злостный сорняк дескурайния навевает грусть, особенно утром, когда на нем висит бисер росинок, в которых преломляются лучи солнца.

Вчера качнулись под крылом самолета эгвекинотские сопки и исчезли. Потом суточное бдение в Анадырском аэропорту в ожидании гиганта Ту-144. В полдень вылетели, в полдень же прилетели в Москву. По времени ничего не потеряли, но чувствовали себя измотанными. Еще с самолета было очень радостно видеть деревья, поля, пасущихся коров. Уже много желтых и пунцовых прядей в кронах деревьев. Вспышку радости доставили зонтики желтых «пуговиц» цветущей пижмы, иначе — дикой рябины, хотя растение это — банальнейший сорняк. Листва лип и тополей навеяла мысль, что такого насыщенного зеленого цвета на Чукотке очень мало. Зелень там с примесью либо серого, либо желтого.

Сейчас остается ждать вечера, а с ним самолета в Ленинград.

ГОД ВТОРОЙ

Начало пути. Бараниха. Певек. Эгвекинот. Озеро Сеутакан. Конергино. Верховья Канчалана. Трасса Эгвекинот — Иультин. 94-й километр трассы. Выезд на реку Матачингай. Ванкарем. Эгвекинот.

14 июня. Поселок Бараниха. В этот год мы вылетели раньше, чтобы проследить самое пробуждение растений от зимнего оцепенения. Я стал аспирантом Б. А. Юрцева и имею определенную цель работы, обычно называемую темой, которая посвящена изучению ботанико-географических изменений между материковой (континентальной) и берингийской, полуостровной (океанической), Чукотки.

Мне предоставлена полная самостоятельность в действиях и автономность в суждениях, выделены средства на двух помощников и как будто еще пришлют денег на вертолет.

На этот раз нам повезло, не засиделись в Москве. В Андерме вновь почувствовали разницу широт. Здесь еще едва пахло весной. Тикси был закрыт. Самолет сел в Хатанге. Затем посидели в Черском, рассматривая шумливых якутов, и, наконец, оказались в Певеке. Устроились на ночлег в профилактории летчиков.

Сейчас нас две группы и лихенолог Ира сама по себе. Группа аспиранта Саши Галанина будет работать в Баранихе весь сезон, а мы с другим Сашей — только несколько дней. Своего спутника Сашу Эфроса я увидел впервые несколько дней назад. Он оказался студентом-физиком из Политеха.

Утром вылетели в Бараниху. Сейчас наша задача — своими глазами увидеть и оценить обстановку на Западной Чукотке, с тем чтобы сравнить ее потом с Восточной Чукоткой. Чаунская низменность предстала под нами в почти зимнем обличье. Снег занимал более половины всей поверхности. Но и дальше к юго-западу всюду был виден однообразный пестрый заснеженный ландшафт. В горах еще особенно много снега. Появляется извилистая широкая лента густой сини — река Раучуа. Тундра сверху светло-сиреневая. Огромное количество озер, многие еще подо льдом.

В Баранихе поставили палатку близ аэропорта на берегу какой-то канавообразной речки. Горы здесь расступаются, образуя широкую равнину, по которой течет Раучуа и где расположен поселок золотодобытчиков. Северные склоны гор за Раучуа еще сильно заснежены, но южные, за поселком, уже свободны от снега. От них тянутся огромные шлейфы бурого цвета, что сразу выдает кочкарники и болота.

В этом году я взял с собой транзисторный магнитофон для записи звуков тундры, кинокамеру и ружье, чтобы добывать птиц как орнитологические объекты и как пополнение рациона. В первый же вечер удалось подстрелить дутыша и какую-то утку с белыми брюшком и щеками и темным монотонным верхом[1]. Эта экскурсия носила прогулочный характер, день уже клонился к условному закату, когда мы смогли выбраться. Многое подзабылось за год. Мы не сразу признали даже поморников, крикливой стаей кружившихся над коралем.

Многие растения также не распознаются, хотя постепенно все становится на свои места. Требуются какие-то толчки, шевелится машина интуиции, и в конце концов наступает прозрение.

Как-то рано утром, едва проснувшись, услышал посвист снегиря где-то близ палатки, но увидеть его не успел. Саша утверждает, что за Раучуанским хребтом к югу в редколесьях снегири наверняка водятся. Следовательно, они могут сюда добираться, тем более что их встречали даже на Новосибирских островах.

Близ поселка на телеграфном столбе сидел американский бекасовидный веретенник[2]. Разглядывая в бинокль с десяти метров, я принял его за вальдшнепа, на которого этот кулик похож и оперением и длинным прямым клювом с небольшим расширением на конце. Сидящий на столбе кулик весьма комичен.

В пойме Раучуа крупные ивняки с примесью ольховника. Здесь постоянно снуют чечетки. Кусты до половины в растительной ветоши, таким образом видно, что пик паводка уже позади, хотя и сейчас река еще не вошла в нормальное русло. Посередине ее ска-

---

[1] Морянка.
[2] Возможно, что это был большой веретенник.

листый остров. Нам очень хотелось осмотреть галечники на другом берегу. На перекате, где мы искали брода, течение сбивало с ног. Напор воды неудержимо толкал по дну и наконец передвинул на глубину, где ледяная вода хлынула в сапоги. Пробую перебраться без сапог, на этот раз течение протаскивает меня в омуток, где погружаюсь по пояс и спешу выскочить. Коллега резонно рассуждает, что нужно «глотнуть» из фляги.

В пойме много незнакомых видов, и мы определяем их методом исключения по списку, составленному ранее Юрцевым. Яркое солнце. Через пару дней носы начинают лупиться.

До северных гор добираться приходится через кочкарные шлейфы. По кочкарнику идти скучно и грустно, но зато на склонах нас ждут интересные виды. Цветет сиреневым букетом сон-трава, а рядом стелется вонючий змееголовник пальчатый. Он и не цветет. Пахнет все растение, как это часто бывает у губоцветных. Ни одно из этих растений в прошлом году нам не встречалось, также как и ива чукотская, обычная в этом районе. Среди камней торчат сухие прошлогодние зонтики. Это вздутоплодник, тоже континентальное растение. Много пахучего шиповника, вечнозеленого папоротника с жесткими ароматными листьями-вайями.

Северные склоны заметно террасированы. В разных местах сохраняются еще огромные снежники. Иногда можно видеть паука, который греется на снегу. На камнях, словно ситцевые, круговые узоры разноцветных накипных лишайников. Ими как раз и занимается Ира Макарова. Она носит с собой геологический молоток, и к вечеру ее рюкзак становится неподъемным.

Многие виды не находим, хотя они значатся в списке, они пока еще не вылезли из земли или вылезли совсем немного, так, что их не удается определить.

Однако везде что-либо цветет, даже на вершинах гор, где среди куртин дриады виднеются лиловые цветки остролодочника чукотского.

Сегодня собирались лететь, но самолет не явился. Купание в Раучуа не пошло на пользу. Мы с Эфросом подхватили такой насморк, что едва дышим и в придачу ничего не слышим, так как уши закладывает.

17 июня. Посслок Апапельхино. На следующий день мы все же улетели. Близ аэропорта на сухом участке илистого берега знакомой речки поставили палаточку-двухместку. А когда развернута палатка, переживаешь то же, что и при получении квартиры, так что настроение бодрое.

Утром нас разбудил рев прогреваемых моторов. Еще вчера выяснилось, что вода в речке солоноватая, и Саша ходит за водой в гостиницу по соседству. Напившись чаю, похожего на деготь, садимся в автобус и подкатываем прямо к подножию облюбованной горушки. С ее вершины нам открывается Певек. Это, оказывается, крупное селение, и не зря оно считается городом. Вдали в туманной дымке видны горы, окружающие приморскую низменность.

При спуске натыкаемся на южном склоне на степные участки, о которых говорил Юрцев. Здесь много овсяницы ушастой, и участки действительно издалека представляются пятнышком соломенного цвета, напоминают степь. Пятнышки слишком малы, всего несколько квадратных метров. Кроме того, тут же растут и аркто-альпийские виды, такие, как крупноплодная минуарция, альпийская зубровка, жилковатнолистная ива, чукотский остролодочник.

Нет, называть такую растительность степной — значит вводить в заблуждение ботанико-географов. Тут работает бульдозер, сгребающий щебень в кучи, а затем через особое устройство — в кузова машин. До «степных» клочков осталось совсем немного, и, вероятно, скоро они исчезнут с лика сопки, а останутся только в статьях Юрцева. Выходим на дорогу, Саша покидает меня: совсем расхворался. Я тоже иду домой, но кружным путем.

Равнина пересечена увалами и уже не кажется ровной, как издали. Вдоль небольшой речки крупные снежники. Подмытые склоны обнажают тяжелый суглинок или песок. Несмотря на то что район этот находится близ побережья Ледовитого океана, здесь еще встречаются невысокие разреженные ивняки в укрытиях. Кусты обычно облеплены чечетками. Сережки на ивах уже пылят, толстые шмели нагружаются пыльцой так, что едва ворочаются.

Общий цвет растительного покрова серо-бурый. Между увалами

располагаются озерки или осоковые болота, но на самих увалах сухо. Тундра весьма однообразная, с обилием ползучих кустарничков и березки тощей. Такая тундра называется субарктической. Иначе говоря, Певек — это еще не Арктика, а Субарктика.

Когда я добрался до палатки, Саша заканчивал изучение огромного реестра по использованию таблеток, которыми его снабдила мама, она у Саши врач. Я занял свое место, вся остальная площадь между нами была завалена лекарствами.

Утром Саша отправился в Певек за билетами, мы мечтаем присоединиться в Заливе Креста к ленинградским геологам, отправляющимся на озеро Сеутакан.

Я двинулся работать. Вскоре дошел до уже знакомой по предыдущей ночной прогулке террасы, которая хорошо видна от аэропорта. На верхнем перегибе террасы есть замечательный цветничок с сон-травой и чукотской песчанкой, похожей на ежа. Словно клочья прилипшего сена — куртины ушастой овсяницы. Белыми крапинками цветут крупки. На склоне находится даже шиповник. Это уж совсем сюрприз.

За террасой начинается пологий спуск, за ним — низкая конусовидная сопочка.

Меня поразила желтая окраска равнины, словно поле спелой ржи виднелось вдали. Это оказалось огромными зарослями вейника лапландского, развившегося на месте горелой тундры. Местами массивы соломы прерывались бугристыми болотами и участками голой черной земли со странными грибами обгоревших кочек. На буграх грелись и резвились кулики. Однажды заметил турухтанов, которые токовали. Распушив свое жабо, они топтались на месте или пробегали по сухому валику, потом складывали жабо и опускались на землю, как куры.

Один поморник долго следил за мной. Стоило мне нагнуться, как мелькала его тень, он высматривал, что я там нашел. Полет поморника очень изящен, но по своим повадкам он достоин называться пернатым шакалом. Многие хищники издают очень жалобные звуки: ястреб-тетеревятник как бы плачет, несмотря на свой свирепый нрав. Плачет поморник, кроме того он еще и мяукает почти по-кошачьи.

Я долго шел к низкой сопочке, но шлейф ее оказался совсем неинтересным и тоже обгоревшим. Тогда я повернул к дальним горам, где виднелся в бинокль серый, видимо, известняковый склон. Обгорелые тундры занимают огромные площади. Если на таком участке не поселился вейник, он смотрится издали как вспаханное поле. Вблизи на поле видны ярко-зеленые пятна печеночных мхов. Для журавлей эта огромная равнина весьма подходящее место жительства.

На полдороге я прилег на сухой бугорок и задремал. Разбудил меня протяжный крик поморников, которые кружились надо мной. Из кустиков на шлейфе выскочила белая куропатка и каким-то бултыхающим полетом с клекотом отскочила метров на тридцать. Я подошел к ней совсем близко и рассмотрел густо оперенные ноги. Она была уже не белая, а серая. При дальнейших попытках сблизиться она вскочила, и ее спина замелькала между кочек.

Близ серого склона текла речка с красивыми террасами из светло-желтого щебня с куртинной тундрой из шикши. Никаких известняков тут не оказалось и в помине. По склону поднимались вверх причудливые кекуры. Издалека они кажутся средневековым замком. Немного воображения, и вот-вот над гигантской башней грохнет пушка и покажется облако дыма. Однако в действительности грохает сорвавшаяся глыба, подняв облако пыли.

На горизонте начинается увал, за которым лежит Апапельхино. Очень долго я шлепаю по приморской равнине, покрытой кочкарниками и осочниками. Низкая сопочка, с которой я пришел, все время оставалась сбоку. Вчера мне показалось, что в окрестностях Певека мало кочкарников, сегодня я удовлетворен их площадями. В серо-желтых кочках показываются нежно-зеленые пучки свежих листьев пушицы.

Несколько раз наблюдал токующих лапландских подорожников. Оказывается, их брачный полет напоминает поведение лесного конька. Точно так же подорожник с песенкой взлетает с кочки приблизительно под углом 45 градусов на высоту нескольких метров и затем под тем же углом опускается на другую кочку. Колена песенки при этом не меняются.

Однажды белая куча привлекла внимание. Сова? Так оно и

оказалось. Полярная сова сидела на какой-то торчащей под углом доске и таращила на меня желтые глаза. Я сфотографировал ее с пятнадцати метров и подошел еще ближе, она взмахнула крыльями и бесшумно скользнула на другую позицию. Нередко вдали показывался крупный темный предмет, похожий на медведя. Глянув в бинокль, я каждый раз видел бочку из-под горючего.

Равнина была сырая, но черные пятна пожарищ с «грибами» горелых кочек попадались то и дело. Значит, летом эта равнина пересыхает и становится легко воспламенимой. Это верный признак континентального климата, несмотря на близость моря. Об этом же говорит и наличие довольно нередких ивняков, а также серия континентальных по своему распространению видов растений, таких, как сон-трава, вздутоплодных, песчанка чукотская.

Сегодня случайно увидел три гнезда лапландского подорожника. Самка слетает с гнезда, когда почти спотыкаешься о него, поэтому оно сразу бросается в глаза. Два гнезда были на кочках, в пучках сухой травы, а одно в кусте ивы в пойме маленькой речки. Гнездо свито из прошлогодней травы, а лоток устлан перышками. В двух гнездах было по четыре грязно-беловато-голубоватых с огромными размазанными бурыми пятнами яйца. Самка значительно тусклее самца по окраске. У нее нет черных шапочки и надгрудника и огненно-рыжего загривка. Самки проявляли большое беспокойство, пока я рассматривал гнезда, и подлетали иногда совсем близко, чирикая, как капризная воробьиха. Иногда появлялся самец, который оказывался более терпеливым к вторжению на гнездовой участок. Вчера на пологом склоне певекской сопки видели гнездо бекаса с четырьмя яйцами. Таким образом, насиживание сейчас в полном разгаре, несмотря на низкие температуры ночью.

Пологий склон увала был покрыт все той же субарктической тундрой, идти по которой легко. Зато противоположный склон, обращенный к Апапельхино, оказался сплошь закочкаренным.

Сашу, расхаживающего у палатки, я разглядел издалека, а он взволнованно разглядывал горизонт, стоя ко мне спиной.

— Хо,— вскричал он, обернувшись,— как я рад, что ты еще живой, в восемь утра мы летим!

Мы выпили чайник чая, поглядывая на куличка типа перевозчика, который токовал в десяти метрах. Он стрекотал, как глухой колокольчик, и трепетал в любовном экстазе. Крылышки его двигались по-стрекозиному в верхней части взмаха. Его ликующее журчание было прямо-таки трогательно. Он то взлетал, то садился, но, и сидя на какой-нибудь палке, продолжал журчать и трепетать крылышками. Ближе, однако, он меня не подпускал и, не прерывая своего занятия, несколько отдалился. Никакого партнера вблизи видно не было. Куличок радовался сам по себе. Между тем температура воздуха была всего 0,5 градуса.

23 июня. Поселок Эгвекинот. Утром, когда мы, лязгая зубами, раздували костерок для чайника, куличок продолжал токовать. Было похоже, что он занимался этим всю белую ночь.

В Залив Креста летели через Шмидта, где была зима, хотя этот поселок южнее Певека. Аэровокзал почти до второго этажа окружали завалы снега. Здесь нам нечего было бы делать, будь даже у нас время.

После Шмидта еще долго тянутся почти сплошь заснеженные горы. Спачала они высокие, затем становятся ниже. Вот проплыла Амгуэма, затем несколько рядов высоких гор хребта Искатень и, наконец, знакомые очертания сопок, почти родной поселок. Видно, что снега еще очень много. Это скорее не снежники, а снежный покров с крупными проталинами. Впрочем, на «нашей» стороне снега почти нет. Бухта почти полностью скована льдом.

Встречаемся со своими коллегами — группой А. Е. Катенина — целым девичником. Мы уже, заросшие, грязные, вконец оглохшие (самолет садился довольно лихо), смотримся как два чучела. Узнаем, что геологи еще тут и облегченно вздыхаем. Вылет будет не ранее чем послезавтра. Теперь выясняем, кто из этого женского батальона наш третий. Нина Сухорукова — студентка биофака МГУ оказывается плотно сбитой, немного робкой девушкой. Отправились в Эгвекинот. И все это время не покидает радостное возбуждение при виде всяких знакомых по прошлому году деталей.

Вновь поднялись на ближнюю сопку с крупными останцами. Находясь близ этих образований, постоянно слышишь осыпания и спонтанные подвижки осыпей. Делая шаг вперед на пути вверх,

нередко оказываешься сдвинутым на два шага назад. Идя поперек склона, то и дело падаешь на руку, и в конце концов вся рука начинает саднить.

На вершине, как обычно, свищет ветер, хотя внизу его нет вовсе. С вершины хорошо видно, что осыпь под горой имеет волнообразную поверхность. Каменные волны веером расходятся от горы. Мы их видели на аэрофотоснимках и пытались убедить Б. А. Юрцева, что эти гигантские осыпи сползли со склона, но он считал, что это все — морена.

Спускаемся в седловину на другую от вершины сторону, и теперь вокруг только каменистые склоны и небо. С седловины едем до самого низа по снежнику, но снег рыхлый, и движение получилось замедленное, да еще с подмоканием.

Вновь посещаем и ближний распадок, выходящий к аэропорту. Теперь мы можем видеть, что растительность в нижней части южного склона сходна с субарктической растительностью Баранихи и Певека, иными словами, здесь она более континентальна, чем вся прочая в ближайших окрестностях. Становится ясно, что причина этого — особый климат распадка по сравнению с межгорной впадиной бухты, где находится метеостанция. Формированию местной вариации климата распадка способствует его хорошая защищенность от ветров.

На огромном пятне шикши на перегибе склона увидели белую куропатку с ярко-красными бровями. Я подошел к ней на два метра и решил, что она сидит на гнезде. Куропатка начала встревоженно ворочать головой из стороны в сторону, как это делают домашние куры, завидев нечто настораживающее. Птица отбежала на несколько метров, оказалось, никакого гнезда нет. И объект моего наблюдения был самцом тундряной куропатки. Гнездо, видимо, где-то рядом, но мы его не видели, самец отвлек наше внимание, что и предусмотрено природой.

На щебенистых участках то и дело попадаются мытники Вильденова, которые выглядят сейчас словно брошенные кем-то клочки ваты. Густое белоснежное опушение скрывает развивающееся соцветие, оберегая его от простуды.

Экскурсия на самую высокую в районе сопку окончательно убе-

дила в том, что каждая сопка имеет какие-то свои флористические отличия. Мы долго карабкались по крупнокаменистым осыпям, пока не выбрались на более пологие щебенистые участки, где стали попадаться более интересные растения. Хотя горные породы не были известковистые, нашли ряд видов — любителей почвенного кальция, из тех, что раньше были известны только с Зеленой горки: ива круглолистная, лапчатка двуцветковая. Бухта скрылась за горой, и стало казаться, что мы находимся в гигантском колодце с обрушившимися стенками. Какая-то невидимая пичуга пела незатейливую песенку, которая в угрюмых скалах звучала, как колокольчик для рыбной ловли.

Подобные экскурсии занимают целый день, поскольку до горы нужно добраться и затем медленно, тщательно осматривая разные места, взойти на нее. Вновь осмотрев Зеленую горку, мы пришли к выводу, что ничего особенного она не представляет. Единственный отличающий ее вид — ветреница мелкоцветковая (Anemone parviflora).

В гнезде лапландского подорожника яйца были разломаны, то есть птенцы дружно вылуплялись. Перьев в гнезде не было. Видимо, не все подорожники утепляют лоток гнезда.

Птичье население малоприметно, может быть, оттого, что экскурсии проходят при большом скоплении участников. Голоса белых трясогузок вспарывают тишину так же, как и везде, где она становится надоедливой. Изредка видны пуночки и каменки. Иногда, словно призрачные, мелодично перезванивающиеся комочки, промелькнут на сером фоне камня чечетки. Очень редко с сопок доносится протяжное кру-у ворона. Наиболее интересными оказались зуйки с коричнево-охристыми грудками[1].

27 июня. Поселок Эгвекинот. По утрам за палаткой кричит евражка, словно негодуя на наше долгое пребывание в его владениях. Как-то он бежал по своим делам, и вдруг на него спикировала каменка. Евражка резко остановился и казался изумленным, но не попытался доказать свое физическое превосходство, хотя

---

[1] Позднее стало ясно, что это монгольские зуйки, которых однажды в этом же пункте встречал проф. Л. А. Портенко — крупнейший знаток птиц Чукотки.

каменка села в трех метрах от него и приняла свою обычную, несколько робкую, позу. На нашем конусе выноса каменок довольно много, их «чекание» слышно постоянно. Иногда они подолгу сидят на телеграфных проводах.

Позавчера на противоположной стороне бухты нашли два гнезда подорожника с яйцами и одно — плиски. У подорожников подстилки из перьев в гнезде также не было, но плиска тщательно выложила лоток оленьим волосом. Ее яйца белые с тусклыми серыми пятнами на тупом конце.

Все гнезда находятся на кочках или под прикрытием травы. Но гнездо гаги было расположено на открытых камнях у самого берега кипящего потока. Это была мягчайшая серая подушка, на которой лежал пяток крупных зеленоватых яиц. Перепуганная гага выпустила на яйца жидкую зеленоватую струю и поднялась очень тяжело. Она плюхнулась в двухстах метрах от нас в речку, затем перелетела за склончик и исчезла.

Восточная сторона бухты оказалась значительно беднее флористически, что нетрудно было предвидеть. Как видно на геологической карте, горы слагаются здесь породами кислого состава. На глаз они выглядят более темными. Крупнокаменистые безжизненные осыпи спускаются местами до берега бухты или оставляют только узкую полосу приподнятого берега, где встречаются клочки субарктической тундры. Сжатые долинки уходят вглубь на два-три километра и круто поднимаются вверх. Горы не отделяются одна от другой полностью, представляя цельный массив — складку, наверху которой обширное плато.

Мы пришли к водопаду, который виден из Эгвекинота как неподвижная светлая полоска. Вода здесь срывается из-под снежника в верхней части горы и метров через 25 ныряет под другой снежник, из-под которого выскакивает через 10 метров и летит метров 40, затем снова ныряет под снеговой забой. Далее появляется бурная речка в два метра шириной, перебраться через которую стоит неимоверных усилий.

Погода установилась великолепная. В воскресенье в распадке против Эгвекинота загорающих было не меньше, чем на пляже Черного моря. Я умудрился за какой-нибудь час сжечь спину так,

что не могу носить рюкзак. Температура воздуха поднимается до 25 и 27 градусов, а температуру поверхности почвы однажды установили 42 градуса. В такие дни жара совершенно изнурительная и ходить в маршруты трудно. Как люди работают в пустынях?! Однако купаться в бухте никому и в голову не приходит.

Растения дружно зацвели. У подножий сопок и по замоховелым водостокам склонились тысячи «ночных чепчиков» кассиопы четырехгранной, напоминающей ландыш. В щебенистых тундрах ковер выткан нежными белыми цветками дриады; тут же цветущие белые подушки диапенсии и розовые звездочки цветков луазелерии; минуарция цветет маленьким белым букетом. Как в Ленинградской области ранней весной, целые поля образует ветреница, только здесь другой вид — сибирская. В белую гамму врезаются лиловые цветки рододендрона малоцветкового, а камчатский рододендрон еще только в бутонах. Незримо цветут разные осочки, злаки еще только начинают.

В третьем часу ночи между северными сопками шмыгает красноватый диск солнца, бросающий оранжевые блики на останцы ближайшей сопки.

По вечерам сгущается холодок, и после дневной жары приятно надеть полушубок и посидеть у костра, благо что дров здесь достаточно. У огонька приятно погрузиться в думы.

Я пытаюсь проникнуться той чувственностью, с какой общались с природой натурфилософы. Мне давно кажется, что один лишь академический интерес недостаточен для полноценного восприятия явлений в природе и нужно хоть немного лирической одухотворенности, чтобы самые маленькие детали вырисовывались, как звук колокольчика в звучании симфонического оркестра. Человек, изучающий природу, должен обладать способностью принимать природу из ее собственных рук. Именно такими и были старые авторы не только научно-популярных, но и строго научных книг. Теперь мы мыслим совсем иначе и пишем, разумеется, тоже иначе. И не потому, что мы стали чем-то хуже. Мы просто уходим от природы все дальше и перестаем понимать ее язык.

30 июня. Озеро Сеутакан. Вчера утром мы опять не вылетели и отправились с Ниной в бухту осматривать галечники.

Только вернулись, прибежали геологи: «Летим». Мы срочно скрутились. Однако оказалось, что груза для одного рейса слишком много. Сердце заныло. Слава Калабашкин, начальник партии, обычно медлительный, теперь оказался очень подвижным и зычным:

— Ну, что рты разинули, давай грузитесь, свезете наши дрова, а мы потом.

Проплыли три линии побережий с приморской ковровой растительностью. Долго тянулась весьма унылая равнина — Конергинская низменность (там мы еще побываем). Далее начался горный ландшафт, сначала мелкие, отделенные широкой полосой равнины, сопки, затем сплошной массив. Было видно несколько широких речных долин. Местами сопки были сглажены, округлые, но были и островерхие. В одном месте виднелся большой участок светлых желтоватых пород; в другом — какое-то небольшое озеро окружали породы пепельного цвета, тоже занимавшие крупную площадь. Река Сеутакан предстала сверху как многорукавная, довольно мощная система. К реке примыкает озеро того же названия. У озера на длинном мысу видны палатки геологов, но мы пролетаем дальше. Садимся в десяти километрах от озера Сеутакан, в долине, где сливаются две речки и образуют одну широкую и глубокую, называемую Курортная. Прекрасно, прилетели прямо на курорт. Однако снега вокруг значительно больше, чем мы ожидали.

Быстро выкидываем вещи, дрова и, смятые воздушной подушкой винта, оглушенные, остаемся одни.

Пока ставили палатку, наблюдали рядом куличка-хрустана. Он молча прогуливался, изящно топтался, изредка делал «отводящие» движения, сначала вполне артистически, а когда мы уже заканчивали благоустройство, как-то разочарованно, видимо, оттого, что его не преследуют и ему в сотый раз приходится начинать все сначала. В трех шагах от палатки обнаружили его гнездо. Приходится только удивляться, как при всей нашей возне мы не наступили на него. Гнездо представляет округлую естественную ямку, выбранную по размеру куличка и несколько «обработанную», слишком уж округлую. Никакой подстилки, вернее, даже гнездовой постройки нет. Ее заменяют прижатые стебельки брусники, осоки и лишайника дактилины, в растительный покров не внесено ника-

ких изменений. Благодаря своей естественной конструкции и четырем огромным светло-желтоватым, с густым бурым крапом яйцам гнездо совершенно незаметно. Стоит отвести от него взгляд, его снова приходится высматривать. Саша увидел гнездо потому, что спугнул хозяйку, как он утверждает, в тот момент, когда та насиживала очередное яйцо. Но тут Саша явно дал маху, поскольку у хрустана на яйцах сидит только самец. Самка же, отложив яйца, удаляется к другому самцу, которого также наделяет заботами о потомстве, затем к третьему.

Поставив палатку, отправляемся вниз по речке Курортной, захватив ружье. Недавний паводок прилизал прошлогоднюю траву, на низких террасах еще мало свежих растений. К полудню все уже серо из-за облачности. Вдоль речки много кустарника, но сплошные заросли ивняка располагаются небольшими участками. В основном это парковые ивняки, в которых кусты отстоят друг от друга. Южные склоны сопок в целом зеленее, чем северные. Стоит начать исследовать прежде всего их, пусть в других местах растительность разовьется. Сейчас здесь такая же ситуация, какую мы наблюдали в Заливе Креста двумя неделями раньше.

Мы прошли километра четыре и, увидев вдали полосу низинного тумана, решили, что там озерная равнина. От полосы тумана поднималось к вершинам сопок белесое облако.

Тут вдали замелькало белое заячье подхвостье. Я уподобился гончей. Заяц бежал по направлению к сопке. У подножия он перелез через край снежника и побежал вверх по склону. Я выстрелил несколько раз издалека. Заяц влез на террасу и скрылся. Я подождал Сашу, и тут мы снова увидели зайца. Он подошел к краю террасы посмотреть на нас. Тогда я отправился в обход, а Саша полез сбоку, чтобы гнать зайца на меня. Но заяц полез наверх. Когда я оказался на террасе, он сидел недалеко, но это не помешало мне промахнуться, а ему продолжить путь. Я полез за ним. Иногда мы садились и отдыхали, один раз он залег за камнями. В конце концов я загнал его на вершину, живого и, думается, невредимого. Спустился довольный тем, что и поохотился и заяц жив.

3 июля. Озеро Сеутакан. В первый же день отправились на озеро, так как должны были передать пакет местным геологам. По пу-

ти осматривали южные шлейфы сопок и надпойменные террасы.

Из каждого распадка вытекает своя речка. Сейчас форсировать их довольно сложно. Скоро мы окунулись, и положение наше упростилось: можно было не искать броду, а вопреки поговорке прямо соваться в воду. Скользя по галечникам, мы лезли на нагорные террасы, шлепали по болотцам и снова ковырялись в приречных кустах. Интересно, что низкие галечные террасы иногда представляют участки сухих щебенистых редкотравных тундр, которые очень напоминают и по условиям среды и по набору видов такие же участки привершинных нагорных террас.

Озеро лежало теперь перед нами, а за ним белели палатки, поэтому мы не спешили, когда наткнулись на невысокую нагорную террасу с большим обилием цветущих растений. Растительность покрывала здесь только 35 процентов площади, и каждое растение занимало свой микроучасток, не мешая соседу. На небольшом участке насчитали 34 вида. Во многих местах цветков было, пожалуй, больше, чем листьев.

Вдали промелькнули силуэты трех человек с рюкзаками. Это те, кого мы не застали на базе. Палатки стояли на высоком берегу озера, прямо на кочкарнике. В лагере остался радист да пара трясогузок, которые устроили гнездо в палатке-складе.

Мы отдали пакет и узнали все, что нас интересовало, главным образом, нет ли в районе известняков и когда будет вертолет. Ленинградские геологи обещают снять нас только через месяц, но столь долгий срок на одном месте для нас непозволительная роскошь.

Озеро Сеутакан отделено от реки Сеутакан только сопочным массивом. Оно состоит из двух частей, между которыми обнажается илистая отмель. На северном конце штормами намыло щебнистую дамбу, которая значительно сокращает нам путь. Довольно странно, что на не слишком большом озере могут случаться такой силы штормы.

На устьевом галечнике небольшой речки вдруг нашли целую компанию растений — любителей кальция в почве. Самое любопытное то, что они росли бок о бок с теми, которые терпеть не могут почвенный кальций. Смесь разных по своим требованиям к

среде обитания видов на этом галечнике была просто поразительна. Тут и болотные, и горные, и галечниковые, и нивальные — всего 67 видов. Речка текла между серых субщелочных сопок. Хотя радист сообщил нам, что это не карбонатные породы, мы установили с помощью соляной кислоты наличие в породе мелких включений карбоната кальция (происходили точечные вскипания).

Склоны этих сопок производят впечатление пустыни, но количество найденных на них видов оказалось внушительным. С вершины озеро кажется совсем маленьким. В бинокль видно множество уток, гусей и гагар. Все они имеют в оперении много черного. Берега озера почти сплошь болотистые-кочкарные с несколькими галечными треугольниками устий речек. На южном конце из озера вытекает десяток проток, вливающихся через четыре-пять километров в реку.

На вершине сопки оказалось много усатой камнеломки. Это чрезвычайно оригинальное растение. Из прикорневой розетки листьев во все стороны торчат красноватые нити, на концах которых развиваются дочерние растеньица. Нечто подобное происходит у земляники, но у нее усы тянутся беспорядочно, тогда как данная камнеломка «рассаживает» свое потомство по кругу.

На соседней сопке видно, что солидный ее кусок образован другими породами, более темными. Вертикальная граница стыка видна до самого подножия. Снизу поднимается длинный снежник, который согласно разветвлению долинки тоже ветвится, образуя вилку зубцами кверху.

Расположившись на нагретом южном склоне, снимаем сапоги, и вскоре перекур у нас получается с дремотой. Когда минут через двадцать снова натягиваем сапоги, разомлевшее тело словно налито свинцом. Купание при переправе через очередную речку восстанавливает бодрость.

У палатки нас ожидает неприятность. Гнездо хрустана разорено. Яйца разбиты, именно разбиты, а не раздавлены, и чаша гнезда не повреждена, следовательно, на него никто не наступал. Яйца не съедены. Куличок прохаживался вблизи весь вечер, не выказывая признаков разочарования, но потом исчез и больше не появлялся.

Неподалеку от нашей стоянки возвышается конусовидная гора с огромным подковообразным снежником. В «подкове» расположена крупная осыпь так, что кажется, будто снежник и осыпь связаны друг с другом и зависят друг от друга. От горы идет высокое предгорье с двумя террасами. Оно-то и отграничивает долины двух речек. Поскольку его склоны обращены к северу и образованы кислыми породами, растительность на них очень однообразна, а во флористическом отношении они и вовсе неинтересны. Все же мы совершили по ним маршрут до небольшого озера, расположенного выше по главной долине, которое оказалось еще подо льдом. Лишь вдоль берегов лед стаял, и утки держались на участках открытой воды, иногда вылезая на лед.

Сверху мы могли видеть, что многие горы почти не отделяются друг от друга. Только их вершины разделены седловинами. Разделами целых групп гор являются распадки, довольно круто поднимающиеся от основной «нашей» долины. По этим распадкам, узким долинам и ложбинам лежит еще огромное количество снежников. Они есть и на южных, и на северных склонах, и на всяких прочих. Из многих снежников выныривают свирепые потоки. На верхних плато мелкий щебень желтоватого цвета сильно уплотнен. Можно подумать, что здесь ездил дорожный каток, на самом деле это работа ветра.

В верхних частях склонов, в сколь-нибудь укрытых местах, издалека заметны ярко-зеленые пятна. Это луговины, в которых часто встречается так называемый чукотский цикламен (правильнее додекатеон). Зеленый фон создают овсяница алтайская и осока ножкоплодная. Такие луковицы очень характерны для Восточной Чукотки. В них очень обычна еще ива Шамиссо, закрывающая своими ветвями прорехи в растительном покрове участка. «Наша» речка оказалась текущей с севера из распадка, а из озера вытекает лишь маленький ручей, который в нее впадает. Таким образом, долина вводит в заблуждение, также как и карта, показывающая, что река Курортная вытекает из этого озерка.

4 августа. Озеро Сеутакан. По утрам солнце чувствительно прогревает палатку. Саша встает на полчаса раньше и выполняет обязанности кухарки. Поскольку он физик, в его ведении приму-

сы — единственная наша техника. Нина котируется как биолог, поэтому спит на полчаса дольше, но зато с нее больше спрос во время маршрута. Кухмистерские дела, впрочем, не особенно обременительны: нужно сварить кашу и положить в нее тушенку, вскипятить чайник. Саша весьма активен и в маршрутах. Он быстро усваивает, что растения, которые попадаются не на каждом шагу, нужно приносить и показывать. Результат использования физика в этом качестве превосходит мои ожидания.

Еще в Эгвекиноте Эфрос изобрел аппарат для сушки гербарных газет. Аппарат представляет собой ящик из-под макарон без двух стенок, одна из которых заменена двумя палочками. В ящик ставятся два горящих примуса, а на палочки кладутся газеты, которые очень быстро и основательно просыхают. Гербарий, перекладываемый «жареными» газетами, требует меньше внимания, а сохнет быстрее и качественнее.

Второй день мы не можем добраться до большого озера, что на востоке, вверх по долине: застреваем в интересных местах. Вчера поднялись на террасу с северной стороны долины и нашли на нижней части склона, спадающего на террасу, набор видов, указывающих на наличие в почве кальция. Между тем на карте здесь значатся кислые породы, и действительно они совсем не походят на карбонатные: реакция на солянку отрицательна. Снова среди кальцефитов[1] растут и те виды, которые их не любят (к таковым относятся многие кустарнички: голубика, багульник, шикша, березка). Склон южный и крутой, мерзлота подтаивает под действием перпендикулярных лучей солнца, и под склоном существует мочажинное болото с морозобойными пятнами голого суглинка. На этом склоне мы проползали полдня, после чего еще долго осматривали болото.

Когда растения бросали длинные тени, наше внимание привлекла пара подорожников. Их поведение было загадочным. Самка нервно подпрыгивала и, словно челнок, сновала среди бугорков. Самец сидел поблизости на бугорке и повторял свою короткую песенку. Когда самка отбегала далеко, он подлетал к ней и снова пел.

---

[1] Кальцефиты — виды, тяготеющие к породам, содержащим известь.

По-видимому, это была свадьба, хотя у других пар давно уже и дом готов и потомство появится вот-вот. Утром мы видели гнездо подорожника в пойме, опять под кустиком сухой травы. Гнездо было с подстилкой из перьев. Кажется, в этом районе подорожников меньше, чем в Заливе Креста, но это и понятно, здесь меньше и равнинных участков.

Однако близ озера, где равнин довольно много, подорожники многочисленны. Постоянно слышна и овсяночья песенка, принадлежащая, по-видимому, овсянке крошке. Иногда подает голос полярный жаворонок — рюм. Если смотреть на него в фас, то его голова кажется заключенной в черный квадрат. Помимо всего прочего, он имеет рожки. По склонам вспархивают, словно снежинки, пуночки. И, конечно, очень часто раздаются звонкие хрустальные вскрики белых трясогузок. Близ озера держатся журавли, а по долине — тундряные куропатки. Вечные странницы чечетки снуют по кустам ив.

Близ реки, в кустах, Саша нашел три крупных чисто-белых яйца, лежащих в беспорядке вне гнезда. Яйца были холодные. Яичница из них получилась вполне приличная, несмотря на красноватые желтки, обстоятельство, которое отбило у Нины аппетит.

С евражками редко сталкиваемся, хотя их огромные колонии встречаются каждый день. Вокруг нор густо разрастается полынь Тилезия, поэтому колонии издалека видны как зеленые пятна. В пойме очень много петляющих дорожек-канавок леммингов. Как-то мы выгнали одного зверька из куста, он, как биллиардный шарик, покатился по своей канавке, следуя всем ее изгибам, пока не скрылся в норе под соседним кустом.

Здесь нет такой жары, как в Заливе Креста, но погода теплая, поэтому насекомые весьма заметны. Особенно много огромных комаров, шуршащих крыльями на южных склонах. Обильны также мухи и разнообразные бабочки: рыжие, белые, серые и почти черные, но все довольно мелкие. Нередки также божьи коровки и даже жуки, в том числе жужелицы.

Под вечер становится прохладно. Температура опускается ниже десяти.

Сегодня прошли дальше, чем вчера, но вновь застревали, то на склоне, то у гигантского снежника в долине, где занимались описанием «подснежниковой» растительности. Снежник явно многолетний, и под ним сформировался особый вариант растительности. В ней много мелкого мха типа кукушкина льна и однолетнего растения кенигии исландской, достигающей в высоту трех сантиметров. Каждый год эта кенигия вырастает из семечка. Во всей Арктике однолетних растений насчитывается не более десятка.

Уже в сорока сантиметрах от стены снега некоторые растения чувствуют себя прекрасно, а в двух метрах многие цветут, несмотря на талые воды. Чуть поодаль поднимается бугорок, сплошь изрытый норами евражек. Близость снежника-перелетка их вовсе не пугает.

Лед на озерке уже дотаял за прошедшие два дня, и теперь над ним кружение чаек и гусей.

Список растений уже превысил 200 видов, но многие банальные виды еще не найдены, а некоторые маршруты только запланированы. Работы, конечно, много, но она двигается, хотя время течет невыносимо быстро. После экскурсии мысли выстраиваются в пьяный ряд и становятся плоскими. Многое из происшедшего и воспринятого как нечто значительное, во время писания дневника забывается или теряет остроту в связи с обилием эмоций. Многое из того, что записывается, быстро уходит в забытье и восстанавливается лишь с помощью записей. Память отказывается хранить все без разбора, на нее совсем нельзя полагаться. Часто случается, что какой-либо участок растительности при осмотре оказывается принадлежащим к хорошо знакомому типу. Но попытка описать его по памяти сразу наталкивается на затруднения и сомнения.

6 июля. Озеро Сеутакан. Вчера была последняя экскурсия в восточном направлении, вверх по долине, на которой мы стоим. Долина все же значительно беднее видами растений, чем мы ожидали вначале. Многие ее участки заболочены, вблизи русла сильна выкорчевывающая деятельность паводка. Чувствуется, что мерзлота на днище долины залегает местами глубоко. Это следует из обилия грунтовых вод, которые во многих местах выходят на поверхность. В месте их выхода образуется воронка, в которой поднимаются

струи, как в закипающем чайнике. От воронки идет короткая протока в речку.

День был погожий, но облачность сгущалась. Над кустами ив разносились резкие крики плисок и щебетание чечеток. На выдающихся веточках иногда сидели подорожники. Гнездо плиски с шестью яйцами нашлось на бугре заболоченного участка поймы. В пойме держатся поморники, рыскающие в поисках птичьих гнезд. Одного мы добыли и убедились, что это длиннохвостый поморник и окрашен он весьма нарядно, имея на шее желтую косыночку. Есть его мне пришлось одному, поскольку запах, струящийся из кастрюли, постепенно вытягивал физиономии моих спутников.

В конце долины мы пришли к широкому плоскому возвышению — плато, целиком сложенному слабо окатанным щебнем. Это резко отличало плато от различных других возвышений. Его поверхность была ровной, как стол, растительность на нем крайне изрежена[1]. Зато цветущий камчатский рододендрон выделялся на этой пустыне пурпурными огоньками, особенно если смотреть на него против солнца. Привлекали внимание и светло-желтые звездочки цветков камнеломки твердой и белые цветки дриады. Но это банальные для данного района виды.

13 июля. Озеро Сеутакан. Речка, снабжающая нас водой, течет с юга из довольно узкого распадка, днище которого постепенно повышается, что заметно на глаз. Мы поднялись на два километра по речке и отметили, что кусты ив кончились. Дальше попадались целые поля снега и льда. Высота днища возрастала примерно на 100 метров через каждые четыре километра. Судя по карте, речка текла с перевала, а по другую сторону перевала уже другая речка текла в залив. Таким образом, эти долины продолжали друг друга, слагая ветровую трубу, по которой морские ветры легко достигали перевала и переваливали через него. Эти ветры, холодные и влажные, способствуют сохранению снега и льда.

Но в месте, где мы сейчас живем, более действенна ветровая труба вдоль реки Курортной, так как ее долина значительно крупнее.

---

[1] Тогда мы еще не поняли, что нашли древние морские отложения.

Ветры здесь также морские, но, по-видимому, несколько иссушаются, пока крутят по долинам. Разобраться в направлениях ветров, их силе и влиянии на растительный покров — задача чрезвычайно сложная, хотя в общем это влияние, вероятно, всегда неблагоприятно для растений Арктики. Упомянув о долинке со льдами и снегами, уходящей на перевал, нужно отметить, что на такой же и еще большей высотах в других местах подобной задержки таяния нет, но ее можно заметить в других узких долинках, вовсе не выходящих к морю, но имеющих меридиональное направление с юга на север.

Недалеко от выхода все той же долинки в обширную межгорную впадину, где мы живем, наше внимание давно привлекало крупное зеленое пятно в верхней части склона первой террасы. Наконец мы туда сходили и описали пышную луговину, в которой ничего нового, впрочем, не нашлось. Луговина граничила с довольно крупным ерником, и в нем-то, к нашему великому изумлению, обнаружился цветущий седмичник. Это лесное растение мы находили год назад еще восточнее, но там, где оно росло, климатическая обстановка в целом более благоприятна. Зато именно это местечко одно из лучших во всей здешней округе.

Б. А. Юрцев считает, что если многих лесных растений нет на западе Чукотского полуострова, а на востоке они есть, то, значит, они пришли с Аляски, где выходят к самому побережью.

Этот взгляд по многим причинам вызывал сомнение, но лучшим доказательством противоположной точки зрения (лесные растения на востоке Чукотского полуострова происходят из Азии) могло быть только обнаружение этих видов на западе полуострова. Седмичник с Сеутакана как раз и есть подобная находка.

Не менее замечательно то, что и луговина и ерник с седмичником соседствуют с огромным снежником, с которого текут ручьи. Более холодные воды, очевидно, уходят в грунт и не вредят растительности на перегибе террасы.

В нашем распоряжении оставалось несколько дней, когда мы направились к геологам, чтобы подробнее ознакомиться с окрестностями низовий реки Сеутакан. По пути нашли несколько новых видов и гнездо чечетки в ивняке. Это было первое гнездо не на

земле, а на высоте шестидесяти сантиметров, на толстой ветке. В стенки гнезда снаружи были вплетены тоненькие веточки. Просто удивительно, как эта пичуга использует такой грубый материал. Подстилка состояла из пуховых перьев довольно крупных птиц. В кладке было шесть маленьких яиц нежного зеленовато-голубоватого цвета с бурым крапом на тупом конце.

Ивняк в этом месте звенел птичьими голосами, среди которых слышался уже знакомый позыв и песня овсянки, по-видимому крошки. Я записал этот базар на магнитофонную ленту, а затем, перемотав ее, включил звук и дал послушать пернатым их собственное исполнение. Они никак не отреагировали.

Пойменные луговины уже зазеленели, скрыв сор паводка, но лишь в некотором удалении от основного русла. Вблизи же лежит листовой опад, запорошенный илом, сквозь который пробиваются редкие побеги ветреницы Ричардсона. Долина оживилась со времени нашего первого посещения этой ее части, но расцвета еще не достигла.

Вскоре мы сидели у горячей печки. Геологи всегда живут с удобствами. Нам отвели отдельную палатку по соседству с той, где обретается семейство трясогузок.

Озеро сильно обмелело за последние дни, показались обширные отмели.

Между озером и рекой Сеутакан вытянута сопка, которая через невысокую заболоченную седловину соединяется с горой, лежащей к северу и входящей в горную цепь. На половине высоты сопки имеется защищенная нагорная терраса, которую прорезают сверху вниз крупные ложбины. Издалека они выделяются ярко-зеленым цветом, который сулит обилие растений. Там находим первый раз в этой округе белозор Коцебу. Это изящное растение названо по имени капитана корвета «Рюрик» О. Коцебу, посетившего в начале прошлого века Берингов пролив. Уже упоминавшийся Адельберт Шамиссо был ботаником этой экспедиции, впервые нашел этот вид и дал ему название. В те времена многие растения Чукотки и Аляски были новыми для науки.

Маршрут по реке Сеутакан проходил под знаком типичной берингийской погоды. Темные клочья облаков цеплялись за горы и,

сбросив с себя мелкую влагу, светлели. Потом эту хмарь пробуравил луч солнца, но клочья зашевелились и вновь сомкнули ряды.

Пойма Сеутакана оказалась интересной, ассортимент местообитаний в пойме обширен. Здесь мы нашли еще несколько видов и выяснили, что белозор Коцебу начал встречаться регулярно. Таким образом, стоило нам расширить осматриваемую территорию — список начал пополняться новыми видами. Кажется странным, что многие из них не растут в долине реки Курортной, и этот факт не находит пока объяснения.

На галечнике Сеутакана, к нашему немалому удивлению, попадается ложечная трава — растение приморских засоленных грунтов.

Через три дня мы расстались с геологами, которые обещали прислать за нами вертолет. Саша отправился напрямик собирать вещи, а мы с Ниной двинулись, как обычно, выписывая синусоиду. Теперь уже чувствовалось, что разные пятна растительности нам хорошо знакомы, мы можем предсказать, что на них встретим. Однако всякие редкости предвидеть невозможно. Так, приметив изумрудное, явно луговинное пятно на склончике в пойму, мы находим лапландский лютик. Это растение скорее материковское, хотя встречается и еще восточнее. Кроме того, этот лютик растет обычно на влажных мхах, а здесь он сидит лишь в одном месте, и к тому же в несвойственной ему обстановке. Так бывает, когда растение находится на грани исчезновения в данном районе.

Хотя геологи сообщили, что в районе отсутствуют осадочные породы, нам снова довелось в одном месте наблюдать точечное вскипание соляной кислоты на камнях.

Мне нужно посмотреть еще останцы в верхней части горы. Добираясь до них по сыпучим склонам, изрядно взмокаю. Много нового не находится, только щавель ложнокисличный радует своим появлением.

Среди этого скопления скал и осыпей живет на сравнительно небольшом пространстве около 25 процентов найденных в этом районе видов — 270. Несмотря на относительно большую высоту, растительность необыкновенно богата, хотя и клочковата. Луговины на закрепленных участках сменяются полупустынными осы-

пями и обдуваемыми площадками. Уже издали эти останцы производят приятное впечатление, а вблизи они величественны. По нескольким узким щелевидным коридорам происходит медленное движение камней от вершины вниз. Скалы образованы лавобрекчиями и выветриваются в основном в горизонтальной плоскости. Местами они предательски сыпучи, но в целом порода плотная, и можно лезть даже по отвесным кручам, цепляясь кончиками пальцев. Некоторые растения устроились тут на совершенно отвесных стенах в едва заметных углублениях и щелях. Выветриваясь, лавобрекчии дают много мелкой крошки, что способствует заселению скал растениями. Кроме того, химический состав породы благоприятен, и, наконец, здесь нет засилия мхов, так как склон обращен к югу и весьма сухой. В останцах держатся снежные бараны. В одном месте попадается кучка навоза, очень похожего на козий. Рядом лежка — небольшое пятно, расчищенное от щебенки. Оглядываясь в сторону озера — не летит ли вертолет, я пострекотал камерой, спешно отснял ряд наиболее интересных растений и полез выше.

На вершине оказалось голое плато. Открылись обширные перспективы горных долин, озера и межгорная впадина, где сливались две речки и где в бинокль была видна, словно светлое пятнышко, палатка. Подуло с моря. Это первый день с восточным ветром. Холодный ветер скоро вынудил возвратиться. Я катился вниз вместе с потоком щебня, иногда выскакивая из него что-то посмотреть. Потом снова прыгал в реку из щебня и с хрустом ехал дальше. Едва спустился, послышался гул вертолета. Вот упала снимаемая палатка, и... вертолет пролетел мимо. Высунув язык, я мчался по тундре, а прибежав, увидел своих обескураженных спутников. Через полчаса вертолет снова появился и завис над нами. Потом во все стороны полетела всякая мелочь, и, сшибаемые диким потоком воздуха, мы принялись затаскивать свои мешки.

Летим напрямик и по карте следим за маршрутом. К западу от реки Сеутакан тянется довольно высокий хребет; несколько крупных долин с ивняком, затем район мелких округлых сопок; опять эти странные светло-желтые породы вокруг озера; горы вновь под-

нимаются, и наконец проплывает обособленная гряда, за которой начинается приморская равнина. Однако даже с вертолета видно, что эта равнина не сплошное болото. На ней немало плоских холмов и разного рода возвышений.

14 июля. Эгвекинот. Пришел денежный перевод из Магадана на вертолетный спецрейс, но нужна еще доверенность на аренду. Пока она придет, мы успеем поработать в Конергино, куда завтра летим с Ниной. Растяпа Саша потерял командировочное удостоверение, без которого нельзя купить билет.

Сегодня отправились в бухту. В здешних местах постепенно растет уверенность в том, что, сколько ни броди в одном районе, что-то постоянно остается неизвестным. В бухте есть места, где очень много кустиков курильского чая, усыпанного яркими желтыми звездочками цветов. Находим додекатеон — чукотский цикламен, еще не отмечавшийся здесь.

Подножия южных склонов гор за бухтой изобилуют луговинами, а по западинам встречаются куртины ив, в которых гнездятся чечетки. Они проявляют заметную терпимость при вторжении на их гнездовую территорию и, вспугнутые, беззаботно улетают из гнезда. Они остаются стайными даже в период гнездования. В одном гнезде лоток пуховый — хозяева не поленились натаскать пушицы.

Здесь же встретилась птичка чуть покрупнее чечетки, преимущественно ровного бурого цвета, с немного поднятыми на голове перьями и словно нервными движениями[1].

Массово цветут остролодочник Майделя, широколистный иван-чай, арника холодная, филлодоце, камчатский рододендрон, мытник Эдера. Один и тот же участок тундры выглядит в разное время лета по-разному, так как одни цветущие растения сменяются другими.

18 июля. Поселок Конергино. Как и намечали, три дня назад вылетели в Конергино. Это совсем нетрудно, туда пролегает одна из местных авиалиний. Маленькая «аннушка», к которой мы теперь питаем уважение, высадила нас на обширную косу близ поселка.

[1] Видимо, это был сибирский вьюрок, которого здесь же встречал Л. А. Портенко.

Конергинские пассажиры, полюбопытствовав, зачем мы летим, тут же помогли нам выбраться с косы. Приехал колесный трактор, погрузил нас и отвез за поселок на высокую приморскую террасу. Этот трактор постоянно проезжает мимо нас с цистерной к маленькому озеру по соседству: несмотря на то, что Конергино окружено водой со всех сторон, ближайшая питьевая вода находится в двух километрах от поселка, и трактору работы хватает.

Одиночеством мы отнюдь не страдаем, днем и ночью вблизи появляются и исчезают человеческие фигуры. На озеро приходят порыбачить или просто посидеть на лоне природы. Иногда наведываются в нашу палатку почаевничать, а, к великой моей досаде, вчера сломали ружье. Нам не совсем нравится, что в наше отсутствие в палатке орудуют, хотя ничего не пропадает.

Место для жилья мы выбрали более удачно, чем основатели Конергино. Отсюда мы каждое утро видим поселок и его отражение в лагунном озере. А под нами шумит прибой залива Креста. За заливом видна гряда гор.

Горы видны и с другой стороны, хотя до них не менее шестидесяти километров. Залив тоже окружает нас с трех сторон.

На берегу валяются ряды обрывков морской капусты, стоит солено-горьковатый запах моря. Вдоль берега много крупных снежников, а склон террасы сплошь изъеден их действием. Терраса образована рыхлыми отложениями и легко разрушается. Во многих местах вытаивают жильные льды и образуется огромная промоина, заполненная топкой жижей. Вытаивание идет очень интенсивно, постоянно слышно всхлипывание и шлепанье двигающейся массы грязи.

Постоянно курсирующий трактор изрыл широченную полосу торфянистой земли, и сейчас она выглядит словно цветущий газон. Многие растения здесь значительно крупнее, чем их сородичи в других местах. Букеты синюхи чередуются с желтыми букетами крестовника. Княженика в этот ковер добавляет красноватого цвета, горчавка серая — зеленовато-желтого, камнеломки — белого, валериана — сиреневого. Рядом с гигантом крестовником арктическим, достигающим метра высоты, ютится кенигия, не превышающая трех сантиметров.

Недалеко от нашей стоянки высятся конусообразные холмы. Под холмами лежит, словно чаша, большое озеро, на противоположной стороне которого возвышается длинный сарай на столбах. Оттуда доносится кудахтание, но это не курятник, а песцовая ферма.

За поселком тянутся длинные увалы, между которыми разбросаны многочисленные озера и болота. Речек вблизи поселка очень мало, одна течет недалеко от нашей стоянки, вытекая из озер близ песцовой фермы. Склоны в долинку покрывают еще обширные снежники. Там, где снег только что сошел,— бурые пятна неожившей растительности. Потоки талой воды текут в речку, и на ее галечниках растут лишь холодоустойчивые виды.

22 июля. Поселок Конергино. Наши маршруты все удлиняются. Как-то мы добрели до высокого холма, возвышавшегося словно курган, и тут на голом каменистом месте вдруг увидели дицентру — разбитое сердце. Это феноменальная находка, ведь считалось, что дицентра — растение континентальных районов, кроме того, южное, едва заходящее на Чукотку. Наконец, это горное растение, а местный ландшафт горным назвать невозможно. Однако как раз там, где росла дицентра, местообитание имеет горный характер, поэтому рядом с дицентрой росло еще одно типичное горное растение — лапчатка элегантная, которая более нигде не встретилась.

В этот раз мы хорошо прониклись прелестями ходьбы по кочкарникам, а потом долго месили торфяную жижу, обходя озера и слоняясь по болотам. На равнине почти не переставая кричат журавли, иногда «в душу рыдает» тулес. Болотистая поверхность рябит в глазах, но вдруг болото расступается, и появляется большое пятно с мелкими кустарничками и лишайниками. В этом месте талик. По каким-то неясным причинам мерзлота глубоко протаяла, вода ушла, и на этом месте появилась горная тундра. Граница ее участка с окружающим болотом очень четкая, но топографических различий — повышения или понижения — нет.

Наконец мы вышли на берег моря. Здесь стоял балок, вывезенный охотниками,— крохотная деревянная коробка с печкой. На обратном пути солнце выткало нам дорожку вдоль прибойной полосы. Сбоку уходила вверх снежная стена, на которой сидели стаи

чаек, срывавшихся при нашем приближении. Из-под снега текли грязевые струи, а в нише у самой земли лил бесконечный дождь. Этот снежник тянется несколько километров. Близость моря способствует его сохранности, как и множеству других снежников в районе Конергино, особенно почти-равнинных. Нигде в других местах почти-равнинные снежники не сохраняются, а здесь они переживают сейчас кульминацию летнего периода и, похоже, переживут и остаток лета.

На следующий день я закончил осмотр склона террасы, выщербленного временем и водой, и приморских озер — бывших лагун. Маршрут закончился в поселке, где я предпринял попытку найти копченую рыбу.

Рыбаки, вытаскивавшие против поселка сеть, послали меня в соседний дом. Появился заспанный хозяин и, услышав мою просьбу, зашагал к сооружению, которое оказалось коптильней. Оттуда он принялся кидать мне бурых рыбин, пока я не взмолился. На вопрос о плате он хмуро взглянул на меня, но через секунду в его глазах блеснул огонек. Он сбегал в дом, принес деньги и, засунув их мне в карман, дал задание. По местному порядку председатель сельсовета является и своего рода виночерпием. Вино отпускается только на складе, куда представляется записка о выдаче стольких-то бутылок.

— Ты тут человек новый, скажешь, закончили работу, нужно отметить, давай, шпарь.

Делать нечего, отправился к председателю, сказал, что нужно корзину шампанского. Председатель в изумлении оглядел меня и констатировал, что шампанского на складе нет, но есть портвейн. Затем он выписал «рецепт».

Я разыскал кладовщика, и тот нагрузил меня здоровенными бутылками. Закрывая дверь склада, он сказал дружески: «Ты поселок-то обойди, а то гости явятся толпой».

Сделав вид, что обхожу поселок, я вскоре свернул в него и подошел к дому. В окне виднелись напряженные физиономии, которые вскоре расплылись в милейших улыбках. Разгрузившись, я собрался было восвояси, но тут дорогу мне преградили: «Куда же ты? Давай за стол».

В окно были замечены приехавшие в командировку телевизионщики, которых тоже привлекли, гулко постучав по стеклу. Вскоре пир кипел горой, и когда я наконец закинул на спину пропахший рыбой рюкзак, то почувствовал неустойчивость. Нужно было еще пройти метров 200 по шаткому мостику шириной из двух досок над озером...

На карте видно, что ближайшая солидная речка — это Этвыргыргын, и она не близко. К ней нужно идти, нигде особенно не задерживаясь. На хорошие галечники можно рассчитывать только там. Нина остается для работы поблизости. Иду вдоль берега, и скоро краснозобая гагара, подпустив меня совсем близко, принялась изливать свою душу прямо в микрофон. Она вытягивалась над водой, почти касаясь ее головой, смотрела на меня грустными, как у лошади, глазами и выла. Такой удачей я был просто ошеломлен.

Вблизи выходящей к морю долинки, глубоко прорезавшей террасу, огромные холмы производят впечатление насыпанных. На самом деле здесь вытаяли жильные льды и рыхлый материал сложился в кучи щебня и песка, называемые байджерахами.

Только на крутом северном склоне этой долинки рос низенький ивняк из ивы серой. Кустарниковая растительность в данном районе сошла почти на нет. Аляскинская ива, которая в нескольких десятках километров отсюда образует крупные пойменные ивняки, здесь нашлась только в виде нескольких чахлых кустиков в глубокой выемке террасы. Ивы Крылова, тоже образующей пойменные ивняки, здесь нет совсем. Таково влияние студеного северного моря.

От уже знакомой избушки я шел по террасам. Было жарко, и я проклинал себя за то, что надел полушубок. Идти было трудно. Бывает так, что ноги едва переставляются, и кажется, что вот-вот рухнешь.

На террасе в полном цвету приморские растения дендрантема Хультена и крестовник ложноарниковый. Первый вид назван в честь крупнейшего современного ботаника шведа Эрика Хультена, двадцать лет работавшего над флорой Аляски, написавшего крупные труды по флорам Камчатки и Алеутских островов.

Общество приморских солелюбов на террасе прекрасно выносит болотные растения (морошка, тощая березка и другие). Здесь они подвергаются действию каскадов соленых брызг. Море наступает на террасу и подмывает ее. На берег обрушиваются большие пласты торфа, но морошка и березка продолжают свое существование и на этих обломках.

На берег выходит несколько долинок, но начинаются они в сотне-другой метров от берега. По долинкам бегут ручьи, текущие из болот или выходящие в виде ключей. Есть даже весьма крупные речки такой протяженности, которые напоминали бы узкие заливчики, если бы не имели течения. На одной из этих речек плавала белолобая казарка с семейством. Она была очень обеспокоена моим появлением и беспрерывно протяжно кричала и подергивала выпуклым белым задом. Иногда она с криком опускала голову в воду, и звук становился глухим, а когда она поднимала голову из воды, крик был хриплый и натужный. Гусята тесной стайкой беззаботно скользили по воде и пытались придерживаться неопределенной координации мамаши, которая норовила повернуть назад, очевидно, зная, что речка скоро кончится, точнее, начнется.

На огромной равнине, словно черные дыры, зияли озера. Чаще они были вытянуты к морю и обильно зарастали лютиком Палласа, водяной сосенкой, осокой прямостоячей и арктофилой рыжей. Во многих местах образовалась сплавина, державшая меня, но местами сплетение растений было слабым, и ноги уходили на лед дна. Удивительно, что, несмотря на лед на дне, лютик Палласа цветет словно в оранжерее. «Дно» довольно ровное, лишь кое-где нога скользила куда-то в неопределенность. Идти, погружаясь в месиво растений выше колена, не слишком радостно. Через несколько сотен метров я разыскивал сухой бугорок и, сбросив полушубок, отдыхал.

Налетали чайки и устраивали гвалт, их сменяли пары игривых крачек, невдалеке кричали журавли, а с дальнего озера неслись стоны гагары. Все время хотелось пить: копченая рыба оказалась и отменно соленой. Уже в восемь вечера я прилег на берегу озерка, которое принял за речку, и минут двадцать вздремнул.

Проснулся в жутком ознобе. Мокрая одежда остыла и непри-

ятно холодила, но вскоре я увидел ленту речки. Предстояло знакомство с новым типом местообитания растений. Уже издали увидел, что галечник роскошный, и действительно на нем нашлось более десятка новых и интересных видов. Среди них оказались не только характерные галечниковые растения, но и некоторые горные. Нашелся один кустик курильского чая, не найденный нигде в других местах.

На карте видно, что речка берет начало не с гор, а в болотах этой низменности. Если бы она текла с гор, то представителей горной флоры здесь было бы еще больше. На галечнике немало и приморских обитателей засоленных грунтов, хотя до берега моря не меньше километра. Очевидно, во время сильных нагонных ветров морские воды могут сюда подниматься, хотя засоления грунта, конечно, не происходит. Попавшие сюда солелюбы развиваются, чувствуют себя вполне удовлетворительно. Было уже одиннадцать, когда я начал составлять список. Резко похолодало. Температура упала до восьми, и я начал лязгать зубами, вспоминая, как проклинал днем обременительность полушубка. Наконец все было сделано, настали легкие сумерки, и скоро я отлично отогрелся на кочках, поспешая к берегу моря.

Даже в сумерках угадывались знакомые болотные растения. Поднялся ветер. На озерах вставали волны и бросались на низкие берега. От дневной тошности не осталось и следа, разыгралось воображение, и, спотыкаясь о кочки, я принялся поэтизировать обстановку.

На берегу моря было спокойно. Я шел теперь мерно, как автомат, и километры путались в ногах. Вот избушка, отсюда знакомо, стало быть, по принципу «сокращения расстояния по знакомству» осталось совсем немного. К четырем утра я притащился к нашей террасе, но, прежде чем забраться на нее, сунул гудящие ноги в прибой. Наверху бушевал ветер, оказывается, я не замечал его, все время находясь под прикрытием высокой террасы и в неумолчном гуле моря. Палатка надувалась, готовая каждую минуту улететь в море. Мешок Нины был вздут, и ей, верно, снился уже десятый сон. Я закрепил палатку и, едва успев влезть в мешок, уснул бурлацким сном.

Утром обмякшая палатка свидетельствовала об упорном сопротивлении ветру, который теперь кончился. За нами приехал трактор и потащил на взлетную полосу. Здесь мы загораем уже второй день в ожидании самолета.

В окрестностях Конергино нашли около 230 видов и убедились, что унылый облик этой равнины вовсе не означает, что флора ее бедна. Мы нашли здесь целый ряд видов, распространенных в континентальных районах, для которых местный морской климат весьма мало подходит, хотя в своем «стремлении» выжить и продлить свой род они и способны переносить его. Все эти виды не растут на северной оконечности залива Креста и, следовательно, попали сюда, когда залив осушался, по его днищу.

В этом районе углубились представления об огромном влиянии на условия обитания растений самой поверхности грунта. Так, можно было бы думать, что разреженные горные тундры на вершинах холмов существуют благодаря действию ветров, сдувающих зимой снег и обнажающих каменистую поверхность. Но эти же самые ветры точно так же обдувают соседние увалы одной высоты с холмами. Вследствие этого на увалах образуются морозные выпучивания грунта. Действие ветра на эти возвышения одно и то же, но характер поверхности глубоко различен, и наборы растений на них имеют мало сходства. Причина кроется в том, что разные поверхности (в данном случае каменистая и землистая, грубогумусная) создают близ себя — в приземном слое воздуха и в поверхностном слое грунта — разные режимы среды, разные температурные и влажностные условия.

29 июля. Эгвекинот. Из Конергино нас захватил залетевший сюда вертолет, и вскоре мы увидели свою сиротливую двухместную палатку, которая так и стояла на конусе выноса. Саша уехал к Катенину на тридцать второй километр трассы, и на следующий день мы тронулись туда же.

После Озерного для меня начиналась терра инкогнита. Трасса постепенно повышается, хотя на глаз это почти незаметно. Дорога идет вдоль глубокой долины горной речки. Высокие сопки с живописными останцами вздымаются по обе стороны.

Нас высаживают на перевале. Здесь несколько домов из дикого

камня. Появляются наши коллеги, но Сашу мы едва узнаем: за две недели он умудрился так округлить свою физиономию, что с трудом верится в такой метаморфоз. Оказывается, весь женский батальон наперебой ухаживал за ним, и он, чтобы никого не обидеть, благосклонно относился ко всем. Зато начальник этого батальона попал в опалу и пребывал со своими подчиненными в исключительно официальных отношениях.

Перевал находится на высоте четырехсот метров над уровнем моря. Для чукотских гор это не так уж мало.

Весна здесь начинается значительно позднее. Когда сюда прибыли наши коллеги, долина ближней речки была еще полностью забита снегом. Теперь здесь простираются нивальные тундры. Времени у нас мало, поэтому, попив чаю, я отправляюсь на ближнюю гору. Кругом снуют евражки, но, что странно, некоторые из них пепельного цвета. Среди молоди есть подобные мутанты.

Склон заметно террасирован и насыщен разными сообществами растений. Отчетливо видна разница в стадиях развития. Внизу, на нивальных участках, массово цветут дриада, акомастилис, крупка волосистая. Близ вершины эти же виды давно отцвели.

С вершины открылась панорама сильно врезанных долин и необыкновенно зеленые склоны ближайших низких покатых сопок с рыжими вершинами. За трассой поднимался мрачный склон соседней гряды. По трассе, словно игрушечный, полз КрАЗ. К северу сопки становились ниже. Совсем недалеко вылезал могучий конус Матачингая, а прямо передо мной лежал гигантский цирк, над которым, словно зубы тысячелетий, теснились пирамиды и колонны останцов.

Утром солнце подымалось из-за высокой гряды, и соседние рыжие склоны влекли своим странным цветом. Вскоре мы были захвачены обилием луговин на южных склонах, образованных этими рыжими породами, так называемыми эффузивами. Они легко разрушаются и дают много мелкозема, кроме того, богаты элементами минерального питания растений.

Ярко светило и хорошо пригревало солнце, внизу мирно журчала речка, порхали бабочки, среди которых особенно выделялись аполлоны. Обстановка была совершенно идиллическая. Многие

луговины походили на красочные альпийские луга гор более низких широт. Выделяются желтые щитки родиолы, синие кисти синюхи и незабудки, сиреневые зонтики валерианы, белые корзинки мелколепестника Комарова, изумрудный фон создает хвощ, в который вкраплены морщинистые листья сетчатой ивы и альпийской толокнянки. Целые поля вовсю цветущей дриады. Листья ее выделяют клейкое вещество, иногда его так много, что, сев на зеленый ковер, довольно крепко приклеиваешься к нему.

Потом мы поднялись по обрывистому склону долины соседней речки, прошли ряд слегка наклонных нагорных террас и ложбин седловинного типа. Сильно врезанные долины каньонообразны и напоминают щели расколовшейся земли. На нагорных террасах иногда видны полосы галечника. Когда-то здесь бежала речка, но теперь от нее остался только галечник. Кругом обилие снежников. На большом обрыве видны косо лежащие пласты нагорных пород. Под обрывом обломки пород насыпали огромную осыпь и звенят, словно кафель. Рыжих пород уже не видно.

Здесь мы снова видим, что низкие сопки имеют очень плавные очертания, а высокие, напротив, угловаты. А. Е. Катенин сообщает, что, согласно отчету геологов, в этом районе лежит крупный разлом земной поверхности, в котором одни и те же пласты пород сдвинуты в вертикальной плоскости.

Сглаженность низкогорного рельефа Катенин объясняет действием ледника.

Возвращаясь по долине речки, мы наблюдаем, как днище долины довольно резко поднимается, сама долина сжимается и речка превращается в ручей, который оказывается выныривающим из-под крупного снежника в самых верховьях долинки.

Вечером выехали в Эгвекинот и на следующий день убедились, что доверенность на аренду вертолета нам все еще не прислали. К сожалению, в этом и моя вина, поскольку еще слишком много непознанных деталей финансовых операций. И если уж ты сам не знаешь этих деталей, то никто из бухгалтерии палец о палец не стукнет, чтобы поспособствовать, хотя им-то эта механика знакома, как никому больше.

С досады мы решили снова отправиться на тридцать второй

километр, но попутка шла только до Озерного. Мы доехали до поворота к Озерному и в ожидании следующей попутки осматривали долину ближней речки, текущей с перевала. Отсюда мы видели место, где проходит Полярный круг, в пяти километрах от нас. Тридцать второй лежит уже за нами. Прождав попутку два часа, мы отправились в широченное корыто долины реки Нырвакинотвеем, которая сливается с речкой, текущей с перевала, и выходит в Эгвекинотский фьорд. Я написал об этом Б. А. Юрцеву в Лаврентия, но он не поверил, пока осенью не увидел образцы.

4 августа. Эгвекинот. Поселок празднует свое двадцатипятилетие. Мы чувствуем себя приобщенными к этому событию и, проходя по пыльным улицам, шлем Эгвекиноту самые добрые пожелания.

Добравшись до почты, выясняю, что нужная бумага все еще не пришла.

Каждый из последующих дней мы посылали в юго-западном направлении сердечные чертыхания. Потом определяли, судя по обстоятельствам и по погоде, маршрут. Как-то Саша разузнал, что в воскресенье в залив отправляется портовый катер с грибниками.

Меня высадили в нескольких километрах от устья реки Этелькуюм. Ближе катер не мог подойти, царапал брюхом дно. Берегом я добрался до устья и был жестоко разочарован. Вместо разноцветного ковра растений — безжизненные мокрые галечники, а чуть дальше огромная толща льда.

Мне отвели всего три часа, и нужно было пошевеливаться. Взобравшись на бугор и осмотрев окрестности, я повернул назад, к долинке речки, близ которой меня высадили и где торчала крупная ангелика. Одна луговина в западине привлекла внимание обилием северного подмаренника. Хотя это растение не слишком редкое, в таком количестве мне его видеть не приходилось. Тут же нашлась горечавка ушастая, относящаяся к категории западных видов.

...Странное ощущение испытываешь, шагая вровень со скопищем вершин. Вплоть до самого поселка нам не приходилось спускаться до подножия, так как сопки соединялись высокими перемычками. Уже почти над поселком мы изрядно полазали по ос-

танцам, где, к вящему удовольствию, отыскали фиолетовый одуванчик, носящий имя академика В. Б. Сочавы. Этот одуванчик относится к континентальным видам, и здесь одна из его крайних восточных точек, на полуостров он не идет. Однако этот же вид известен из одного местечка в глубине Аляски. Там он уже носит название мясокрасного. Это один из примеров видов, называемых в СССР так, а в США иначе.

В следующий раз мы махнули от почты опять в долину Нырвакинот. Выше по Нырвакинотвеем мы не находим ничего интересного, кроме махровой камнеломки Порсильда. Махровость цветка — уродство его, хотя для глаза человека оно приятно и садоводы вывели тьму махровых цветов. Махровые цветки не способны давать семена, так как их тычинки превращаются в лепестки, вместо того чтобы производить пыльцу.

Мы не раз слышали от местных жителей, что где-то близ поселка есть ольха и смородина. Долгое время мы их не находили, но, когда после очередного визита на почту свернули в другую от поселка сторону, еще издали приметили два темных куста. Оказывается, я видел их еще с катера в бинокль и подозревал, что это ольха, с расстояния около двух километров нетрудно ошибиться. По соседству нашлось и два жалких кустика смородины. Бешеный поток в расщелине и голубые окна тихой воды с серым угрюмым обрамлением скал заставляли забыть магаданских бухгалтеров. Скоро воздух так напитался влагой, что настали сумерки не по времени. Мы набрали на жарку красноголовых подосиновиков, которых тут оказалось немало. Естественно, что росли они не под осинами, а возвышались над толокнянкой.

Один выезд предприняли дальний. Еще на тридцать втором километре мы узнали от наших коллег об интересной сопке с гнездом орла. Сопка находилась на пятьдесят втором километре, вблизи трассы. На угольщике КрАЗ мы преодолели это расстояние и сразу узнали сопку по отвесным скалам. Она уже за пределами Искатеня, сопки здесь в основном ниже и разделены до основания распадками и широкими долинами. Чуть ближе, на сорок седьмом километре, начинается озеро, тянущееся пятикилометровой густо-синей лентой. Водитель рассказывает, что водоем

этот не простой. В нем не водится рыб, на его гладь никогда не садится птица. Глубина его неимоверная, больше тысячи метров. Мы спрашиваем, нет ли в нем дракона, и водитель охотно подтверждает, что есть. На озере видна гагара, и водитель клянется, что за десяток лет езды по трассе видит на этом озере птицу впервые.

Сопка действительно оказалась интересной. На ней нашлись типичные континентальные виды, которых нет в Заливе Креста: гвоздика и смолевка ползучая, лапчатки знахоретская и песчаная и другие. Один участочек на осыпи под скалами был очень похож на певекские «степные» склоны.

Гнездо «орла» мы отыскали на одном из наиболее труднодоступных выступов. Оно оказалось гнездом мохноногого канюка, называемого также зимняком. В гнезде сидел здоровенный, хотя и пуховый птенец с пробившимися темными перьями на крыльях. Он взглянул на наши головы, свесившиеся над уступом, и, спрятав свою под стену, замер. Я слез к нему на «балкон», он открыл грозно клюв и приподнял крылья, словно собирался низвергнуть меня в пропасть. Тогда я взял его резким движением за бока и приподнял. Он задрыгал ногами, а я почувствовал, какая таится в нем сила.

Гнездо сложено из толстых сучьев, теперь уже прибитых и запаршивевших. Лотка практически нет. Рядом покоится свежий евражка, еще не начатый. Родители так и не появились, хотя мы долго ползали по этой сопке.

Здесь мы знакомились теперь с растительностью северо-западного, континентального, макросклона хребта Искатень. Отличие от юго-восточного, океанического, макросклона выявилось сразу. Надо думать, что позднее мы увидим большие отличия, когда поработаем здесь подольше.

Хотя каждый день, как правило, что-то приносит в смысле познания, наше терпение уже иссякло. Ведь нам нужно отработать географический ряд пунктов, причем в каждом из них работать в среднем по десять дней, чтобы выявить с максимальной полнотой все, что тут растет. Мы долго выбирали на карте самую западную точку. В расчет шло количество арендных денег, скорость

вертолета и соображения географии. Мы остановились на истоках реки Канчалан. И денег хватает и район перспективен. Но задержка доверенности портит все дело. Решено завтра лететь рейсовым самолетом в Иультин.

6 августа. Южный Тадлеоан. Вчера Саша рано исчез, и, когда я уже покупал билеты на Иультин, он рысью вбежал в аэропорт: «Прислали доверенность!»

И вот плывут знакомые места. Вот и Этелькуюм, куда мы сворачиваем. За той гигантской наледью, к которой я добирался на катере, оказывается весьма зелено. А сопка, на которой я пролил сорок потов, со всех сторон окружена глубокими и широкими долинами. Чуть севернее толчея вершин сливается в сплошную синь. Это основная цепь гор. Скоро сопки становятся низкими, открываются широкие просторы равнины, и мы идем на посадку. Под винтом разбегаются волны осоки. Ну и ну, в болото садимся. А где же речка, которую мы указали на карте?!

Но нас высаживают точнейше. Речка струится в трех метрах, вернее, это всего лишь ручей. Вертолет не останавливает винт, пока мы бегом разгружаемся, и через пару минут исчезает вдали. Мы блаженствуем и осматриваем окрестности. Ландшафт многообещающий. Тут и равнина, и горы низкие и высокие, обширные шлейфы, и низкие седловины, и малые реки, и озера.

На новом месте всегда приятно обживаться. Когда на низкой терраске поставили палатку, в ней сразу установился терпкий запах скальной ивы и трав. Заодно выяснилось, что на ивке сидят тесными рядами мохнатые гусеницы. Сегодня утром мы проснулись в мешках, облепленных ими. Солнце пробивает стенки палатки, и теперь мы понимаем, что привыкли к серой погоде Эгвекинота и совсем забыли про солнце. Однажды там разразилась ночная гроза. Казалось, прямо над палаткой разламывается небо. Гром раздавался почти одновременно с блеском молнии, следовательно, центр стихии был рядом. В Арктике грозы редки и маломощны. Нам довелось видеть исключение.

Теперь же мы наслаждались солнцем и безветрием. Здесь и скрипучие крики журавлей, от которых мы отвыкли в Эгвекиноте. Вдали — белые пятнышки сидящих на возвышении серебристых

чаек. Ночью они вдруг раскричались, кто-то их испугал. Какой-то серенький куличок сел неподалеку и лишился шкурки, которая теперь сохнет для определения[1].

На терраску с нашей палаткой с пологого склона наползает сухой кочкарник. Чуть поодаль из него торчит бугор, а под ним маленькое приятное озеро, где всегда кто-либо плавает. С другой стороны долинки постепенно повышается другой кочкарник. На нем вдруг показываются две серые фигуры, большая и маленькая. Скоро чукчи подходят к палатке. Отец и маленький сын идут к стаду, которое находится в верховьях Тадлеоана и скоро пойдет мимо нас. Это нас несколько пугает, потому что олени могут на ходу съесть интересные растения. Мы долго пьем чай и говорим о том о сем. Нине непременно хочется сфотографировать Петра Ивановича, но она ужасно смущается направлять на него объектив. Петр Иванович немногословен, взгляд его пытлив. Он производит впечатление патриарха своей суровой степенностью. Мы узнаем, что у гор на западе, куда мы планируем сходить, стоят их яранги. Бригада относится к Канчаланскому совхозу. Из поселка Канчалан, близ устья реки, к ним прибудет вездеход или вертолет.

Они уходят, закинув на спину палку и на палку руки, чтобы не болтались. Они идут медленно, словно плывут.

Мы отправляемся к Тадлеоану, который течет в двух-трех километрах южнее.

Небольшие участки галечников нашего ручья оказываются чрезвычайно интересными. Местами ручей образует маленькие омуты. В одном из них мелькнули два хариуса и остановились в центре. Петр Иванович подарил нам леску с блесной, и мы имеем шанс отличиться. Я закидываю блесну и тащу ее перед носом хариуса. Тот недолго думая хватает. Саша воодушевлен столь результативной рыбалкой. Но второй хариус не желает брать блесну, сколько мы ее ни кидаем. Один раз шлепнули ему по спине, и он поспешил нырнуть под нависший берег. Мы потопали по берегу, и хариус вылетел из-под него. Деться некуда, омуток совсем ма-

---

[1] Дутыш.

ленький. Нам тем не менее его не выловить. Пусть остается ждать, когда большая вода позволит перебраться в более солидный водоем.

Ручей в конце концов растворяется в болоте и не дотекает до Тадлеоана. На обширной надпойменной террасе сплошные болота с огромным количеством озер и луж. В одной луже находим пузырчатку малую. Это водное растение — хищник. Его веточки снабжены маленькими ловчими пузырьками-капканами. Мелкие водные существа свободно проникают в эти пузырьки, но «дверца» тут же захлопывается, и на стенках пузырька выделяется вещество, растворяющее белки жертвы, которые растение всасывает. Пузырек работает как желудок. Здесь это уже второй хищник среди растений. Пузырчатка тоже из этой компании, но принцип ее действия иной. У нее обильные клейкие волоски, к которым приклеиваются насекомые, даже такие крупные, как муха. Волоски также выделяют вещество, переваривающее белок. Здешняя жирянка не сворачивает лист, заключая таким образом насекомое, как это делают другие виды жирянок. Она охотится так, как это делает росянка.

На песчаной отмели Тадлеоана на одном квадратном метре видим сразу следы оленя, медведя, гуся и куличка. Добавляем еще свой след. Река производит приятное впечатление. Это уже настоящая река, а не речка. Долго ищем место переправы, но так и не находим. Вдоль реки тянутся высокие ивняки, но галечники оказываются бедными, сказывается влияние могучего паводка.

Следующий день посвящаем маршруту на север, где близ вершины низкой сопки видны в бинокль кирпичного цвета скалы, а под ними необыкновенно зеленое пятно. Новые виды начинают встречаться сразу. Появляется знакомая по Конергино дицентра — разбитое сердце. Ее оказывается очень много. Уж не отсюда ли она двинулась на восток, когда залив Креста был осушен?

Южный склон низкой сопки очень пологий и террасированный. Уже на шлейфе, прямо в кочкарнике, находим ольху. Кустики ее низкие и стелются по кочкам пушицы. Ступени террас представляют многометровые каменистые стены, под которыми ярко зеленеют нивальные тундры. Здесь еще полно цветущих растений, так как снег исчез совсем недавно. Каждый раз, взобравшись на

стену, видим ровный ковер кустарничковой тундры с пятнами голого суглинка. Такие тундры весьма богаты разными видами. Поверхность слегка наклонна и через несколько сотен метров заканчивается у следующей стены-ступени. В скалах много обычного иван-чая, таволги Стивена и вейника Лангсдорфа. Между выступов в нижней части полно выбросов из нор евражек. Сами они злобно чирикают где-то в подземелье.

В лучах уже низкого солнца перед нами предстали наконец красные скалы, которые мы видели от палатки. Под скалами лежал гигантский снежник, заваленный сверху щебнем. По его вертикальной стене струились ручейки, звенела капель. Пониже снежника колыхались высоченные травы. Такого травостоя мы еще нигде не встречали. Осмотр показал, что никаких особых видов здесь нет. Фон создает арктическая полевица. К ней примешаны синюха, полынь Тилезия, арктический щавель, иван-чай, чемерица, есть даже кустики смородины. Все растения мощные и сидят густо, образуя настоящую субальпийскую луговину. По соседству крупный ивняк из ивы Ричардсона.

Около ивняка мы замираем. В нем слышится могучий треск. Наконец треск прекращается, и на противоположной стороне показывается огромный заяц. Он почесал задней лапой за ухом и, не взглянув на нас, затрусил по осыпи. Мы кричали «ату», а ему хоть бы что. Ружье у нас, как обычно, лежит в палатке: никто не хочет быть оруженосцем. Теперь из него можно было бы выстрелить. Шейку я накрепко обмотал толстой проволокой, а сверху лейкопластырем.

На скалах изучаем набор скальных видов, среди которых попадается колокольчик одноцветковый. Он тоже прибыл сюда из-за кордона, как и его сосед мелколепестник приземистый. Красноватый цвет скалам придает накипной лишайник гаспариния.

Устраивая позади себя лавину, вылезаю наверх. Здесь плато. Сразу меняется набор растений; теперь они бросают длинные тени. Вдалеке виден Саша, который, кажется, сбился с заячьего следа. На севере, над толпой горных вершин, повисли черные тучи. Над Эгвекинотом они сгущаются в сплошной темно-фиолетовый фон, там, вероятно, хлещет дождь, а у нас тут солнечно и тихо.

12 августа. Южный Тадлеоан. Кстати, этот Тадлеоан — Южный, потому что есть еще один Тадлеоан, исток которого недалек от истока этого Тадлеоана, но по другую сторону Искатеня, и течет тот Тадлеоан на север, впадая в Амгуэму.

Каждое утро, выйдя из палатки, мы видим залитую светом долину. Вид солнечной тундры внушает ощущение какой-то необыкновенной полноты жизни, которая сродни ощущению, вызываемому «Пасторальной симфонией» Бетховена или сценой «Утра» из «Пер Гюнта» Грига. Ощущения, запечатленные в этой музыке Грига, были навеяны иной природой, хотя он дышал видом норвежских гор, похожих на чукотские. Ощущение радостного покоя, сопровождаемого музыкальными образами, рождает вид тундрового простора. За десятки километров мы можем видеть, что творится вокруг, и никто нам не мешает. Легкий ветерок и колыхание трав, белые барашки на сияющей голубизне неба, а в каждой стороне, куда ни обращается взор,— что-то свое, неповторимое,— и новые образы, новая музыка. Мощная бетховенская радость дышит, как кузнечные меха. Кажется, сейчас над Тадлеоаном явятся нимфы Иорданса, здоровенные, как буфетчицы. Но стоит отвести взгляд, и слышатся меланхолические «Сирены» Дебюсси, а в легкой дымке клубятся «Русалки» Крамского. Вздохнула долина порывом теплого ветра, шелохнулись было кусты над ручьем и вновь замерли, а в мозг врывается жизнеутверждающий Вивальди, и над долиной, отражаясь от гор, сверкают, как капли росы, аккорды «Времен года». Ах, эти священнослужители — Вивальди и Бах! Сколько земного полнокровия в их музыке! Два с лишком столетия они помогают людям искать смоквы на земле, хотя и было провозглашено задолго до них: «блаженны нищие духом...»

Ледяная вода сводит зубы, освежает глаза. Эфрос командует за стол, и каждый садится на свою кочку и получает примерно пятерную столовскую порцию каши или макарон. На аппетит жалоб нет, и наш кухмистер рад, выдавая попавших непостижимым образом в кашу гусениц и мох за специи.

Через три дня после прилета мы взяли курс на дальние горы, где яранги. На краевой горе даже отсюда видна вертикальная светлая полоса — осыпь, начинающаяся от самой вершины.

Шли по равнине между рекой и сопками, по кочкарникам, бугристым болотам, мимо озер, по щебенистым возвышениям, напоминающим огромные блины на равнине. День был жаркий, и, выбрав озеро, мы решили открыть купальный сезон. Нина не разделяла наш энтузиазм и скромно отвернулась, пока мы фыркали и брызгались. Пара краснозобых гагар взирала на нас со стонами, прижимаясь к противоположному берегу. Мы поплыли было к ним, но они тут же нырнули, а мы поспешили вернуться, убедившись, что мы далеко не гагары и неплохо бы воду подогреть. Дно в озере илистое, а берега торфянистые. Но у других озер берега каменистые. Заметно, что уровень воды в озерах сильно колеблется.

Местами торфяная дернина толщиной до полуметра разорвана и обнажен слой гальки, причем вдали от реки. Поскольку галька видна в разных местах, то, надо полагать, все это огромное пространство под дерниной покрыто галькой. Каким образом это произошло? Простиралось ли сюда море или галька окатана водами тающего ледника? Она часто попадается и на щебенистых участках шлейфов, спускающихся в долину.

К концу дня достигли реки Яргинываам с высокими берегами. Вдоль края террасы этой весьма полноводной реки тянулись голубичники, иногда с большим обилием лишайников, напоминая боровые террасы лесной зоны. Река сейчас сильно обмелела, по подмывам берега видно, что вода в ней поднимается более чем на два метра. Сейчас ее можно перейти на перекате.

Яранги видны издали. Стоят они посреди кочкарника, что вызывает наше удивление: можно было найти место поровнее. В темноте яранги, к которой мы подходим, мерцает огонь. Хозяева приглашают войти, и вот... мы сидим у очага на оленьей шкуре и осматриваемся.

В этой яранге два полога, то есть здесь живут две семьи. Вдоль стен стоят нарты со скарбом. Посредине очаг, над которым висит на цепи чайник. Из одного полога торчит мужчина и ведет с нами разговор. Оказывается, мы видели его часа два назад на дальней сопке. Женщины с нами не говорят, хотя ставят чайник и достают чайные принадлежности. Приятные мальчишки лет девяти свер-

лят нас черными глазенками. Нас поят чаем из красивых чашек, которые достают откуда-то из закутков, и подают галеты с маслом. Потом дают палатку для ночлега. Установив ее, мы оказываемся в голубом полушаре. Тут из яранги показывается шествие женщин и детей, которые тащат нам шкуры на подстилку. Шкур, однако, едва хватает, и ночью мы явственно ощущаем падение температуры.

Сопка с крупными ольшатниками оказалась значительно дальше, чем мы предполагали, глядя на нее. К тому же мы изрядно застряли на бугристо-мочажинном болоте, покрывавшем высокую террасу. Здесь оказалось несколько растений, обитающих в норме на карбонатных почвах. Началось с того, что Нина, сидя на бугре, умирающим голосом произнесла: «А я вижу Cardamine victoris!»

И действительно, между ее сапог торчат, словно хвоинки, листочки сердечника Виктора. Через полчаса найдено еще несколько кальцефилов.

Однако карбонатам в данном случае неоткуда было взяться, терраса оказалась обширным островом, который охватывала двумя мощными рукавами река. Близ яранг они сливались. Мочажины на болоте представляли огромные пятна черной мокрой гальки с обилием пятен ржавчины. Вместе с любителями почвенного кальция росли и его «ненавистники». Уже не впервые мы сталкиваемся с ситуацией, которую объяснить не в состоянии.

Боковой рукав реки представляет целую речную систему, из которой три протоки труднопроходимы. Ольшатник поразил своим лесным обликом, хотя ничего особенного в нем не встретилось. На высоте около двухсот метров кусты разредились, показался щебень, и тут мы увидели под кустом ольхи камчатский рододендрон. Это сочетание было непривычно.

Близ вершины большие площади были совершенно пустынны, без единой травинки, хотя на самой вершине кое-что росло. В этом верхнем поясе обнаружился новый вид кассиопы. Название вида было мне неизвестно, я не предполагал, что здесь может встретиться кроме обычной четырехгранной кассиопы еще один ее вид[1].

---

[1] Впоследствии выяснилось, что это кассиопа эрикоидная. В верховьях Канчалана — ее крайнее северное местонахождение.

С горы была видна еще одна крупная река — Койвельветгыргывеем. Три реки, текущие с разных сторон, сливаются и образуют Канчалан. Место этого слияния с горы хорошо видно, видна и уходящая к югу безбрежная равнина (впрочем, увалистая) — Анадырская низменность. Наш район лежит на границе этой низменности и хребта Искатень. Под нами синим локоном вьется Яргинываам. На соседних сопках в нижних частях склонов густо зеленеют ольшатники. В этом году мы только в Эгвекиноте видели несколько кустиков ольхи. Здесь же ее очень много, правда, на равнине и вдоль рек она не растет. Все равно, глядя на живую карту, нельзя не видеть, что мы находимся в южной полосе тундры. К тому же здесь прекрасно выражена вертикальная поясность растительности, хотя кустарниковый пояс сильно прерывист.

В пойме удалось застрелить куропатку. Саша и Нина решают идти домой, но мне хочется посмотреть вблизи район слияния рек и побывать на третьей реке, которую мы видели с горы. Она течет из района, не посещавшегося ботаниками. Может быть, что-то она и выносит.

Оставшись один, я допоздна пью чай в яранге. Хотя говорят, что чукчи пьют крепкий чай, здесь я этого не вижу. Пришел из стада Петр Иванович. Случайно мы попали именно в его ярангу. Пришли мужчины из других яранг. У некоторых весьма характерная прическа — на затылке волосы выстрижены, а по бокам и сзади висят. Интересный разговор сводится к тому, что чукчи обстоятельно отвечают на мои вопросы. Как выделываются и окрашиваются шкуры? Бывает ли у них насморк? Откуда у них огромные жерди, поддерживающие ярангу? Как им живется зимой? Охотятся ли они на куропаток?

В восемь утра хозяева еще спали, и, набравшись духу, я сам разжег очаг, поставил чайник и начал жарить куропатку. Попив чаю с высунувшимися из полога хозяевами, распрощался с ними.

Яранги еще долго маячили вдалеке. На огромное пространство междуречья выступал угол той сопки, где мы побывали вчера. Погода отличная — облачная и ветреная, для дальнего маршрута лучше и не придумаешь. До самой долины Койвельветгыргывеем простиралась высокая терраса, сложенная рыхлым материалом.

Ночное Апапельхино (полярный день). На заднем плане — Чаунская губа; за горой слева — г. Певек. Ярко блестит вода разлившейся речки (конец июня).

Одно из красивейших растений Чукотки — новосиверсия ледяная цветет целыми куртинами в начале полярного лета.

Крупные лиловые колокольчики прострела, или сон-травы, можно встретить лишь в начале лета в континентальных районах Чукотки (на самом полуострове это растение не обитает); на переднем плане — ветки чукотской ивы, которая также не растет на востоке.

Цветки толокнянки альпийской среди прошлогодних листьев. Она цветет ранее, чем распустятся листья.

Эгвекинотская бухта залива Креста вечером в начале июля. Осевая цепь гор хребта Искатень. Вдали — выход к бухте троговой долины с речкой Нырвакинотвеем. Под горами проходит трасса Эгвекинот — Иультин.

В горах на восточной стороне Эгвекинотской бухты. Обилие крупных снежников; вдали — водопад, который виден и из Эгвекинота. На переднем плане — каменистая осыпь с фигурой Андрюши.

Гнездо обыкновенной гаги на берегу горного потока.

Вороны-родители не хотят оставить своего только что покинувшего гнездо отпрыска, который не решается слететь со скалы. Они смотрят на приближающегося человека и ужасно орут.

Самец тундряной куропатки остается белым, пока серенькая самка сидит на яйцах. Он отвлекает от гнезда внимание врагов, будучи хорошо заметным. Рядом с птицей — густо-зеленое пятно шикши.

Желтые цветки арники холодной напоминают маленькие подсолнухи. Рядом — пурпуровые цветки рододендрона камчатского.

Трасса на Иультин через хребет Искатень при выходе из Эгвекинотского фьорда. Облака скрывают верхние части гор. Справа — гигантские осыпи со склонов гор.

Альпийская луговина на рыжих эффузивах в районе перевала через Искатень.

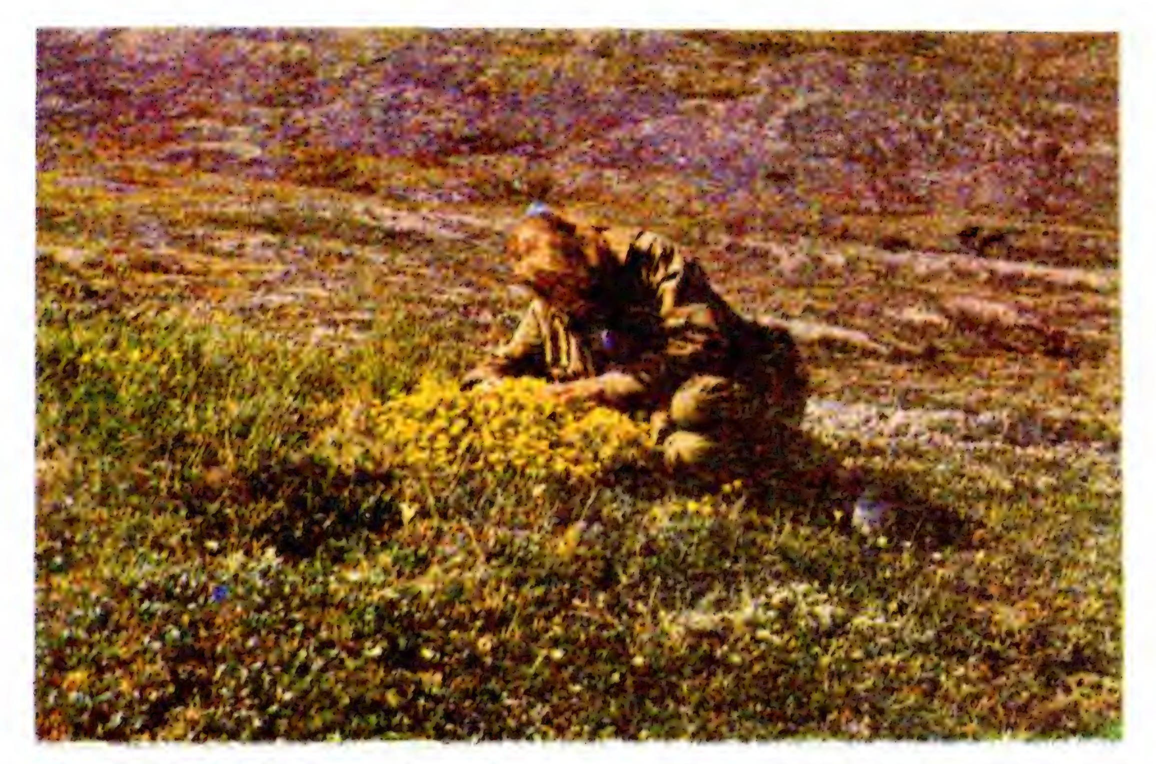
Мелколепестник Комарова на склоне в долинку ручья близ перевала через хребет Искатень

Астра альпинская также растет на склоне в долинку, хотя предпочитает берега речек.

Лапчатка одноцветковая, растущая в камнях, — довольно мелкое растение,

На задернованных участках лапчатка одноцветковая часто цветет целыми клумбами.

Камнеломка ястребинколистная — одно из самых крупных травянистых растений Чукотки; она достигает в высоту 30 см. Рядом слева — «кустики» ивы полярной высотой 5 см. Слева поодаль — куст ивы аляскинской, которая достигает в высоту 2 м.

Подушковидное растение—камнеломка Эшшольца внешне совсем не похожа на камнеломку ястребинколистную. Желтые и оранжевые крапинки—это цветки (снимок сделан сверху).

Еще одна подушка — незабудочник аретиоидес, обильные ярко-синие цветки которого скрывают зелень листьев.

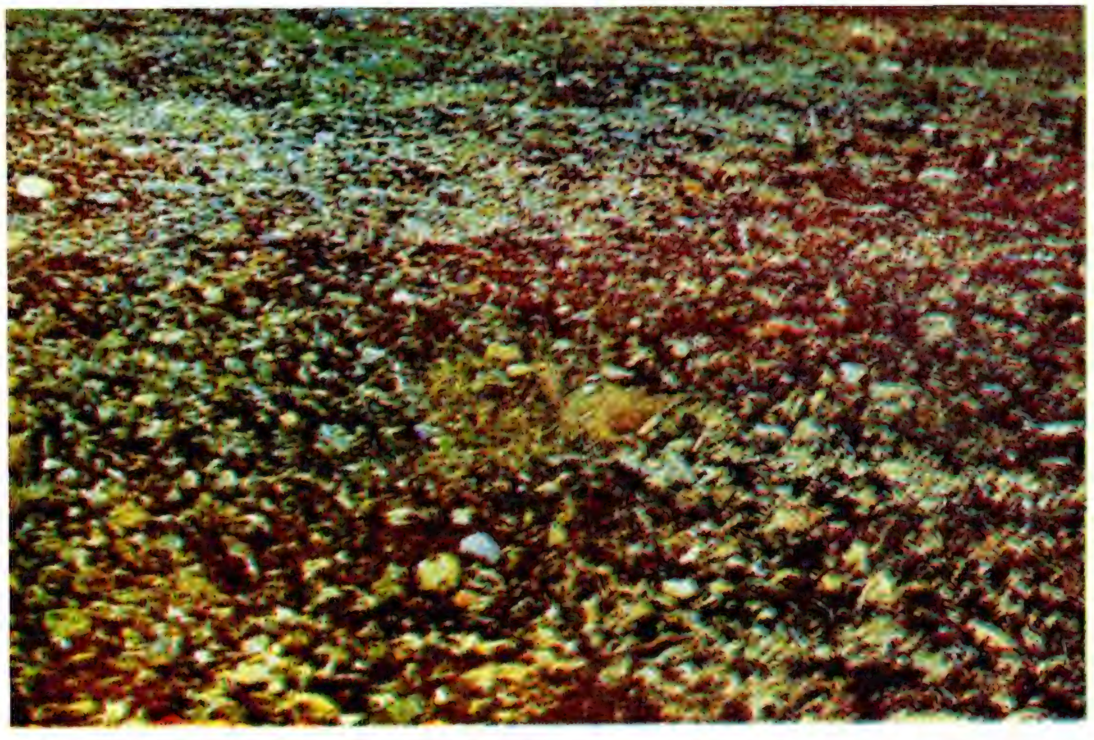
Ландшафт близ пос. Конергино. На переднем плане — кочкарник из пушицы влагалищной. Издали такой кочкарник напоминает пятно снега.

Прибытие на р. Южный Тадлеоан. Через несколько минут будет готов дом. Вид на юг, на сопку 351 м.

Пояс ольхи на склоне низкой горы за р. Яргинываам.

Кулик хрустан близ своего гнезда на щебенистой поверхности. Хорошо видны ржавое пятно на груди кулика и его черные шея и темя.

Скалы верхней части сопки, под которыми лежит заваленный щебнем и мусором крупный снежник. Около него развита пышная субальпийская луговина (на переднем плане).

Суслик Парри в своих владениях, покрытых сочной растительностью.

Заснеженные горы, оконтуривающие Эгвекинотский фьорд (середина июня 1972 г.).
Неожившая растительность днища фьорда.

Западная оконечность озера Экитыки, покрытого льдом.

Гигантский валун (рядом фигура человека) на морене у оз. Экитыки. Вид вдоль озера на восток.

Пищуха на валунной гряде, образованной льдинами во время штормов.

Жирянка пестрая во мхах близ оз. Экитыки. Это растение хорошо заметно лишь во время цветения, хотя цветки его невелики.

Опушка Телекайской рощи вдоль р. Левый Телекай. К реке спадает моренный шлейф (слева).

Разреженный участок рощи с «голым» галечником, на котором видны темные пятна шикши.

Участок рощи с густым травяным покровом. Видна шелушащаяся кора чозении.

Гнездо белолобого гуся в сырой тундре близ Теле кайской рощи.

Гнездо дрозда Науманна на чозении с готовыми к вылету птенцами.

Дицентра (разбитое сердце) — обитатель голых щебенистых поверхностей — в горах близ Телекайской рощи.

Белолобый гусь садится в протоку На заднем плане — горы Амгуэмо-Куветского массива.

Заросли цветущего иван-чая широколистного на галечнике р. Чантальвеергын.

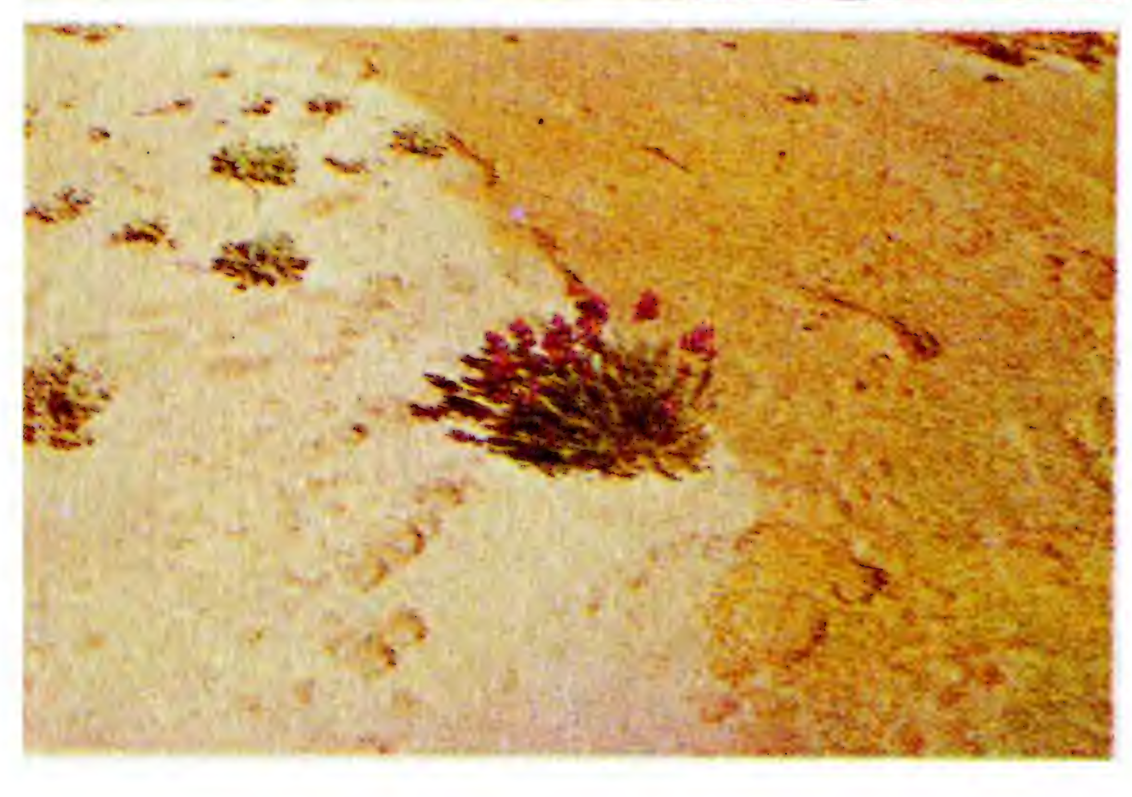
Готовность к отплытию. Река Чантальвеергын в среднем течении.

Приятно плыть по тихой воде и смотреть на словно нарисованные грубой кистью горы.

Пороги — вещь неприятная, пока они впереди.

Остролодочник Миддендорфа на песчаном берегу Чантальвеергына — растение континентальных районов Чукотки.

Речка Энгыргын — приток Чантальвеергына. На переднем плане — типичная сухая кустарниковая тундра. Видна гора Паратка — уже за Амгуэмой.

Река Мараваам и ее высокая надпойменная терраса, образованная древними морскими отложениями, которые перекрывают выходы коренных пород, обрывающихся к реке. На скалах много гнезд городских ласточек и серебристых чаек.

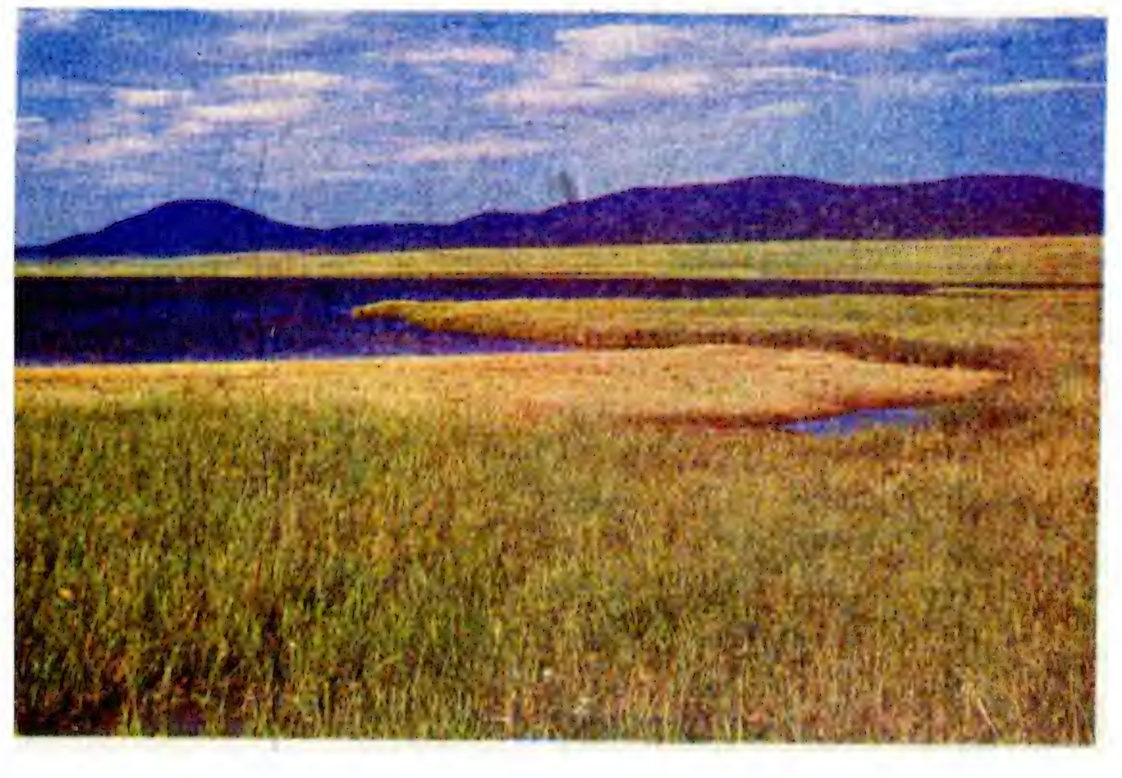
Ландшафт в районе озера Гытхыт в вечернем свете. На горе слева виден полураспадок со снежниками, где были встречены молодые снежные бараны.

Гнездо кречетов с почти взрослыми птенцами на уступе скал. Слева — мой будущий питомец Креча, который наблюдает за тревожным полетом родителей.

Креча оттаскивает евражку подальше.

Ландшафт в районе горы Кымыней, низинное озеро, Вдали — северные отроги хребта Искатень, на переднем плане — осоковое болото.

На террасе невысокие возвышения и несколько, провального облика, озер. Было очевидно, что эта терраса продолжает террасу-остров, ограниченную рукавами Яргинываам, и ту, что тянется по левому берегу этой реки ниже по течению.

К вечеру приплелся к палатке, приняв ванну при переправе через Тадлеоан. В палатке уютно гудит примус и кипит чайник, который я заказал выстрелом у реки.

15 августа. Южный Тадлеоан. Мы сделали маршруты во все стороны от своей стоянки, за исключением дальнего на восток, где склоны за поворотом Тадлеоана внешне малопривлекательны. Во всех концах нашлось что-то интересное. Ружье я теперь носил постоянно, так как убедился, что в районе много разных куликов, определить которых можно только добыв их. Кроме того, много куропаток. Ружье у меня особенное, и охота получается великолепная. Вспугнув выводок, стреляю. Куропатки рассаживаются вокруг, отлетев метров на пятнадцать. Теперь нужно шомполом выбить гильзы, рукояткой шомпола забить патроны. После этого остается подбить стволы и задвижку. Вся эта процедура сопровождается резкими движениями и лязгом металла. Вот... готово, но где куропатки?

Они обычно разбегаются, взлетают редко. Эфрос, жуя галету, служит наводчиком. Пока я вожусь с ружьем, он смотрит, куда побежала дичь.

На равнине за рекой показался странный журавль. Он опускал крылья, вытягивал и прижимал к кочке свою длинную шею, приседал при этом, словно хотел лечь. Мне даже показалось, что он угрожает нам, как это делает домашний гусак. Потом он встал и спокойно отправился в сторону. При попытке подойти ближе он резко отбежал, а при повторной попытке взлетел.

В тот день побывали на массивчике — острове, южнее Тадлеоана. Он также окружен поясом ольхи. Оказалось, что сзади высятся солидные горы с останцами, но до них нам уже не добраться. Вершина имеет отметку на карте 351 метр. Чукчи сообщили нам, что зимой здесь почти все горы сверху голые из-за сильнейших северных ветров. Эти же ветры выдувают изо всех щелок мелкозем.

Под сопкой видны крупное и маленькое озера, разделенные

острым холмом. Растительность по берегам нивальная и очень потравлена гусями. Очевидно, они здесь линяли. Теперь не видно ни одного.

Вчера мы вышли на одну из дальних сопок. Шли по галечникам «нашей» речки, и сначала было жарко. Этот галечник мы долго оставляли «на сладкое», поскольку он рядом и его можно обследовать в плохую погоду.

Предположения оказались верными. Галечник порадовал нас многими славными находками, а особенно купальницей. Там, где ручей зажат в глубокой долине между шлейфов, рос могучий ивняк в два с половиной метра высотой. Стволы аляскинской ивы здесь были необыкновенно толсты, а по «опушке» ивняка густо разрослись травы.

Здесь мы впервые отведали красную смородину, решив, что по вкусу она ничем не отличается от обычной красной смородины. Но ягоды у этой имеют вид оттянутой капельки-слезинки, и смородина называется печальной. Тут-то и нашлась купальница. Она выбрала для своего местожительства наиболее приближающуюся к лесной обстановку. Теперь она уже успешно обсеменилась, и, следовательно, на будущий год появятся ее всходы.

Лесом повеяло не только снизу, но и сверху. В кустах послышался встревоженный треск, и, к моему изумлению, выскочил дрозд. По голосу и поведению он походил на рябинника, но оперение его было темно-бурое[1]. Саша выгнал из кустов лису, а в полсотне метров кусты раздвинулись, и появился темный зверь величиной с крупную собаку. Он уже исчезал за бугром, когда я наконец сдернул ружье и выстрелил. Зверь промчался за укрытием с сотню метров и благополучно появился на склоне. В бинокль я разобрал теперь, что это росомаха. Она прыгала неуклюже, быстро и часто оглядывалась. Меня поразило выражение ее морды. Именно таким мне представляется сатана. Саша чуть не оторвал мне голову, срывая с шеи бинокль. «Тебе бы в снайперы,— сказал он, рассмотрев росомаху, которая теперь сидела на склоне и рассматривала нас.— Такую шапку упустил». Я вспомнил шапки из

---

[1] Дрозд Науманна.

росомахи, в которых человек похож на гриб, и решил, что потеря невелика. Интересно, что шкура этого зверя хороша в любое время года, ее волос не покрывается инеем. Чукчи используют шкуру росомахи для отделки малахая.

В этом районе мы нашли около 290 видов, из них несколько на пределе своего распространения. Многие птицы остались нераспознанными и не были добыты. Это большое упущение, так как здесь, безусловно, есть такие, которые не летают восточнее, например, темный дрозд и турухтан. С другой стороны, белых трясогузок и подорожников здесь как будто мало. Каменки обычны, и среди них немало таких, у которых надхвостье не белое, а рыжеватое. Возможно, это молодые. Пуночек вовсе не видели, но в горах они наверняка имеются. Там же встречаются одиночные рюмы.

На равнине много бекасов, тулесов, поморников, круглоносых плавунчиков. В одного плавунчика я как-то стрелял ослабленным зарядом. Он сидел на галечнике под маленьким обрывчиком. Сноп дроби всколыхнул все вокруг куличка. Он казался ошеломленным, тщательно встряхнулся и улетел.

Из насекомых своеобразие этого района подчеркивают тли и бумажные осы. Однажды я заметил, что ветви ивы в долинке «нашей» речки и травы под ней словно облиты сахаристой жидкостью. Тут обнаружились полчища тлей. Среди них были уже крылатые, то есть самцы, появляющиеся только к осени. До этого тли успешно размножаются без самцов и без оплодотворения. Но на зиму оставляют оплодотворенные яйца.

В этой же долинке нашлось два гнезда бумажных ос. Сначала встретились сами осы. Одно гнездо помещалось среди осоки на берегу пойменного прудика, а другое в «лесовидном» ивняке. Гнездо в осочнике было двухэтажное, тщательно замаскированное, так что видна была просто дырка наподобие норы. Осы были двух типов — небольшие, очевидно рабочие, осы и крупные нелетающие, очевидно матки. Была встречена еще одна дырка в откосе берега, но ничего в ней не нашли, кроме беснующихся ос одинакового размера. Может быть, они только приступили к строительству, если так, то они явно запоздали. Образчики всех ос я собрал

в надежде подсунуть какому-нибудь энтомологу. Кроме того, здесь было много разных бабочек — белых, голубых, темных с пятнышками, аполлонов, но мало рыжих. Попадались ручейники и жужелицы.

16 августа. Южный Тадлеоан. На северо-востоке над горами с утра висела сине-фиолетовая мгла, что означало нелетную погоду в Заливе Креста. Поэтому я отправился опять вверх по долинке, оставив спутников ждать.

В этот раз мы закупили продуктов явно недостаточно, не учтя постоянно растущий аппетит. Галеты кончились два дня назад. Вчера кончился чай и даже соль. Завтрак сегодня представлял грибное варево с полбанкой тушенки для солености. Ели, не глядя друг на друга.

Недалеко от палатки поднял выводок куропаток, и пятерых из них, а также подвернувшегося пепельного улита нам хватит на пресный обед.

В «лесовидном» ивняке снова вспугнул дрозда, очевидно того же самого. Кажется странным, что он без пары, хотя заметно, что это взрослая особь. Тут же вскрикивают белые трясогузки, совсем незаметные на Тадлеоане, цвиркают коньки, вероятно сибирские. Закончив описание растительности, слышу далекий гул вертолета и выскакиваю на шлейф. За нами летят. Я припускаю к палатке.

Вертолет пролетел над самой палаткой, долетел до яранг, развернулся и пошел по Тадлеоану вверх. Вижу дым, это Саша сигналит летчикам, но вертолет проходит над Тадлеоаном, и постепенно гул затихает. Когда я через полтора часа прибегаю к палатке, мои друзья сидят на уложенных вещах и обходятся без шуток. С каждым днем наши шансы улететь в Иультин тают, поскольку при более северном положении осень там, вероятно, уже идет полным ходом и многих растений мы уже не найдем.

17 августа. Эгвекинот. С утра пасмурно, и я снова ухожу на ближнюю гору, указав, где буду находиться в случае, если прилетит вертолет. Маршрут оказался чрезвычайно полезным, встретились местообитания нового типа, нашлось три еще не встреченных вида.

В истоке соседней речки оказалось провальное озеро, окружен-

ное нивальной тундрой и крупными снежниками. Похоже, что озеро находится на месте вытаявшей линзы ископаемого льда.

С высокой нагорной террасы были видны в бинокль щебенистые «блины» на равнине. Невольно вспоминалось, что на этих «блинах» условия среды такие же, как на высоких террасах, несмотря на разное положение в рельефе. Здесь и там растут в основном одни и те же растения. Следовательно, среда обитания создается самой щебенистой поверхностью. Она определяет температурный и влажностный режимы — самые важные для растений. Вклад растений в создание среды обитания на щебенистых поверхностях ничтожен, поскольку растительность слишком разрежена. Стоит отойти на несколько метров, и виден только однообразный серый фон щебня, все растения исчезают, как призраки.

Вскоре я добираюсь до широкой полосы стока на склоне горы. Здесь обстановка иная. Растительность почти сомкнута, богатый набор видов. Тут-то и обнаруживается пополнение, в том числе пололепестник из орхидных. Почва на полосе богата гумусом, она черная до глубины 10—15 сантиметров. Здесь уже и сами растения вносят значительный вклад в среду обитания. Именно поэтому тут сидит пололепестник, как бы чувствуя поддержку других растений. Богатство почвы — также результат влияния растительности. В свою очередь, это богатство обращается им на пользу.

Вылезаю на вершину, вернее, на вершинное плато, и картина резко меняется: голый щебень и никакой почвы. Лишь кое-где мизерные скопления серого мелкозема, в который пускают свои корни растения, способные противостоять необузданной стихии.

Даже в верхней части склона видны норы евражек, зверьки «облаивают» меня, сидя столбиком. Поскольку ружье я сегодня не взял, а голод не тетка, веду охоту первобытным способом — бросаю камни. Вскоре все евражки осведомлены о моих намерениях, и только с пятидесяти метров я могу рассматривать их пухлые силуэты.

Уже пятый час, выглянуло солнце, и я спускаюсь в полураспадок с кустами ольхи. Под одним вижу свежую лежку медведя, на которой еще дрожат травинки, силясь подняться. Рядом куча теплого навоза. Ого, так вот куда перебрался наш знакомый!

Он уже, видимо, приметил меня и дал деру, но это и к лучшему. Бросаться в него камнями у меня совсем нет настроения.

Спускаюсь по ручейку вниз, и тут раздается гул вертолета. С высокой террасы я вижу в бинокль, как падает снимаемая палатка и вскоре к ней подсаживается вертолет. Спешить, однако, бесполезно. До них километров десять, и два часа они ждать не будут. Через пять минут вертолет поднимается и летит к горе, с которой я уже спустился наполовину.

Я бегаю по каменистой террасе и пускаю солнечный зайчик зеркальцем компаса.

Нет, не видят! Вертолет удаляется к ярангам, разворачивается и идет в сторону Эгвекинота.

Хм, восемьдесят километров через хребет, на пустой желудок!..

Но вот вертолет снова поворачивает и идет вверх по нашей долинке. Ага, теперь увидят!

Я снова бегаю по террасе: с вертолета в масштабе человеческой фигуры видно только движущееся. Вертолет снижается прямо мне на голову, затем чуть отъезжает в сторону, к вершине бугра, зависнув в метре над землей. Я лезу по склончику, и могучий поток воздуха тянет меня. Дверь открывается и, захлебнувшийся воздухом, я вваливаюсь внутрь. Бортмеханик тут же выскакивает, что-то подбирает и бросает в вертолет. Да это охотничий нож, служащий мне копалкой. Саша и Нина сидят довольные и протягивают мне ужин — миску голубики.

Разверзлись огромные долины среди низких гор, но вот потянулась мощная гряда Искатеня. Высокие пикообразные горы без признаков растительности, узкие долины. Горы теснятся и уходят вдаль на север. Конечно, это крупный барьер для расселения растений. Горы вплотную подходят к заливу, оставляя лишь узкую полосу побережья.

В Заливе Креста, к моему удивлению, в кабине вертолета оказывается сам командир местных летчиков. Оказывается, нас потеряли. Вчерашний вертолет был действительно послан за нами, он сделал заход от Уэлькаля. Но нас не заметили. Рейс записали на нас. Кроме того, четверть часа искали меня. «Как рассчитываться будете?» — хмуро спрашивает Смирнов. Я лихорадочно под-

считываю: если отбодаться от вчерашнего рейса, то остается лету на восемьдесят рублей. Это ничего, можно из зарплаты.

— Ладно, спишем,— добродушно ворчит командир,— оставь зарплату себе.

Шумят машины, слышны людские голоса. От всего этого мы поотвыкли. Против нашей маленькой палатки, которая так и стоит в поселке все лето, вырос двухэтажный дом — его строят «на ура». Когда мы улетали, был готов только один этаж. Мы успеваем попасть в баню и долго хлещемся вениками из свежих веток ивы.

21 августа. Девяносто четвертый километр трассы.

Проводив Нину, отъезжаем до поворота в Озерное на автобусе и ждем угольщик, который захватит нас на девяносто четвертый километр, где, по словам шоферов, крупная речка, а судя по отчетам геологов, течет она из района известняков, куда, может быть, нам удастся добраться. Иультин отложен на будущий год, как наиболее легко достижимый, но не достигнутый в этом сезоне пункт.

У поворота сидим час, второй, третий. Наконец показывается одна за другой несколько машин с углем. Мы семафорим, а машины прибавляют ходу, обдавая облаками пыли.

Стемнело. Решаем заночевать в какой-то хибарке без дверей неподалеку и начинаем таскать мешки. Близится полночь, когда, ослепив меня фарами, останавливается угольщик. Несколько секунд слышно только сопение мотора, затем в свете фар появляется гигантская фигура.

Через секунду отдан приказ грузиться, я мчусь в темноту за последним барахлом, обрадовав по пути Сашу. Мы благодарны этому геркулесу, как только может быть благодарен человек, когда после долгого пренебрежения его вдруг признали. Рев мощного мотора тяжело нагруженного КрАЗа и серая в лучах фар лента трассы запечатлелись в ту ночь. Наш водитель, едва умещающийся даже в просторной кабине, оказался словоохотливым и добродушным, как все гиганты.

Петрович балагурит в такт мотору. Он рассказывает уже известную легенду об озере на сорок седьмом километре, о странных явлениях с солнцем, в чем узнается гало, об оазисе на сто шесть-

десят втором километре и предлагает нам съездить туда. На девяносто четвертом мы сбрасываем свои мешки на обочину и катим дальше.

На сто шестьдесят втором километре вылезаем. Серое утро. Близ трассы молчаливо бегут пепельные воды Амгуэмы. С противоположной стороны большой ее приток — Экитыки с широченной долиной. Прямо от дороги начинается горный склон, на котором видны ольшатники. Несколько часов мы ползаем по этому склону, затем спускаемся и ждем машину ехать обратно. Пригревает солнышко, мы дремлем и просыпаемся, когда машина оставила уже нам облако пыли. В конце концов добираемся до своих мешков и разбиваем бивуак.

Еще вчера мы поняли, что выгрузили вещи не там, где следовало. Нужная нам река протекает на сто восьмом километре и называется Гытхытхвэоуваам или попросту Гытхыт. Это она течет из района известняков, а речка Эльдгынтаграун, на которой мы теперь стоим, течет с Искатеня. Отправляемся в совхоз «Полярник», расположенный на девяносто первом километре, разузнать, не ездят ли они на вездеходе в верховья Гытхыт.

В поселке живет много чукчей. Теплым вечером они сидят на завалинках домов и гортанно переговариваются. На краю поселка видна одинокая яранга. Видимо, какие-то старики не желают переселяться в дом, предпочитая привычную обстановку. В поселке есть магазин, школа, почта, больница, клуб. Местность вокруг весьма унылая — сплошные болота, теперь, правда, сухие. Лишь Амгуэма скрашивает однообразие. Мы возвращаемся по ее пойме, где и находим в глубокой луже водяную звездочку. Это выдающаяся находка! С Амгуэмы сворачиваем на Эльдгынтаграун и идем над долиной. В одном месте валяется куча оленьих рогов. Это своеобразный памятник умершему пастуху. Когда-то тут было стойбище. Видны кругом камни, поддерживающие края яранги. Посередине большого круга — маленький — место очага. Валяются осколки нарт. Находим длинную тоненькую палочку с изящным костяным наконечником с дырочкой, назначение ее остается непонятным.

23 августа. Девяносто четвертый километр трассы. На следу-

ющий день после осмотра ближнего участка долины мы появились в дирекции, где нам предложили поехать в верховья Амгуэмы. Это вовсе неплохо, и мы охотно соглашаемся. Сегодня снова наведались в совхоз, и теперь стало ясно, что берут только одного из нас. Саша в любом случае ехать не может, его время истекает.

Еще вчера вечером сильно похолодало. Утром в пойменных лужицах была каша из кристаллов льда. Трава покрылась инеем, который теперь таял, и повсюду сверкали жемчугами капельки. В приречных ивняках перекликались чечетки и овсянки. На илистом бережку лужи шустро бегали кулички с белой каемкой на крыльях, хорошо видной во время полета.

Солнце быстро прогнало ночной холод. Днем стало жарко. Температура поднялась до 17 градусов, а поверхность почвы на сухом бугре нагрелась до 35 градусов. На равнине подняли выводок куропаток, которые кучкой побежали перед нами, словно курицы, мелькая серыми с ржавыми пятнышками спинами.

27 августа. Девяносто четвертый километр трассы. С Сашей мы расстались три дня назад, я ушел в совхоз. Здесь меня, однако, обескуражили: в вездеходе нет места. Предложили отправиться с другим вездеходом в район реки Матачингай, притока Амгуэмы. Что ж, этот район тоже интересен.

Только около девяти вечера вездеход тронулся. Машину вел сухопарый и горластый вездеходчик по прозвищу Ас. Нужно признать, что он действительно мастер. Когда мы влезли по кабину в болото, он смог выбраться, и только один раз «разулись» — соскочила гусеница вездехода.

В кромешной тьме вездеход остановился около яранги. Хозяева высунулись из полога. Замигала свечка, не способная осветить все пространство яранги. Разговор шел по-чукотски, попив чаю, я ушел спать в вездеход. Эта ночь была теплой.

Зоотехник предупредил, что обратно отправляемся днем и чтобы я не уходил далеко. Поэтому я встал очень рано и, попив чаю из термоса, покинул стойбище. Сразу за ярангами нашел шиповник и рядом ползучую гвоздику. Не зря, значит, приехал. Оба вида континентальны по своему распространению.

Рельеф был такой, какой я люблю: высокие горы плавными пе-

реходами сочетались с низкими. Высокая терраса из слабо окатанной гальки спускалась к речке, в пойме которой росли ивняки. На другой стороне долины поднимался пологий шлейф, увенчанный пиками останцов. На шлейфе обнаружилась солидная компания растений-кальцелюбов, но химизм пород остался неизвестен. Во всяком случае, на соляную кислоту они не реагировали. А в нижней части шлейфа крупными плешинами белели кислые липариты. Щебень этой породы похож на битое стекло, поэтому лишь немногие виды способны существовать на нем.

Осмотрев скалы, я уселся на них и принялся рассматривать окрестности. Тундра расцвечивалась осенними тонами. На террасе колышущейся массой виднелось стадо. Рядом возвышалось несколько яранг. Неподалеку — несколько озер, заполненных густой лазурью. Речка имела вид голубой ленты, местами завязанной бантиком. Дальше горы были подернуты туманом, их дрожащие мягкоцветные виды напоминали, что жил один француз, который мог воспроизвести такое. Звали его Клод Моне. Жаль, что он не бывал на Чукотке. Здесь он нашел бы необыкновенный простор для воплощения на холсте игры воздуха и необыкновенного сочетания красок.

Время истекало. Пройдя по пойме, я вылез на террасу с разноцветными пятнами растительности и оказался около стада, близ которого ходил мальчик в ярковыкрашенной ольхой в красноватый цвет кухлянке. Он удерживал фланг стада на месте, играя длинным ремнем.

Стадо вдруг зашевелилось, в нем словно образовались струи. Посередине его появилось трое чукчей, статные и суровые парни. На головах были надеты обручи со свисающими на ремешках пряжками. Они очень напоминали американских индейцев из романов Фенимора Купера.

Вдоль яранг всюду расположились женщины, свежующие туши. Я подошел к знакомым по вездеходу. Выяснилось, что происходит праздник молодого оленя. Вот из стада притащили упиравшееся животное. Взяв оленя за рога, один из парней ловким движением заставил его упасть на колени. Другой мгновенно ударил снизу ножом, и все отошли. Несколько секунд олень лежал неподвижно,

затем началась агония. К нему снова бросились и принялись держать. Под шею поставили таз и вскрыли вену. Таз быстро наполнялся. Теперь олень поступил в руки женщин. Они в своих неуклюжих меховых комбинезонах — керкерах напоминают одновременно водолазов и космонавтов без шлемов. С одного плеча у всех женщин керкер сброшен. Готовые туши украшены свежими ветками ивы.

Я захожу в ярангу, где постоянно кипит чайник и доска-стол в постоянной готовности для всех желающих. Пью чай, а две пожилые чукчанки с подвесками в ушах и большими бусами на шее долго привязывают к срединной жерди-опоре яранги отрубленные по колени и ободранные ноги оленя. Ноги должны стоять вместе, прямо, опираясь на копыта. Сбоку на ветвях ивы аляскинской лежит туша. Внутренности из нее вынуты через дырку в боку. Голова находится при туше.

Старухи кончают приготовления. Одна достает откуда-то бубен и палочку, чтобы стучать по нему. Они садятся на приступок полога и под негромкий звук бубна выводят долгую монотонную мелодию. Я вспоминаю про магнитофон. Однако, когда возвращаюсь от вездехода, они уже кончили свою песнь и никак не могут понять мою просьбу повторить. Они смеются, указывают на чайник. Входит молодая и красивая женщина с младенцем, завернутым в очень мягкую шкуру, по-видимому, неблюя. Она просит меня подвинуться, и тут я замечаю рядом с собой гамачок из шкуры, подвешенный к стойкам. Женщина прекрасно говорит порусски.

Собственно деловая часть праздника — забой оленей — закончена. Теперь начинается концерт самодеятельности. Я видел только забеги детей на короткую дистанцию. Приз — мягкие белые части шкуры с голени оленя.

Выяснив, что отъезд задерживается, я надеюсь найти еще что-нибудь. Но на этот раз мои надежды не оправдываются.

Уже смеркается, когда слышится гул вездехода. Догнав меня, останавливаются перекусить. Мне вручают целое ребро с мясом, с которым я успешно справляюсь. Вездеход набит ребятишками, едущими в школу-интернат. Молодой чукча, сидящий напротив

меня у двери, смотрит на мои сапоги. «Много ходил по тундре»,— и показывает на исчезнувший передний край подошвы.

Меня высаживают у отворота дороги в поселок, и в четырех километрах по трассе вижу нашу палатку. Кастрюля, полная каши, подвешена от евражек к колу палатки. Саша позаботился уезжая.

28 августа. Девяносто четвертый километр трассы. Ветер хлопает палаткой, а сквозь тучи упорно пробивается солнце. Вот становится светлее и вместе с тем приятнее на душе. Кажется, что мысленно помогаешь лучам прошибить серую массу облаков, и прорвавшийся луч есть частичка и твоей борьбы.

Сегодня надеялся отправиться с вездеходом к ярангам на притоке Гытхыта, как меня обнадеживали вездеходчики. Но вездеход ходил туда вчера и за мной не зашел. Я решил идти до яранг пешком, по следам вездехода,— это километров 30, но, поостыв, посидел над картой и решил, что нет никакого смысла тащиться в эти яранги, не зная толком, где они находятся. Главное — от их весьма приближенного указания на карте еще столько же до нужного мне местечка, точное местонахождение которого, впрочем, тоже далеко не ясно. Вывод один — посещение известняков Гытхыта в этом году не состоится. Словно серый туман медленно поднимается, и ширится чувство безнадежности и собственного бессилия.

Сегодня на дальних сопках утром лежал снег. Холод начинается с вечера, и, пока не заберусь в мешок, жгу примусы, но сегодня один сломался.

Сегодня съездил на сто пятый километр на подстанцию, там тоже есть вездеход, но день субботний, все разъехались. За сарайчиком растет пересаженная ольха и тут же торчит овес, вполне вызревший. По какой-то случайности сюда попали его семена и успешно развились под прикрытием стены.

Еще когда я возвращался на машине, увидел, что у палатки прохаживается ворон. Машины он вовсе не испугался, а лишь спустился не спеша по склону к реке. Но когда я попытался подойти к нему, улетел. Как-то утром был слышен восторженный, «с прихлебом», голос ворона. Помнится, как над утренними ярангами в стылом неподвижном воздухе перепархивала целая стайка

воронов, вероятно семья. Чукчи относятся с большим уважением к этому черному пернатому великану.

Хотя здесь в общем-то равнина, иногда появляется пара парящих зимняков. Они медленно кружат над равниной со своими тоскливыми криками «кей-кей-кей». Близ поселка чечетки совсем по-щеглиному лазают по сорной декурайнии и добывают ее семена.

На галечнике Эльдгынтаграун нашел убитого кем-то и брошенного кречета. Он был уже несвежим, и я оставил его.

Палатка стоит по соседству с норами евражек. Каждое утро один из этих бездельников зачем-то бросается на стенку палатки. Однажды я проснулся оттого, что евражка бегал по моему спальнику. Я сбросил его, он нырнул в щель под дверью. Они грызут хлеб, масло, бумажный мешок с сухой картошкой, но не грызут холщовые мешки с крупой.

Завтра планирую дойти до ближней низкой сопки на востоке, до которой мы не дошли с Сашей, не рассчитав расстояния и время. Сопка расположена километрах в десяти, а не в пяти-шести, как нам показалось сначала.

30 августа. Девяносто четвертый километр трассы. Вчера сделал последнюю экскурсию в этом районе, дойдя до низкой сопки, но был разочарован. Ее слагают те самые горные породы, которые, разрушаясь, дают гравий — крупу желтоватого цвета, мало пригодную для поселения растений. Благодаря этой крупе сопка имеет плавные очертания, так как крупа засыпает и сглаживает все неровности. Издали сопка похожа на громадную кучу зерна. Местами на ней много черноватых лишайников гирофора, зачерняющих привершинные участки и осыпи. Разбросаны куртинки дриады. Эрмания и элегантная лапчатка, обычно растущие наверху, здесь сидят на нижних частях склонов.

С сопки видно, что в сторону Амгуэмы идет общее плавное понижение. Видны многочисленные сильно врезанные долинки ручьев и речек. Много озер, иногда расположенных на разных уровнях, хотя и близко друг от друга. Под сопкой — небольшое озеро, с которого я прогнал стаю гусей. Еще утром их станица, выстроившись углом, направлялась к югу.

От сопки шел длинный спуск к большому озеру на северо-западе. По бугристо-осоковой тундре я достиг этого озера. Вокруг по склонам раскинулись нивальные тундры: повыше — с густо-зеленым фоном четырехгранной кассиопы, пониже — с фоном ярко-зеленой полярной ивки.

На невысоких холмах растительность горная, изреженная и с куртинами дриады. Очевидно, снег с этих холмов зимой сдувается.

Луговины на сусликовинах невольно привлекают внимание, выделяясь на серо-желтоватом фоне. Просто удивительно, что в одних и тех же условиях одного и того же склона только за счет изменения грунтовых условий сусликами растительность изменяется совершенно. Отсюда можно прийти к выводу, что горные склоны можно каким-либо образом возделывать, только для этого нужно разработать технологию пахоты и подобрать культуры. Тундровая растительность сильно трансформируется и под влиянием природных процессов, связанных, в частности, с мерзлотой. Нетрудно убедиться, что там, где происходит вспучивание поверхности с образованием голых тундровых пятен, растительность обычно богата и называется эвтрофной, то есть хорошо обеспеченной минеральным питанием. Нарушение природных комплексов близ поселков всегда влечет за собой изменение растительности в сторону укрупнения растений. Следовательно, это нарушение даже полезно, если не излишне. Правда, те растения, которые получают преимущество, как будто не используются человеком. Однако оказывается, что в ряде случаев они очень нужны. В Конергино один зоотехник говорил мне, что они прикармливают молодых оленей крестовником арктическим, за ним приходится далеко ездить на вездеходе. Но стоило только раз пропахать вездеходом какую-нибудь озерную отмель, которых близ Конергино достаточно, и разбросать зрелые верхушки этого крестовника, которого немало на разъезженной трактором полосе в двух километрах от поселка, это неприхотливое растение пошло бы как бурьян. Без дальнейшего подсева все оленята были бы снабжены подкормкой многие годы. На сухих разъезженных тундрах можно подсеять вейник Лангсдорфа и получить хорошее сено. В укрытых от ветров местах на шлейфах гор, по-видимому, может расти овес.

В озеленении поселков нужно использовать методы евражки и местные растения, среди которых немало родственников выращиваемых в палисадниках умеренных широт и столь же красивых, например аконит.

От этих мыслей меня отвлек вездеход, появившийся вдали на речке. Я разволновался, решив, что он идет к ярангам на притоке Гытхыт. Выйдя к речке, услышал голоса. Меня приметили и покричали. Крепыш-вездеходчик приглашает к столу. Выясняется, что завтра он едет в Ванкарем и может захватить меня на гору Экуг.

3 сентября. Ванкарем. На следующий день тарахтенье вездехода убедило в том, что поездка состоится.

До поселка Геологического ехали по трассе, затем повернули на северо-восток. Погода была отличная, но в вездеходе от этого стояла духота. Километров через десять от трассы встретились яранги, где находились одни женщины, одетые не в керкеры, а в короткие штаны из мягкой кожи и высокие торбаса. Наш проводник о чем-то оживленно поговорил с ними, и мы начали долгий и довольно крутой подъем. Затем въехали в долину с крупной террасой ледникового происхождения. Следов деятельности ледников здесь оказалось довольно много, но растительность была знакомая, без каких-либо местных отклонений.

Вдали синел конус горы Экуг, и скоро мы подъехали к ее подножию, где раскинулся лагерь старателей. Несколько балков и домик, мачта с флагом и непролазная грязь, но в столовой очень уютно и тепло. Мы основательно поужинали и посмотрели половину кинофильма Таджикской студии. Вторую половину этого шедевра забыли привезти с Геологического.

Вскоре после Экуга горы кончились. Среди однообразной всхолмленной равнины мы некоторое время ехали, утратив ориентировку. Увалы становились ниже и ниже. Проехали домик с коралем вблизи. Часа три поспали, затем в вездеходе сгустился такой холод, что было не до этого. В первой половине мрачного дня пришли в Ванкарем.

Поселок стоит на галечной косе. Ноги погружаются по щиколотку в рыхлую гальку. Побеленные домики стоят строгими ряда-

ми, и лишь по окраине строения нарушают порядок, в их числе единственный двухэтажный дом с гостиницей в одной из квартир. Неподалеку от мыса Ванкарем в 1934 году был затерт льдами «Челюскин», и челюскинцев вывозили сюда.

Тысячелетия бросаются волны на каменные стены оконечности мыса и каждый раз, злобно пенясь, откатываются. Море студеное и коварное гудит глухо и торжественно. Вероятно, с воды оконечность мыса кажется неприступным бастионом, над которым возносится серая пирамида маяка. Но вода точит и точит мыс. Огромные валуны скатились с него, и вода округлила их.

Растительность имеет вид желтых пятен, которые образуют клинолистная ива и приморская звездчатка. На склоне нахожу, к своему удивлению, вейник Лангсдорфа. Надо же куда забрался! Тут же обнаруживается камнеломка прилистниковая — еще нигде не попадавшийся вид.

Мыс — наиболее возвышенная часть местного рельефа. Поселок с него смотрится как в низине. Действительно, он возвышается над уровнем моря всего метра на два. Странно, что его не смывает во время шторма. Но мыс выполняет функцию волнореза, и в лагуне у поселка большого волнения, видимо, не бывает. Так и сейчас на горизонте видны могучие валы с барашками, а здесь — лишь мелкая рябь.

На следующий день опять ходил на мыс и снова обошел его, заглядывая в те места, которые пропустил накануне. В этот день погода была переменчива: то начинала сыпать снежная крупа из набежавшей тучки, то снова выглядывало солнце. Северняк гнал тяжелые волны и швырял на скалы. Неподалеку от мыса торчит каменистый островок, едва возвышаясь над водой. В солнечном свете вода принимает голубоватый оттенок, но как только солнце скрывается, становится серой. Скалы красноватые, изборождены трещинами вдоль и поперек. Вокруг видна вода — мыс соединяется с материком узким трехсотметровым перешейком в виде насыпи.

На горизонте на всех южных румбах виднеются далекие горы. Они имеют призрачный вид, так как припорошены снегом. На мысу сохраняются остатки недавних жилищ — полуземлянок, а у основания мыса видны обрушенные древние землянки с канавка-

ми, выкопанными крестом, надо полагать, Н. Н. Диковым в 1957 году, как это следует из его книги «Древние костры Камчатки и Чукотки». В этой книге мы находим сведения, что на мысе Ванкарем еще в конце I — начале II тысячелетия нашей эры жили эскимосы зверобои.

Теперь здесь живут чукчи зверобои. Они охотятся на моржа и разных тюленей. На берегу стоят байдары и вельботы. Байдара представляет собой солидную конструкцию длиной метров семь-восемь. Моржовая кожа, обтягивающая каркас, гудит, как бубен. Заплатки пришиты, что называется, комар носу не подточит.

После обеда мы не выехали, как предполагалось, и я пошел на полярку посмотреть сводку за минувшее лето. В начале лета здесь было много солнечных дней, но постоянно дули сильные северные ветры. В июле было всего несколько дней с температурой выше 10 градусов, но 24 июня было 20, а в самый теплый день августа 18,5 градуса. Осадков за лето выпало меньше 60 миллиметров, хотя район приморский.

Найдено видов не более восьмидесяти, а всего едва ли будет больше сотни. Обстановка весьма суровая, местообитания однообразны. На мысе нет ни одной речки.

Утром 2 сентября, выглянув из окна гостиницы, где мы устроились с вездеходчиком, увидел, что началась зима. Правда, к полудню снег остался лежать только островами, между которыми щетинилась осока и арктофила. После обеда вездеходчик расшевелился, и мы тронулись. Потянулись равнинные болота, запорошенные снегом. Более мрачную обстановку, пожалуй, трудно себе представить.

Снова пошел снежок, и видимость сократилась до сотни метров. Мы начали блуждать. В конце концов выехали на реку Ванкарем. По реке поднялись до устья Рекууля, впадавшего в Ванкарем. Тут на высоком берегу стоит домик, в котором живут трое рыбаков с Ванкарема. Среди них оказался отчим нашего проводника. Решили заночевать, и, пока было немного светло, я посмотрел приречные склоны. Здесь было несравненно богаче, чем на мысе, хотя за час я нашел примерно столько же видов. Нашлась восточносибирская хризантема, которой мы более нигде пока не встречали.

Утром погода угрожающе мрачная, еще долго тянется равнина, пока не становится ясно, что мы опять плутаем. Поднялась метель, в вездеходе тепло и уютно, и одна досада — неясно, куда ехать. Хотя вездеход заправился у рыбалки, горючее уже подходит к концу.

Сквозь серую пелену прорезалась вершина Экуга. У старателей заправляемся снова. Не задерживаясь, отправляемся дальше и наконец выбираемся на трассу. Но на сто двадцать третьем километре вездеход выходит из строя, и дальше добираемся попутной машиной.

В темноте на дорогу выскочил молодой песец пегой окраски и километра два шпарил между лучами фар. Лишь когда сильно устал и, видимо, пришел в отчаяние, он все же свернул в сторону и скрылся в темноте. В лучах фар красочно порхают снежинки, хотя метели здесь нет. Однако эта красочность хороша из теплой кабины, на улице мрак и холодная слякоть.

Моя палатка провисла посередине,— в чем дело? Край ее подозрительно приподнят, срединная оттяжка сорвана. Захожу и все понимаю. В палатке побывали двуногие шакалы, которые, как заметил вездеходчик, в последнее время просочились на Чукотку. Раньше здесь не имели представления о замках.

Исчез магнитофон и сломанный транзисторный приемник. С магнитофоном прихвачена и его комплектация. Пропали все звуки тундры, накопленные за лето. Вспоминаю, что три студенческих месяца работал в кочегарке, чтобы купить магнитофон.

4 сентября. Эгвекинот. Мертвая тишина утром поразила меня. Стены палатки провисли. Я протянул руку и потыкал потолок. Ясно, завалило снегом. Чтобы добыть воды, пришлось раскалачивать лед. Потом заложил привезенные растения в сетку и пошел в совхоз.

Вернувшись в палатку, сел писать, но не шло, и наконец я понял, что девяносто четвертый километр мне чертовски надоел. Бывало, мои спутники оставляли какое-то место с чувством насыщения им, но у меня такого никогда не было. Всегда можно было еще немного поработать. Теперь же я рвался уехать немедленно. Закралась неприятная мыслишка, что за долгое отсутствие и

темные ночи палатку в Эгвекиноте, где немало вещей, тоже почистили.

Я быстро собрался и едва вынес на дорогу первый мешок, как остановился знакомый шофер Азрет. Пришлось бегать, собирая остальное. Загудел мощный мотор, и поплыли мимо сопки и долины, запорошенные снегом.

Как круто все изменилось! Всего несколько дней назад, ожидая вездеход, я даже разделся и загорал, а сейчас и в полушубке тепло лишь в кабине. Теперь остается только намечать пункты для работы в будущем году. Вот семьдесят второй километр — здесь стоит побывать, а далее шестьдесят второй. Потянулись знакомые районы. Замелькали воспоминания, еще совсем недавние. Проплывают домики на перевале. Наших здесь уже нет. Азрет оживляется: «Увидишь Тамара, ба-а-льшой привет».

Теснятся кручи Искатеня. Выныриваем в район фьорда. Ба! Здесь снега совсем нет. Недаром Эгвекинот называют чукотским Сочи. Правда, летом в этом Сочи многовато дождей. Зеленая горка словно акварельная картинка размазана в желто-зеленых тонах.

Азрет подвозит меня к самой палатке. Здесь все в порядке. Ставлю рядом привычную четырехместку, хотя ветер сильно мешает. Теперь спину мне греет примус, и рядом горят две свечи. С севера ползет тот самый туман, который сулит снег. Неужели зима гонится за мной по пятам с самого северного побережья?

Последнее время меня часто одолевали воспоминания. Видимо, так всегда бывает, когда человек один. Правда, одиночество не угнетало, за долгие годы я к нему привык. И когда целый день на уши давила тишина, и когда пьяная компания вызывала желание пропасть, и когда целый вечер шумели примусы, а потом в мешок прокрадывался жгучий холод, я все воспринимал как должное. Но сегодня я почувствовал одиночество. Оно сразу навалилось, как глыба, и, что бы я ни пытался делать, запускало щупальца беспокойства.

8 **сентября. Эгвекинот.** Сезон кончился. Сегодня я убедился в этом окончательно, посетив Зеленую горку, которая стала буровато-желтовато-зеленоватой. Живой оттенок придают вечнозеленые кустарнички. Иногда видно вторичное цветение отдельных расте-

ний: акомастилиса, сибирской ветреницы, двуцветковой лапчатки, у которой лепестки вместо желтых теперь белые. Все же наблюдать оживление растений после зимы более радостно, чем видеть их увядание.

Сегодня на вершинах всех ближайших гор снег. В сопках за Озерным, ближе к перевалу, он лежит до подножий. Там постоянно висит туман. Именно сейчас особенно отчетливо видно влияние бухты на местный климат. Это влияние, очевидно, не простирается на склоны гор, обращенные от бухты. За перевалом климат становится уже вовсе континентальным. Но не на любую растительность оказывает влияние климат. Так, и в районе Конергино, и на Южном Тадлеоане, и в долине Амгуэмы равнинные субарктические тундры ничем не отличаются друг от друга. Совсем другое дело в отношении нивальной растительности. Ее существование связано с снежниками, а последних тем больше, чем океаничнее климат. Уже в верховьях Канчалана нивальной растительности меньше, чем в Заливе Креста, и несравненно меньше, чем в окрестностях Конергино; а за перевалом такой растительности еще меньше, чем на Южном Тадлеоане, зато там появляется остепненная растительность. Снежники являются чуткими индикаторами климата, поскольку в условиях континентального климата лето в целом теплее, и они большей частью быстро стаивают.

На следующий день после приезда в палатку заглянул ответственный за строительство соседнего двухэтажного дома, который закончили возводить, но не отделали. Он предложил мне перебраться в балок и заодно приглядывать за домом. Я с удовольствием принял его предложение, тем более что приглядывать за домом было нечего, судя по тому, что наша палатка простояла здесь все лето и никто в нее не заглядывал. Теперь я сижу вечером в тепле и при свете.

10 сентября. Эгвекинот. Улететь не удалось из-за сильного ветра. Он начался еще вчера, и всю ночь стены домика содрогались от резких порывов. Днем было яркое солнце и ветер, валящий с ног. Но в распадке ветер совсем не чувствуется, и, сидя на склоне в тишине и покое, смотришь, как близ аэропорта передвигаются люди, согнувшись пополам, и ветер срывает с них одежды.

В верховьях бухты льдов почти не осталось. Гигантский снежник на склоне все-таки стаял. На его месте обозначилась каменистая сыпучая пустошь. Многие растения уже исчезли, словно их и не было.

В последние дни исчезли каменки, но белые трясогузки еще заметны. Порхают стайками чечетки. Видны пуночки.

Каждое утро вдали видны заснеженные склоны, те, что обращены от бухты, но обращенные к ней склоны по-прежнему свободны от снега. Бухта сейчас «подогревает» воздух, несмотря на то что температура воды в ней низкая.

По вечерам в вышине протяжно и тоскливо воет ветер. Над черными сопками ярко горит луна, то и дело скрывающаяся за набегающими тучками. Над дверью аэропорта сиротливо колотится лампочка. В такое время на улице не увидишь человека, и так приятно скрыться от стонущего раздевающего ветра в теплый мирок жилища. Словно клочья дыма, плывут воспоминания и думы, рождаются планы и мучают грезы. Суровая действительность словно срывает порывами ледяного ветра нажитые в обществе пороки. Чувствуешь какое-то очищение и, прислушиваясь к реву ветра за стенами, думаешь о долгом пути человечества к его призванию, что может означать это призвание, что мы имеем теперь, и каковы вероятные дальнейшие пути.

ГОД ТРЕТИЙ

Залив Креста. Озеро Экитыки. Телекайская роща. Реки Чантальвеергын — Экитыки. Река Амгуэма. Верховья Гытхытхвэоуваам. Гора Кымыней. Восемьдесят шестой километр трассы. Река Мараваам. Залив Креста.

14 июня. Залив Креста. Вчера мы прибыли сюда ни больше ни меньше, как с Глобусом. Столь насыщенную географией фамилию носит мой теперешний спутник Женя.

С июньской температурой воздуха 0 градусов на этот раз знакомились в Тикси, Амдерма была закрыта. В анадырской аэропортовской гостинице, вдыхая запах мытого пола, читал Расмуссена и упивался его проникновенным ходом мыслей и великолепным умением изображать картины своеобразной жизни эскимосов Северной Америки, их внутреннего мира, разгадкой которого он увлекался.

Сразу по прилету в Залив Креста мы навестили местных геологов с обычной просьбой «подбросить на вертолете». В том, что нас куда-нибудь да возьмут, не было ни малейшего сомнения, тем более что здесь уже есть и знакомые. Главное, я уже знал, что геологи — народ особых свойств. Правда, у нас сейчас конкретная задача — попасть первым делом в Телекайскую рощу, которую видел с воздуха А. П. Васьковский, а кто-то еще ранее его и о которой ходят разные слухи. Из ботаников в этой роще, вероятно, никто не бывал, так как в научной литературе сведения о ней отсутствуют[1].

Мы ткнулись было в аэропорт, поскольку мой карман изрядно оттопыривает тысяча рублей в купюрах 1, 3, 5 рублей. Нам сказали, что вертолет только один и работает на геологов — обращаться

---

[1] По сообщению проф. Б. П. Колесникова, в этой роще побывала в 1939 году группа К. Ф. Яковлева, входившая в Чукотскую комплексную экспедицию НКЗ РСФСР, занимавшуюся инвентаризацией угодий. Группа прошла от рощи до Амгуэмы. Переправляясь в устье этой реки, вся группа вместе с собранным материалом погибла. В 1937—1938 годах Е. Ф. Яковлев работал в Чаунской низменности, где собрал много растений, хранящихся теперь в гербарии Ботанического института. Он, безусловно, собрал большой материал и в 1939 году, но в результате трагедии этот материал не стал достоянием науки.

к ним. И вот мы перед главным инженером Александром Петровичем. Он долго не раздумывает и сообщает, к нашей великой радости, что одна группа на днях вылетает на озеро Экитыки, а там до рощи рукой подать — пятьдесят километров.

На складе находим свое имущество, оставленное в прошлом году, и переправляем его на привычное место у аэропорта. С радостным волнением думается: «Вот оно, опять пришло, как хорошо!»

Мы сделали экскурс к югу от поселка. «Мертвую зону» каменных развалов обошли по прибрежному льду. Бухта под сплошным панцирем, как и большая часть Анадырского залива, но, видимо, лед не мощный, так как в Эгвекинот уже пришел пароход. Со склонов мы видим «дорогу», которая, начинаясь от кормы, тянется до горизонта. Вход в бухту совсем узкий из-за косы на противоположном берегу и длинного мыса с этого берега. Мыс, выступающий в бухту треугольником, представляет собой морену, вынесенную когда-то ледником из бокового распадка. Позднее буйные воды горной речки и штормовые волны бухты выровняли гору камней, сделали ее плоской. Сейчас этот треугольник выезжает почти на середину бухты и особенно хорошо заметен в окружении льда.

Прибрежный лед достигает полутораметровой толщины, он вылез на берег.

Верхние части перегиба шлейфо-террасы надо льдом имеют крупные проталины, на которых оживает растительность. Едва показавшись из-под снега, многие растения начинают зеленеть. Так называемые вечнозеленые растения, не теряющие осенью листьев, выглядят, перезимовав, бурыми, но быстро восстанавливают окраску.

За «мертвой зоной» каменных развалов снега значительно меньше. Многие растения уже цветут. На конусе выноса цветут ветреницы, дриады и рододендрон мелкоцветковый. На скалах находим другие цветущие растения, среди них элегантная лапчатка, эрмания и подушечная камнеломка Эшшольца. Многие растения, однако, еще совсем не появились из земли и заметны лишь по прошлогодним остаткам, и среди них — еще один рододендрон

камчатский. Другие цветут в зависимости от условий, например, на склонах встречаются целые букеты новосиверсии, издалека привлекающие внимание яркой желтизной. Местами эта же новосиверсия киснет в лужах талой воды. Кстати, листья этого растения под снегом сохраняют интенсивно зеленый цвет.

Постоянно поет пуночка. Трясогузки уже прилетели, но, видимо, еще не все. Каменка пока незаметна, возможно, еще не прилетела.

16 июня. Залив Креста. За два дня неплохо подтаяло. Вершины сопок оголились. Скорость таяния указывает на различия условий среды в разных местах.

Вчера ездили по трассе до девяносто первого километра.

«Снежная зона» тянется от двадцатого до шестьдесят пятого километра трассы, но за перевалом участки склонов, свободные от снега, становятся обширнее. Сопка на пятьдесят втором километре, на которой было гнездо зимняка и своеобразный набор растений, сейчас сильно заснежена. Район семьдесят второго километра очень напомнил район бассейна Матачингая, где я побывал в прошлом году. Межгорная впадина с долиной Амгуэмы свободна от снега, и даже невысокие окрестные сопки голы. Большие снежники только у подножия террас. Амгуэма сильно вздулась. Серая толща воды быстро движется вровень с первой террасой — берег затоплен. В совхозе «Полярник» нас обещали забросить в верховья Амгуэмы. В поселке 87-й километр стоит партия гравиметристов. Два эгвекинотских вертолета работают на нее. Мы надеемся добраться с их помощью на Гытхыт, в район известняков.

Приамгуэмские болота, и сухие и сырые, еще почти не ожили, но пушица уже цветет, так же как и кустики ив. Носятся возбужденные кулики. У одной лужи нас близко подпустил американский бекасовидный веретенник. Он втыкал свой длинный клюв в сырую почву и перебирал половинками клюва, словно жевал эту болотную жижу, выбирая из нее мелких существ.

По кочкам шмыгают подорожники, нередко слышна песенка нарядного самца. Проносятся, как молнии, поморники, высматривая, чем бы поживиться.

Сегодня ходил на бухту, где также постоянно слышны подо-

рожники, трясогузки, плиски, чечетки. Заметил каменок, хотя их характерного «чеканья» еще не слышно. Пуночки и подорожники держатся парами, и хорошо заметно, что и у тех и у других самка окрашена тусклее, чем самец. Прилетел и зуек галстучник. Он бегает по галечнику, как маленький дирижер, и без конца кланяется.

На берегу, чуть подальше нагромождения льда, цветет очень многое, в том числе и шикша. Цветки ее крохотные, лучше всего заметен пучок тычинок вишневого цвета, свисающих наподобие метелки. Хотя шикша стелется по земле, ее цветки опыляются ветром, и, вероятно, довольно успешно, поскольку ягод бывает очень много, осенью некоторые пригорки выглядят буквально черными из-за их обилия.

Цветет и нардосмия ледяная. Это растение — родственник всем известной мать-и-мачехи. У обеих весной сначала появляются цветущие стебли с чешуевидными листьями и лишь впоследствии вырастают настоящие листья.

Совсем неожиданно нашли и много цветущих растений на огромной осыпи со склона сопки, среди голых камней, несмотря на суровую местную обстановку. Вдоль ручейка особенно обилен акомастилис Росса, цветки которого, да и общий вид, несколько напоминают новосиверсию.

Магаданцам имя капитана Росса знакомо по книге Олега Куваева «Птица капитана Росса». В ней упомянут Джон Росс, но был еще и его племянник Джеймс Росс, совершивший несколько славных экспедиций на Канадский арктический архипелаг, открывший северный магнитный полюс. В честь кого-то из них назван акомастилис, который растет на Канадском арктическом архипелаге на 80-й параллели. В Азию он пришел в свое давнее время из арктической Америки, но еще и теперь словно помнит: если снега «над головой» нет, нужно поскорее зацвести и дать семена, а то бог его знает, что будет дальше. На склоне этой осыпи, обращенном к югу, как и в прежние годы, лежит огромный снежник с козырьком. Спуститься с него можно лишь там, где нет козырька.

Сегодня стало ясно, что вылетаем мы со сто пятьдесят девятого километра на следующей неделе. Рассказы о роще уже совершенно покорили мое воображение. Эта самая партия, с которой мы

отправимся теперь, работала в районе рощи год назад. В роще у них был оставлен лабаз — тюк на корявом дереве. Подобные лабазы разбрасывают на вертолете, чтобы маршрутом доходить до них, а не таскать с собой месячный или более объемный запас продовольствия и некоторые вещи. В лабазе была и резиновая лодка, геологи собирались сплавляться отсюда по рекам. Однако когда они добрались до лабаза, медведь уже попользовался им. Продукты, бродяга, съел, лодку изорвал. Это был, очевидно, большой специалист по ограблениям. Он разрывал консервные банки на две части или раздавливал. Веня Маколдин, топограф, заглянувший вечером к нам на огонек костра, рассказал, что их группу однажды постигло настоящее несчастье. Медведи разорили подряд три лабаза на их пути, и людям пришлось очень туго.

19 июня. Залив Креста. Мы предвкушаем вылет и готовимся к нему. Последние два дня Глобус закупает провизию, а я заканчиваю наблюдения за оживанием растений. Они неожиданно складываются в довольно четкую картину, к штрихам которой присоединяются прошлогодние наблюдения.

Большие снежники, сохраняющиеся у подножий склонов, наводят на мысль о том, что в эпохи оледенения на этих же местах образовались полосы льда. Зоны современной аккумуляции снега были и зонами начала появления сухопутных ледников. Снег постепенно уплотнялся, кристаллизовался и переходил в лед.

Однажды на фоне снежника пролетели городские ласточки. Я разинул рот, не веря своим глазам. Сделав круг над наледью в бухте, они снова подлетели к горе и с веселым щебетанием пронеслись над ленточным снежником.

Посещение ближайшего распадка показало, что сразу за выходом его на конус выноса начинается увеличение снежников, которые вскоре образуют сплошной забой с глубоким каналом, посередине пробитым водой. Местами канал сухой: речка ныряет под снег. В стенках канала видны многочисленные дырки — норы от токов талых вод со склонов. Голые скалы торчат над снегом, и вблизи их снег значительно протаял, образовав глубокую нишу. Пуночки парой перепархивают по скалам и, по всей вероятности, имеют намерение обосноваться здесь на гнездовье.

На южном склоне латки снега еще велики, но идет интенсивное таяние. Между снежников видна сухолюбивая тундра, но сейчас по ней бегут ручейки талой воды. В нескольких десятках сантиметров от снежной латки температура воды уже 4 градуса, но у самого снега вода имеет нулевую температуру.

В этот день был сильнейший шквальный ветер с севера. Впервые случилось так, что палатка повалилась, поскольку порывы ветра постепенно раскачали ее упоры. Когда же мы закрепили палатку намертво, переломился кол. Этот свирепый ветер дул через перевал из бассейна Амгуэмы. Вблизи бухты и на «нашем» конусе он мел доски и катал пустые железные бочки, но в поперечной долине воздух был неподвижен.

25 июня. Озеро Экитыки. 20-го вечером к палатке подкатила экспедиционная «Шкода», показались знакомые лица. Хотя грузом машина была буквально завалена, втолкали наши мешки.

По дороге теперь уже хорошо подтаяло, но на самом перевале мало что изменилось, хотя снег стал потоньше да побольше обнажились склоны гор. Сильно заснеженно до шестидесятого километра трассы. К тому же запуржило. Мы ехали тесно упакованные в небольшом пространстве на мешках под тентом и смотрели на снежную завесу, словно в экран телевизора. Потом стало холодно. На сто двадцать третьем километре по традиции останавливаемся и идем в шоферскую столовую.

Погода слякотная и крайне неприятная. Откуда-то из тундры, мерно покачиваясь, появились трое чукчей и уселись близ дороги. Им привычна непривлекательность погоды, но мы спешим куда-то скрыться.

Остаток ночи провели в домике геологов, а утром по такой же погоде полетели вдоль реки Экитыки на озеро того же названия. Долина пролегла широкой полосой среди придолинных сопок. Ничего особенного, типичный чукотский ландшафт. Показалась лента озера, белая от сплошного ледового покрова. Здесь горы резко выросли, и на их северных склонах покров снега едва ли не зимний. Серые сплошные облака висят, касаясь вершин. Угрюмые места, но это только разжигает интерес, внешнее впечатление часто обманчиво.

Показались палатки; к счастью, они расположены на северной стороне озера, то есть ближайшие склоны гор обращены к югу и лучше прогреваются, поэтому снега на них почти нет. Палатки стоят на холме, представляющем собой типичную морену. Когда-то ледник «привез» эту кучу камней и отложил здесь. Ниже морены расположено малое озеро, соединенное протокой с озером Экитыки. Совсем рядом очень крутые склоны высоких гор, с которых под собственной тяжестью сползли потоки щебня.

Несколько дней мы совершаем экскурсии близ северо-западного побережья озера. Экитыки — проточное озеро, река-тезка втекает в него с запада и вытекает с востока. Озеро лежит над уровнем моря на высоте 205 метров. По мнению геологов, оно тектоническое, то есть возникло в результате движения земной коры. Район приходится на восточную окраину Амгуэмо-Куветского массива — наиболее мощного горного узла на Чукотке, с которого текут многие крупные чукотские реки. Таких значительных следов оледенения, как в этом районе, мне еще не приходилось видеть на Чукотке. Между сопками и озером находятся холмы с выходами коренных пород, обработанные ледником по типу «бараньих лбов» — это «шлифованная поверхность, на которой нет обломочного материала, хотя пласты пород лежат поперек поверхности». Гигантской теркой проехал по этим холмам ледник, ободрав все неустойчивое. Напротив, по соседству с холмами, он нагромоздил холмы из валунов — морены. Кое-где лежат такие валуны, что человеческая фигура на их фоне кажется такой же, как муравей на фоне спичечного коробка.

На них поселились многочисленные накипные и листоватые лишайники. Поток льда, круша все на пути, полз с запада, с вершин Амгуэмо-Куветского массива, где льдов накопилось в период похолодания столько, что нижние слои стали вязкими, текучими.

В основной поток льда вливались боковые, совсем как обычные реки. «Притоки» спускались по боковым долинам, выходящим к озеру. Теперь в них шлейфы гор образованы боковыми моренами, поднимающимися до ста метров над днищем долины. Речки проложили себе русло среди валунов, нормальных галечников нет. В соседнем распадке течет ручей Пенистый, который в одном мес-

те прошиб морену на три-четыре метра. Он и теперь с яростью подмывает берега, словно песчинки, катит по дну солидные валуны и пенится, как пиво в кружке.

Сделав сразу же по прилету рекогносцировочный экскурс в ближнюю долину, я выяснил, что здешняя растительность принадлежит западному, континентальному типу, а не восточному, океаническому. Ольха, например, растет и на склонах, и в пойме, и даже в болотах. В истоках Канчалана ольха обычно росла на склонах и лишь изредка спускалась на заболоченный шлейф; в пойме же начисто отсутствовала. Там не встречалась и бошнякия, паразит на корнях ольхи. Это растение, лишенное листьев, похожее на бурую шишку, торчащую под кустами ольхи, нахожу сейчас сухим, прошлогодним. Если подкопать почву, видно, что корней у бошнякии нет, они ей ни к чему. Она плотно обхватывает корень хозяйки и сосет его соки. Под ольхой обычен и ползучий плаун. Этот маленький ветеран растительного мира не паразит, но испытывает к ольхе какую-то привязанность.

Много здесь и кустов смородины, а еще больше низкой чукотской ивы, отсутствующей на востоке полуострова. Жесткие листья этой ивы похожи на искусственные.

За пять полнодневных маршрутов нашлось пока только 150 видов. Это довольно мало, хотя, конечно, мы не виноваты в том, что еще рано. Видимо, по этой причине нам придется улететь в рощу, не выявив местную флору максимально полно.

На южных склонах, обращенных к озеру, снежники лежат только по ложбинам, под которыми находятся осыпи. Ложбина способствует сохранению снежника, а он ее постепенно углубляет, таким образом и осыпь растет и горная складка «перепиливается». В течение тысячелетий это медленное разрушение приводит к образованию распадка. По нему начинает течь речка, которая «точит» дальше. В этом районе имеются самые разные стадии «перепиливания» горных складок. В одном месте горная складка разрезана уже до основания. Каменистый материал из распадка вынесен в виде гигантского конуса, далеко вдающегося в озеро крупным мысом.

На шлейфах здесь — царство мхов. Они образуют мощные ков-

ры, по которым даже трудно ходить из-за мягкости. Над мхами обычно возвышаются крупные ерники с обилием багульника. И березка и багульник непривычно велики — по колено. Растут они столь густо, что ходить по ним тоже трудно и, кроме того, в них нет ничего интересного. Заполнив собой жизненное пространство, они не позволяют поселиться другим растениям.

Сейчас все кустарники начинают распускать клейкие листочки, и склоны из бурых становятся с каждым днем зеленее. Происходит это медленно, погода стоит не блестящая. Каждый день к вечеру туман опускается чуть не до земли. С востока часты сильные ветры, приносящие дождевые облака. Изучая карту, легко понять, что сюда проникают морские ветры, так как широченный «коридор» реки Экитыки продолжает еще больше широченный «коридор» Амгуэмы, выходящий в Ванкаремскую низменность недалеко от побережья Чукотского моря. Оттуда-то ветер приносит мрачный морской туман, который задерживает стаивание льда на озере и снега на склонах гор. Вечером хорошо видно, как на восточном конце озера появляется клубящаяся масса, которая не торопясь плывет к нам.

Неподалеку от устья ближней речки есть каньон, выходящий в ее долину. Зажатый скалами, в каньоне кипит ручей, вылетая из снежного забоя в верховьях. На скалах много цветущих растений и, к великому удовлетворению, обнаружился змееголовник, который мы видели только в Баранихе и Певеке, то есть на Западной Чукотке. Над скалами каньона открывается замечательное зрелище.

Вчера на ручье Пенистом нашлось настоящее дерево ивы аляскинской высотой четыре метра. Древовидную форму принимает также ива колымская такой же высоты, произрастающая среди ольхи на галечниках ручьев, стекающих по шлейфам гор. Эти факты говорят о более континентальном климате.

Мы поднялись по Пенистому и увидели каскадный ручей, по которому решили перевалить в уже знакомый нам каньон, заключив, что должен быть перевал, раз есть ручей, текущий в противоположном направлении ручью в каньоне.

Этот ручей имел целую серию небольших водопадов, окружен-

ных скалками и снежниками. Кусты здесь еще не начали зеленеть.

В скалах крупный паук-крестовик сплел ловчую сеть и поджидал жертву на краю. Я поймал муху и бросил в сеть. Муха забилась, сеть затрепетала, паук быстро примчался и, окутав муху несколькими витками паутины — закрепив ее, чтобы не брыкалась, принялся ее сосать. Было заметно, какой он голодный.

На высоте 200—250 метров начались большие снежники. Скоро ручей исчез под ними. На склонах по мере подъема стали попадаться целые поля мокрого рыхлого снега. Ничего хорошего тут не росло, а в снег приходилось проваливаться по пояс. Мы лезли и лезли вверх, а на перевал не попадали.

Уже близ вершин распадок раздвоился, и мы с Глобусом разошлись. Я пошел по более восточному. Близ вершины снега лежали огромными полями. Долина была забита. Пересекая ее, я вдруг почувствовал, как заваливаюсь в пустоту под снегом, мгновенно опрокинулся на спину и отполз от какой-то занесенной дыры.

Стояла мертвая тишина, заходящее солнце иногда начинало мутным пятном просвечивать сквозь облака. Мрачные вершины в снежных морщинах производили скорее гнетущее впечатление, чем воодушевляли. Я выбрался на плотно сбитое плато и увидел озеро Экитыки. Следовательно, распадок вел не на перевал, и мы просто влезли на гору. Распадок, по которому отправился Глобус, выходил к вершине и озеру еще дальше от нужного каньона. Пришлось начать спуск. Здесь, на почти 800-метровой высоте, на приозерном краю плато, снега почти не было, обнаружили значительный набор видов, правда обычных, следовательно, обстановка на плато была не критическая. Осмотрев приличный участок, я уселся на снежник и поехал. Но до подножия горы ехать не пришлось: снег был рыхлый и мокрый, из него то и дело выглядывали камни, оседлать которые вовсе не хотелось. Промочив одежду, я плюнул и пошел пешком. Скоро увидел Глобуса, который поджидал меня, приметив на снежнике.

В верхних частях, а нередко и до подножия, южные склоны крупнокаменисты, и на них мало что растет. Но на щебенистых участках разных склонов местами попадаются заросли необыкновенно крупного багульника.

На моховых коврах шлейфов обильна жирянка, и, к моему восторгу, дважды попалась клюква. Ее ничтожные плети совершенно незаметны, и оба раза я подцепил их заодно с чем-нибудь другим.

Сегодня прилетел вертолет с рыбаками, и Глобус отправился в Эгвекинот, чтобы встретить начальника отряда, в котором мы числимся, взять у него карты, высотомер, спирт и нашу спутницу, которая произвела на меня при знакомстве в Ленинграде весьма унылое впечатление.

Проводив Глобуса, я отправился на западный конец озера. Среди каменных развалов между стеной гор и озером есть западины и воронки от исчезнувших маленьких озер. В западинах располагаются бугристо-мочажинные болота, в одном из которых находится гнездо белолобой казарки. На гусыню я чуть было не наступил, она перепугала меня до чертиков, едва не сшибив с головы берет. Гнездо несколько походит на гагачье. Гусыня выщипала из своей груди перья и заботливо выстлала лоток. Но перья, конечно, не такие мягкие, как у гаги. В гнезде лежало три белых, с оливковым оттенком посередине, яйца.

В этих же болотцах заметил три гнезда лапландского подорожника. Все они словно вылиты из одной формы и располагаются под прикрытием кустика; лоток без подстилки. Во всех гнездах было по пять бурых яиц. Самка выскакивала буквально из-под ног, демаскируя гнездо, и перепархивала с тревожным «фь-итьфь-ить». У самки на светлой грудке есть охристый нагрудничек. Самцы ни разу не появились.

Пуночки видны и слышны довольно часто. Вчера на перевале среди унылых заснеженных вершин я видел перепархивающую пуночку и слышал ее приятную короткую песенку, звучавшую как вызов немой громаде камня.

Видны белые и желтые трясогузки. На одном каменном бугре раздался звонкий, необыкновенно чистый звук — это на камне сидел рюм — полярный жаворонок.

В прирусловых кустарниках видел дроздов Науманна. Они ужасно беспокоились. Очевидно, я попал на их гнездовой участок.

Лед на озере совсем позеленел и, видимо, скоро сломается.

Тем не менее еще сегодня толпа рыбаков спокойно разгуливала по нему. Близ берегов вскрылись обширные участки. На малом озере льда совсем мало. Там на льду сидел некий мартын, по словам повара, с одной косицей на хвосте. Потом он рылся в отбросах кухни, а испугавшись, перелетел на середину озерка и принялся полоскать клюв. Вокруг шеи у него, как у галки, серый ошейник, сам весь черный и довольно неуклюжий. Если бы у него была белая грудь, то это был бы короткохвостый поморник, но поскольку у «мартына» она черная, я остался в неведении относительно его научного названия.

В заберегах плавает множество серо-белых уток, по-видимому, чернеть. Один чирок, распластав крылья по льду, лежал на брюхе и грелся. По краю льда семенят плиски и купаются в лужицах талой воды.

27 июня. Озеро Экитыки. Вчера стоял удивительно ясный и даже жаркий день.

Поднимаясь по долине, заметил вдали движение и вдруг увидел снежных баранов. Они пробежали немного по склону морены и остановились, глядя на меня. До них было, вероятно, метров 250. Я стоял как вкопанный и смотрел в бинокль. Вскоре бараны начали щипать траву. К одной овце подбежал ягненок и принялся сосать ее. Вожак стоял неподвижно и смотрел на меня неотрывно. Стадо состояло из пяти взрослых и двух ягнят. Когда я решил приблизиться, стадо, словно давно ожидавшее этого момента, грациозно помчалось вверх и скрылось за гребнем. Геологи утверждают, что это не бараны, а козы. Действительно, рожки у вожака были маленькие. Ф. Б. Чернявский — специалист по фауне Севера — упоминает в своей книге «По следам толсторогов» о существовании мнения насчет коз среди непрофессионалов. Он утверждает, что никаких коз на Чукотке нет.

Наконец мне удалось рассмотреть птицу, издающую посвист чечевицы. Каково же было мое удивление, когда она и оказалась чечевицей, кроме того, она здесь не представляет особой редкости, как и дрозды.

На южном склоне я буквально изнывал от жары. Но едва собирался спуститься в каньон, находил новый вид, и поиски про-

должались. Обрушившиеся камни, катясь по склону, развивали страшную скорость и прыгали, как горошины, исчезая в каньоне. Местами здесь густо разрослись березка и багульник, наполняя нагретый воздух ароматом.

За день сильно подтаяло, и мне стоило немалых усилий перебраться через речку. Она напоминала бурлящий котел, сила течения была такова, что невозможно было сделать два шага. По дну, стуча глухо, как в подземелье, катились камни, шум воды глушил все. Стоя в этом потоке и употребляя все силы на сохранение равновесия, теряешь представление об устойчивости. Все начинает плыть, и невольно ощущаешь, что сейчас тебя снесет не столько потому, что ты не в силах устоять, сколько потому, что ты проникся этим паническим кипением.

Сегодня опять была отличная погода, слегка облачная и поэтому не слишком жаркая. Ходил на реку Ягельную, впадающую в реку Экитыки выше. На сухом бугре, возвышавшемся в долине, вдруг нашел березку Миддендорфа. Характерно, что она занимала участок, с которого снег зимой наверняка уносится ветром, а рядом, в понижении, росла обычная березка тощая. Близкое соседство резко подчеркивало различия этих кустовидных березок. У березки Миддендорфа листья ромбические. а у тощей — круглые. Тут мне припомнились слова Э. Хультена, приезжавшего два года назад в Ленинград, что едва ли эти березки хорошо различаются как два вида. В данном случае пример был очень нагляден. При всем уважении к Хультену, согласиться с ним теперь было нельзя.

Теперь исчезли и сомнения по поводу ольхи камчатской, которая уж очень походит на ольху кустарниковую. Стоило спуститься с бугра к речке Ягельной, как в глаза бросились необыкновенно крупные кусты ольхи, до четырех метров высоты, с клейкими сережками — шишечками. Такая же ольха, как помнится по прошлой осени, росла на полуострове Кони и в других окрестностях Магадана. Мне пришло в голову, что местный растительный покров напоминает внешне растительный покров этого полуострова, только пятна растительности образованы другими растениями и все выглядит уменьшенно. Роль кедрового стланика выполняет ба-

гульник, роль березняков из шерстистой березы — ольховики. Здесь точно такие же валунники по берегам речек, тот же высокогорный ландшафт. а роль моря исполняет озеро Экитыки.

С возвышения видна огромная наледь по реке Экитыки. Издали она очень похожа на ледник. чем в сущности и является. Перейти Ягельную оказалось невозможно. Среди зарослей ольхи и ив близ речки обнаружил серые сорокопуты, что также явилось неожиданностью. Самец выскочил на опушку кустарников и долго «обтрескивал» меня, показывая, что неподалеку гнездо.

Уже на обратном пути увидел над ледовым покровом озера стайку городских ласточек. Кругами они с криками носились надо льдом и открытой полоской воды. После того как они встретились в Эгвекиноте, здешнее их появление не кажется необыкновенным, хотя все равно это сенсация.

С теплой погодой все живое зашевелилось. Вылезают греться на камни пищухи, пауки, мухи. Порхают бабочки, местами висят облачка перистоусых комариков. Некоторое время казалось странным, что близ лагеря нет евражек, но затем выяснилось, что их перебили за шкодливость.

На открытой полосе воды показывается странное сооружение. Это сосед Валерий везет на лодке гору плавника для кухни. На малом озерке лед дотаял, и в его зеркале четко, как на контрастной фотографии, видна гора с противоположной стороны озера. Сгущается вечерний холодок, и через час, после того как солнце скрылось за горы, воздух становится стылым. Таково влияние огромного ледяного поля на озере.

30 июня. Озеро Экитыки.

Долина ближней речки весьма круто спускается к озеру. Сверху хорошо видно, что угол ее наклона составляет не меньше 5 градусов. Ивнячки из ивы Крылова поднимаются по долинке на три-четыре километра от озера, становясь все ниже и ниже и наконец исчезая вовсе. В верховьях еще очень много снежников у подножий склонов в долину. Все более увеличиваясь, они наконец сливаются в сплошные ленточные снежники, ограничивающие речку. Все горные ручьи, впадающие в речку, текут по каньонам, которые еще круче лезут вверх. В долине нашлось три вида, характер-

ных для приснеговой растительности в более восточных районах, где эти виды очень обычны, как и специфическая приснеговая растительность. Здесь же эти три вида попались впервые, и, несмотря на обилие снежников, не найдено приснеговой растительности. Кроме того, близ этих долинных снежников нет характерного нивального ила, который образуется, если снежник лежит большую часть или все лето. Следовательно, хотя сейчас снежники кажутся крупными, скоро от них ничего не останется. Часто встречается мелкий круглый помет в виде рассыпанного четырехмиллиметрового горошка серо-желтоватого цвета. Судя по количеству горошин, производитель его — пищуха.

Много пищух оказалось в приозерном нагромождении валунов, которое воздвигли движущиеся под напором ветра льдины. Если, услышав рядом птичий крик, замереть, пищуха вылезает из камней в нескольких метрах, но стоит пошевельнуться — исчезает. Это довольно крупный, с крысу, зверек с тупой мордочкой и хомячиным хвостиком. По ключицам у нее два рыжеватых пятна на общем сером фоне. Сидя на камне, сжавшись в комочек, пищуха смотрит словно в бесконечность, затем, дернув мордочкой вверх, вскрикивает и снова замирает, словно слушает, кто отзовется.

Постоянно попадаются гнезда подорожников, все с яйцами. Гнездо белой трясогузки с яйцами было расположено под крупной корягой на устьевом галечнике речки. Каменки устроили гнездо в норе на склоне холма с кустарничковой тундрой. Яйца у них нежного голубого цвета, без крапин. Такие яйца откладывают птицы дуплогнездники и норники. Теперь мне стало понятно, почему каменки интересуются норами евражек: сами они не могут их копать своими насекомоядными клювами.

В основании кустика березки на шлейфе горы нашлось гнездо серого сорокопута с яйцами, свитое из сухой травы и без подстилки. А неподалеку попалось гнездо дрозда со слепыми и голыми двухдневными птенцами. У выскочившего дрозда были белые брови и низ щек, а брюшко серое, крылья темно-серые. У него нет черных тонов в оперении, хотя окраска в целом пестрая. Очевидно, это была самка, следовательно, окраска самца и самки у дроздов Науманна несколько различна.

Куликов в этом районе очень мало, и это понятно, район в общем-то горный. Как-то встретился американский пепельный улит — довольно крупный и стройный серый кулик. Журавлей здесь вовсе нет. Не издают своих жутких воплей гагары, хотя они здесь имеются. Иногда пролетают гуси и утки. На каждом конусе выноса попадается куропач, который подпускает метра на три, постепенно отходя и вытягивая шею.

Лед на озере разделился на огромные поля, дрейфующие при ветерке и залезающие краем на берег. Озеро вышло из берегов, затопив все низинные участки. Из воды торчат высокие кусты ив, а низкая ива чукотская в цветущем состоянии ушла под воду целиком.

В солнечные безветренные дни ходить очень приятно, особенно по каменистым холмам вдоль озера. Зелени становится все больше. Зацвело много растений. Но что странно: когда мы уезжали из Эгвекинота, там массово цвела сибирская ветреница, здесь ее нет. Не оказалось и других очень заметных и очень обычных восточнее растений.

Начинает цвести багульник, распространяя приятный аромат. Встречались бабочки, похожие на репниц, с четким рисунком черных жилок на светло-желтых крыльях. Реже можно видеть темно-коричневых и мелких почти черных бабочек. Комаров типулид не замечено, и пока мало кулексов-кусак, то есть лето еще здесь не наступило.

3 июля. Телекайская роща. Последние дни прошли в ожидании вертолета и осмотре ближних склонов. Выяснилось, что на высоте около 200 метров все южные склоны весьма богаты мелкоземом и соответственно видами растений.

Вертолет прилетел позавчера. Появились начальник партии Женя Бордюгов и Глобус. Последний привез известие, что наш третий, вернее, третья, не появится, по неясным причинам. Вечером состоялась вечеринка, после которой начальник партии потащил меня собирать гербарий для школы: «Знаем мы вас, как осенью соберете!»

Перед нами стала проблема возвращения из рощи, так как снять нас в нужное время геологи не могут, а заказывать рейс те-

перь поздно и нет гарантии, что он будет выполнен, так как с вертолетами в этом году туго. Бордюгов распорядился отдать нам лучшую десантную лодку для сплава до Амгуэмы и трассы.

— Плавали когда-нибудь на такой посудине? — спросил он.

— Научимся по ходу дела,— ответили мы со рвением.

Бордюгов взял нашу карту и склонился над ней.

— Вот до этого места,— он поставил на карте крестик,— вы должны уже хорошо править лодкой, иначе пеняйте на себя. Вот здесь,— он заштриховал участок,— разгружайтесь и все барахло с лодкой перетаскивайте метров триста по берегу. Мы на этом месте прорвали в лодке две секции, а в вашей лодке секций нет, перегородки оторвались, если проткнетесь — будете пузыри пускать.

Вчера полдня прошли в тревожном ожидании. Наконец вертолет появился, и вскоре мы увидели западный конец озера сверху. Потом потянулись гряды высоких гор. Кажется, что хребет Искатень в сравнении с ними — младенец. Вертолет все время шел по долинам, на середине высоты гор, хотя иногда долины резко сужались. В трех местах вертолет садился на речные галечники, и мы выкатывали из него железную бочку-лабаз, набитую продуктами и нужными вещами. С таким лабазом медведю не справиться. Крышка примотана проволокой с палец толщиной. И вот... курс на Телекай.

Словно оазис среди серых осыпей и буро-зеленых шлейфов показалась чозениевая роща. Вертолет сел на ровную щебенистую площадку шлейфо-террасы, и все, разумеется, отправились в рощу, и всем было как-то очень приятно видеть большие деревья, лес, столь непривычный для здешних ландшафтов.

Геологи не зря говорили о роще с чувством восхищения. В солнечную погоду в ней испытываешь ощущение такое же, как в сосновом бору. Так же светло из-за разреженности древостоя, такой же лишайниковый покров с лепешками-куртинами шикши и других кустарничков. Воздух чистый, горный; он совсем не такой, как в других местах. Потом мы махали уходящему вертолету, круглое окошечко которого наполняла физиономия Валерия. Я испытывал совершенно безграничную признательность геологам партии Е. Бордюгова.

Мы поставили палатку между двух чозений на берегу Левого Телекая, который теперь беспрерывно шумит вблизи, а ночью нагоняет вереницы снов. Вечером на берег сел, громко прокричав, кулик-чернозобик. Я снял с него шкурку, так как имею намерение изучить авифауну этого островка леса.

Сегодня сделали первую экскурсию по роще и немного выше по реке. Если, улетая с Экитыки, мы могли сказать, что там начинается лето, то здесь, в полусотне километров северо-западнее, лето уже давно началось, многие растения уже заканчивают цветение. Роща располагается на обширном галечниковом пространстве и резко обрывается у второй надпойменной террасы, возвышающейся на 60—70 сантиметров. Ни одна чозения на второй террасе не растет. Но вдоль реки роща заканчивается нерезко. Выше по долинке там и сям видны отдельные деревья, но, так как долинка повышается довольно круто, деревья быстро сходят на нет. Вниз по речке роща также сильно разреживается, а равным образом и при удалении от речки. Лишь посередине рощи имеются участки со значительно сомкнутыми кронами и нежным напочвенным покровом из мятлика урсульского. Один из уголков рощи удивительно напоминает «Березовую рощу» Куинджи. Левый Телекай течет посередине рощи и местами подмывает террасу. Довольно много деревьев рухнуло в реку. Некоторые готовы рухнуть. Многочисленные протоки с водой и без воды прорезают галечники рощи. Местами, особенно близ основной речки, густо разрослись кустарники ивы и смородины печальной. Много сушняка.

Чозения — это дальневосточная древесная порода из семейства ивовых. В старой литературе она называлась ивой кореянкой. Это стройное красивое дерево с узкими листьями и шелушащейся корой. У старых деревьев кора отстает крупными кусками и ствол мохнатый. Молодые побеги уже в этом году вымахали по полметра. Они покрыты восковым налетом, который легко стирается пальцами. Местные чозении сравнительно невысоки — 12—15 метров, много деревьев шириной в обхват.

Сразу нашлось и несколько новых, по сравнению с Экитыки, видов: овсец даурский, остролодочник Миддендорфа, прострел даур-

ский, мятлик урсульский... Близ реки располагаются приятные лужайки с обилием алтайской овсяницы и мясокрасной грушанки. По направлению от реки они сменяются галечными пустошами с лепешками шикши и дриады, а также обширными округлыми куртинами менее полуметровой высоты ивы скальной, которая, несмотря на свое название, на скалах не обитает.

За рощей в долину спускался шлейф горы, представляющий моренный плащ. Его склон в долину не мог покрыться растительностью, потому постоянно то один, то другой валуны, подмытые вешними водами, устремлялись вниз и увлекали за собой другие валуны и песок, заполняющий пустоты. Через реку проходила гряда камней, образуя хороший порог.

Мы перебрались на другой берег и поднялись на шлейф, приметив впереди две человеческие фигуры. Скоро к нам приблизились молодые пастухи. Вдали виднелось разбредшееся стадо оленей. Мы посидели за перекуром с пастухами, узнав, что их яранги стоят в двадцати километрах ниже по реке.

...Мы сделали круг по болотистой тундре и убедились, что речка, обозначенная на карте притоком Левого Телекая, теперь круто изменила свой путь и течет в Правый Телекай. Но ее старое высохшее русло сохранилось. Карта составлена не более тридцати лет назад, значит, за это время речка и «увильнула» с привычного пути.

Переход обратно на левый берег не обошелся без купания. За день Левый Телекай сильно обводнился из-за таяния снега в горах. Это место окружено высокими горами со всех сторон. Только на Северо-Востоке, где течет общий Телекай, после слияния Левого и Правого Телекаев, вблизи гор не видно, но дальше, судя по карте, располагается мощный Чантальский хребет. К югу от нас видны Туманные горы. Со своими снежными полушапками они выглядят очень эффектно.

7 июля. Телекайская роща. Мы уже обжились здесь. Все было прекрасно, если бы не комары. С утра и до позднего вечера туча их вьется вокруг, через каждые полчаса приходится мазаться диметилфталатом. Комары начинают свою кровососную деятельность в четыре утра, поэтому с вечера приходится готовить пузырек с отравой. Глобус страдает необыкновенно. Иногда утром не нахожу

его в палатке. Ночью он перебрался на галечник в надежде. что там комаров меньше. Не выспавшись, Глобус спотыкается днем и засыпает где-нибудь под кустом.

Погода стоит великолепная, не слишком жаркая и не холодная, без дождей. Иногда заметно, что с севера подошли тучи, но застряли в вершинах гор. Облака с востока странным образом обходят межгорную котловину с рощей. По-видимому, в котловине создается локальный антициклон — область высокого атмосферного давления. За день южные склоны гор, круто спадающие в котловину, хорошо прогреваются, и вечером, когда сгущается холодок, вдруг попадаешь в теплую струю, размеры и направление которой легко определить, входя и выходя из нее. Подобные струи излучаются прогретыми склонами, и котловина буквально наполнена ими. Это явление мы отмечали еще в прошлом году в Эгвекиноте. Здесь оно выражено резче.

Несмотря на несколько хороших маршрутов, флористический список еще невелик и только приближается к экитыкскому (200 видов). Здесь также отмечается засилие березки и багульника на множестве благоприятных местообитаний.

Березняк, указанный нам Валерием, мы посетили на второй же день. Самые высокие деревья достигали здесь 4,5 метра. Деревца были корявые, извилистые. Береза Каяндера росла под деревьями и в виде кустарника. В самом березнячке не было больше ничего примечательного, но сразу над ним на щебенистом участке вдруг обнаружили степные растения, мелких черных муравьев и сереньких цикадок, наполняющих тишину своим трескливым пением. Этот участок — на южном склоне и потому хорошо прогревается. Мы тоже изрядно прогрелись. Глобус разделял мою радость, поскольку выспался. Вскоре, однако, он приметил на озерах вдали уток и помчался туда.

Отдельные деревца берез виднелись далеко по склону, а под самим склоном чернело озерко с огромным количеством цветущей калужницы. До рощи было километра два, но среди тундрового пространства она была слабо заметна. По подножию склона я отправился вслед за Глобусом, который уже начал вдалеке пальбу. Со склона из зарослей кустарниковых берез донесся посвист чече-

вицы. Так! Здесь она тоже водится. Впрочем, если уже чечевица живет на озере Экитыки, то почему бы ей не быть и здесь, где еще более континентальная обстановка.

Озера оказались перегороженными моренными валами. И тут на южном склончике нашлась отличная каменисто-степная компания растений, которую венчали уже поблекшие колокольчики сон-травы или прострела, второго вида этого рода в данном районе. Тут же масса ленского типчака, а по соседству целая заросль вейника багрянистого. Однако и ветерок же тут! Он дует с верховьев Правого Телекая, а ведь всего в нескольких сотнях метров воздух недвижим. Просто это место находится на пути воздушного тока из верховьев Правого Телекая вдоль по общему Телекаю. На Левый Телекай ветер не сворачивает.

Над валом со свистом проносится сноп дроби, и, высунувшись, я машу Глобусу кулаком. Через несколько минут, запыхавшись, он появляется на валу и спрашивает, как я тут оказался. Я в свою очередь осведомляюсь, что будет на ужин. Опять тушенка. Тогда я наказываю ему копать степные растения для гербария. Глобус послушно выкапывает проломник северный с зонтиком веточек и подзывает меня послушать, как в этих веточках свистит ветер. Действительно, как в телеграфных проводах.

Описывая участок, я нахожу сон-траву и других степняков в соседних зарослях багульника. Напрашивается вывод, что каменисто-степной участок терпит притеснение багульника. Пройдет еще с десяток лет, и он заполнит весь этот склончик, вытеснив степные растения, которым сейчас не место на Чукотке.

Весьма характерно, что наличие в этом районе лесного типа растительности ассоциируется с каменисто-степной растительностью.

Здесь найдены и типично таежные травы, например, ладьян из орхидных, который не вырабатывает собственных органических веществ из неорганических, а получает их из полуразложившихся растительных остатков. При таком способе питания ладьяну не требуется хлорофилл. Однако найти паразита бошнякию не удается, хотя ольхи кругом полно, впрочем, известны многочисленные случаи, когда паразит отстает от своего хозяина.

Сегодня совершили славный маршрут по Правому Телекаю. На этой реке, которая значительно крупнее своего левого собрата, чозения не растет, нет на ней и необходимых для того обширных галечников. Кроме того, эта долина — важная труба для ветров. Благодаря им на Правом Телекае лежат несколько крупных наледей.

День был жаркий, и мы с удовольствием выкупались в пойменном озерке глубиной по пояс. Со дна поднялась торфяная муть, но нас это ничуть не устрашило.

По соседству тут же в озерке белые цветки лютика Палласа, остальные представители рода лютиков желтые.

Встретилось несколько интересных бугристых проточных болот, богатых разными видами растений. Такие болота находятся на конусе выноса какого-нибудь мелкого распадка, из которого вытекает ручеек, но затем растекается, уходит частично под валуны и превращается в болото. Холмы перед горами образованы моренами. Следы оледенения вырисовываются все более четко.

Когда мы достигаем поворота Правого Телекая, видим на склоне огромную стену, уходящую вверх. Высота над днищем долины около 200 метров. Под нами гулко хлопает наледь — это просаживаются ее подтаявшие участки. Звуки похожи на пушечные выстрелы. Стену образовал когда-то ледник, который спускался по этой долине и, поворачивая вместе с ней, нажал с такой силой, что снес часть склона. Немного дальше стена погребена последующим осыпанием камней сверху. Осыпь тянется от самой наледи на сотни метров вверх, на ней ни одного растения. На другом берегу реки видны так называемые курчавые скалы. В общем-то это не скалы, а просто бугры из коренных пород, обточенные ледником. Курчавые скалы — это характерная волнистая поверхность. Огромные валуны лежат и над стеной. Следовательно, толща льда здесь достигала не меньше 300 метров. Мы не забрались выше, но вполне возможно, что и там нашлись бы валуны. Древесные березы росли и здесь, а еще ранее в выемках между холмами на моренной шлейфо-террасе нашлось еще два березнячка. Так что береза Каяндера в этом районе даже не относится к единичным растениям. На склоне террасы в долину, прямо над наледью, растут густые

кусты ольхи, а на открытых участках располагаются каменисто-степные группировки, в которых — лихнис сибирский и остролодочник кампестрис. В данном районе — это уникумы.

Пока я ползаю по склону, Глобус кипятит чай на террасе. Ему нравится это занятие. Он собирает аккуратный костерок из недымящихся веточек, следит, как закипает вода, и заваривает отменный деготь, вяжущий во рту. Напиток такой консистенции нам по нраву обоим, и есть опасность, что чая нам не хватит на сезон. Однако как приятно, сидя в тесном окружении великолепных гор, пить терпкую жидкость и слушать грохот наледи. Правда, день клонится к закату, а впереди еще десять километров до Левого Телекая. Оранжевые блики падают на противоположный берег долины. На нашей стороне прохладная тень. От наледи на добрый километр вниз по реке тянется полоса соломенного цвета — неожившая еще из-за постоянного воздействия талой водой растительность, в основном осока.

Река делает несколько крупных излучин. В одном месте она когда-то текла по прямой, но затем прорыла новое русло, удлинив свой путь километра на два. На месте старого русла образовались старичные озера. На них царит мир и благодать. Гуси с разлета садятся на воду, содрогая отражение величественных гор. Здесь они держатся стайкой, хотя другие гуси заняты выведением потомства.

Одно гнездо белолобой казарки с яйцами было найдено на галечнике Левого Телекая на второй день после прибытия. Через пару дней это гнездо было снесено вздувшейся рекой. Очевидно, до нашего прилета вода в Телекае не поднималась сильно и гуси не рассчитали этот подъем. Может быть, это гнездо затоптали олени, которые толкались однажды полдня поблизости.

На той же болотной равнине встречен американский бекасовидный веретенник, судя по поведению, на гнездовом участке. Он держался близ крупных болотных луж, тревожно кричал, бегая с бугорка на бугорок, улетал и снова возвращался. Это стройный кулик в целом ярко-ржавого цвета с характерным позывом. В полете он очень изящен. Крылья у него отогнуты назад, как у сокола или стрижа. Здесь же добыли дутыша.

Теперь стало ясно, что роща населена птицами слабо и поэтому молчалива. В ней живут только сорокопуты и дрозды, иногда залетают стайки вечных странниц чечеток. Зато дроздов много. Они поднимают трескотню, стоит приблизиться к гнезду. Их гнезда расположены на разной высоте, я нашел одно на высоте 1,8 метра в развилке чозении с птенцами накануне вылета. Лишь только я качнул дерево, птенцы разлетелись. Они неловко прыгали куда попало, падали, барахтались, но в конце концов благополучно исчезали. Родители, хотя и проявляли бешеный темперамент, все же придерживались солидной дистанции. Гнездо оказалось не просто свитым из травы, но еще и «оштукатуренным» глиной, которая скорее выполняла роль связующего раствора, так как была заметна и снаружи и внутри. Лоток был выложен мягкими травами. К ветвям гнездо тоже было прикреплено глиной.

В эти дни, очевидно, был массовый вылет дроздят из гнезд. Близ палатки как-то вечером долго был слышен чиркающий вскрик слетка, которого мне быстро удалось найти. Это оказался дрозденок. Я протянул к нему руку, он полетел низко над землей не совсем еще уверенно. Вчера заметил дрозда и подошел под самую ветку, на которой он сидел. К моему удивлению, это тоже оказался слеток, но уже достигший размеров взрослой птицы. Лишь короткий хвост выдавал его юность, да то, что он подпустил меня к себе слишком близко. Были заметны детские желтые валики у основания клюва.

Дрозды обретаются не только в роще, но и в ее окрестностях, в кустах ольхи и ивы. У меня складывается впечатление, что в роще гнездятся старые птицы, имеющие больше прав, то есть силы. На всех дроздов рощи не хватает, поскольку каждая семья ревниво оберегает свой участок. С этим согласуется еще одно наблюдение. Дрозды в роще строят гнездо с использованием глины, а молодые дрозды за пределами рощи обходятся одной сухой травой.

Сорокопутов всего одна пара, они устойчиво держатся одного места в роще, выдавая себя всякий раз, когда проходишь мимо, скрежещущими звуками. Наклоняясь вперед, они рассматривают, кто идет. Совершенно ясно, что где-то у них гнездо, но найти его не удается.

На южных склонах гор часто встречаются гнезда сибирского конька. Причем 5 июля в одном гнезде были еще голые слепые птенцы, а в другом слетки, совсем плохо летающие. Скорее всего это мы их вспугнули из гнезда, когда спускались по склону. Коньки строят свои гнезда на участках с остепненной растительностью, то есть на значительно прогреваемых. Издалека такие участки смотрятся совсем голыми, но они покрыты растениями, хотя и не густо. На некоторых подобных участках много шиповника, некоторые сусликовины сплошь заросли им и выглядят как цветущие розарии.

Одна экскурсия у нас была высокогорная. По крупнокаменистому склону мы влезли на высокую нагорную террасу, за которой оказалось узкое несквозное ущелье. На щебенистой седловине, словно капли крови, алели цветки дицентры — разбитого сердца. Нигде внизу она не встречалась. Мы поднялись приблизительно на 600 метров над долиной, но разреженная растительность не исчезла, хотя ничего нового уже не появлялось. Поскольку днище долины Левого Телекая в котловине находится на высоте около 400 метров над уровнем моря, то, значит, и на километровой высоте в этом районе еще многое растет.

Но выше начнется нивальная зона — царство снежников и голых осыпей, камней, облепленных корковыми лишайниками. Сохранению снежников на большой высоте способствуют морские ветры, которые без труда сюда попадают. Но в межгорной котловине с рощей морских ветров не бывает. Там под прикрытием гор формируется собственный климат. Перевал через Искатень расположен на той же высоте, что и котловина с рощей, но обстановка там совсем иная именно благодаря влиянию морских ветров, особенно с Анадырского залива.

Над унылыми склонами разносится тоскливый крик зимняка. А вот и он сам! Там, повыше в скалах, наверное, сидят его угрюмые отпрыски. Но мы идем вниз. Под нами, словно колодец, чернеет озеро, зажатое склонами. Комаров не пугает наше восхождение. Они терпеливо летят следом и ждут, когда кончится действие диметилфталата. Приходится только удивляться их выносливости. Правда, они присаживаются отдохнуть на наши спины и

плечи, но все равно, летят ведь на тощий желудок и, должно быть, смертельно устают.

На седловине мы находим маленькое озерко, которое, вероятно, прогрелось за день, и решаем принять ванну. Вода действительно не ледяная, но под тонким слоем ила лежит вечная мерзлота, и топтаться по ней весьма щекотно. Мы поднимаем тучу брызг, отгоняя нещадных кровопийц.

Затем Глобус варит на костерке из кассиопы чай, пока я описываю ближайшую растительность.

Мы переваливаем ближнюю гору через ее вершину, откуда оглядываем всю котловину разом. Роща видна как зеленая ленточка. От ближней наледи на Правом Телекае почти ничего не осталось. С юго-востока опять плывут белоснежные барашки, огибающие котловину.

Окружающие котловину горы первого ряда невысоки. Только на севере вздымается на 1843 метра гора Дальняя. Ее вершина обычно окружена облаками. Неплохо бы туда забраться, но это будет уже просто спорт, чем сейчас мы не склонны заниматься, под вечер и без того ноги тянут с трудом из-за постоянной жары.

Вечером свежеет, и мы сидим у костерка — здесь мы имеем эту возможность. В минуты досуга мы долбим ствол свежеупавшей чозении, чтобы увезти с собой пенек, из которого затем будет приготовлен срез. Ножовки у нас нет, придется везти увесистый обрубок.

Некоторые деревья упали, сломанные ветром на высоте одного-двух метров от земли. Сердцевина их, как правило, гнилая. Чозения — весьма хрупкое дерево. При попытках влезать на деревья приходится убеждаться, что сучья с руку толщиной не выдерживают мои 60 килограммов и ломаются, как солома. Упавшие деревья могут и не погибнуть, если сохраняется частичная связь с расщепленным пнем. В таких случаях нередко ближняя к слому ветвь начинает усиленно расти, тянуться вверх и заменяет собой поверженный ствол.

По вечерам вершины гор клубятся, словно вулканы. В половине второго ночи восток над горами желтеет зарей и на вершинах появляются блики солнца, которое еще скрыто горами.

11 августа. Телекайская роща. Этот район мы отработали. Завтра к вечеру, когда в реке поднимается вода, мы отчалим.

Сегодня я едва дотащил ноги до палатки, сделав каких-нибудь 12 километров. Сегодня же наконец удалось найти клюкву. Каждый день в каждом болотце мы искали ее, но тщетно. А росла она совсем неподалеку, на сфагновой подушке под прикрытием кустов ольхи на крутом участке шлейфа, даже осыпи, но только старой. Сфагновая подушка была почти горячая на ощупь и прямо-таки дышала влажным банным жаром. Для клюквы тут было, конечно, самое подходящее место. Чувствуется, что флору мы запротоколировали основательно, так как, кроме клюквы, ничего нового не встретилось.

Река кипит в каньоне. По стенам шмыгают пуночки. Там, где каньон оканчивается, уже появляются отдельные деревца чозении. На склонах моренных холмов густо зеленеет ольха. Цвиркают трясогузки и подпускают совсем близко.

Глобус накачал лодку и теперь отдыхает в тенечке. Он спокойно заметил, что лодка прилично спускает, но дырок нет, следовательно, воздух уходит по швам, проклеивать которые нет смысла.

Итак, мы нашли здесь 230 видов. Описали интересные растительные сообщества и составили план-карту их распределения в ландшафте. По сравнению с восточными районами нашли массу новых видов, но еще больше не нашли этих самых восточных видов. Их попросту нет, мы не могли бы их пропустить.

В этом районе особенно хорошо прослеживается распределение птиц по разным условиям обитания. Пуночки живут в скалах на склонах гор и в каньонах. Плиски и лапландские подорожники — на равнинах и в широких долинах с кустарничково-моховой тундрой. С ними нередо встречаются и белые трясогузки, которые более характерны для берегов рек. Ласточки — только в каньоне Левого Телекая. В заболоченной равнине между Телекаями держится пара журавлей, веретенники, дутыши, чернозобики и другие кулики, а кроме того, гнездятся гуси. На озерах — гагары, шилохвосты и другие утки, добыть которых не удалось. В роще живут тундровые куропатки, серые сорокопуты и дрозды Науманна. В скалах высоко в горах держатся зимняки и вороны. На шлейфах гор и кустарни-

ках — чечевицы обыкновенные, а на открытых местах — сибирские коньки. Близ исчезнувшей наледи чуть ниже слияния Телекаев неотрывно торчат два бургомистра. Между тем считается, что это приморские чайки. По долинным кустарникам перепархивают чечетки, которые наименее других птиц привязаны к каким-либо одним условиям обитания. Каменки обычны на нижних участках каменистых склонов и среди моренных валов и бугров. Привязанность таких подвижных существ, как птицы, вызывает просто удивление, но объясняется довольно тривиально. Всякое живое существо нуждается в весьма определенной обстановке для устройства гнезда и для прокорма. Понятно, что гагара не сядет на скалу, а канюк ни за что не полезет в воду. У меня с собой находится великолепная книга С. М. Успенского «Жизнь в высоких широтах (на примере птиц)». Хотя в ней говорится в основном о высокой Арктике, мне она дает очень много для понимания того, что приходится видеть своими глазами.

Однако сорокопутов из двух стало четыре. Все ясно! Элементарное размножение. Из не найденного мной гнезда вылетели два сорокопутика, причем они практически не отличаются от своих родителей. На радостях родители утратили даже свою бдительность, и мне удалось прокрасться к ним и подслушать тихое мелодичное воркование явно любовного содержания.

17 июля. Река Экитыки. Последний день в роще. Для документации застрелил одного сорокопута[1], а дрозда не смог. Те, что вывели уже птенцов, на верный выстрел не подпускали, а в нашего соседа, который и так был обижен судьбой (у него в гнезде было только два птенца — явно вторичная кладка), стрелять было грешно.

Внезапно небо затянулось с запада, и вскоре началась гроза. Дело было уже под вечер, и мы было приуныли. Но гроза быстро пронеслась. Мы начали погрузку. Река рассвирепела и мчала воду цвета кофе с молоком. Нас устраивал разлив, так как мелководные

---

[1] Впоследствии выяснилось, что под выстрел попал молодой сорокопут, то есть вывившийся в этом году, но сам я это не распознал, настолько он походил на взрослую птицу. Следовательно, птенцы слишком долго сидели в гнезде и вылетали с хвостами нормальной длины.

участки нужно было проскочить по большой воде. Скоро в заводи возвышался наш ковчег, на который мы поглядывали без особого доверия. Места для нас самих почти не осталось. Было решено, что я сяду на нос, а Глобус на корму. Ноги обоим нужно свесить в воду.

Мы устроились и — раз!.. выплыли из заводи. Лодку подхватило как щепочку, шарахнуло несколько раз о кусты, потом о берег. В одном месте мы пронеслись почти задев могучую чозению и вылетели на мель. Казалось, что это сердце трется о камни. Мы соскочили и попытались втолкнуть лодку обратно в русло. Какое там! Нас тащило вместе с лодкой. Тогда мы стали приподнимать лодку.

Вода с одинаковой силой устремлялась не только во временные протоки, но и просто по низким берегам. Метров двести мы тащили лодку по дну, зато ее потом так подхватило, что едва успели усесться. В одном месте мы врезались в подмытый склон террасы, и на нас обрушился целый пласт земли. В конце концов мы оказались в общем Телекае и облегченно вздохнули. Роща быстро удалялась.

Причалили у холма, но выяснилось, что путь к нему прегражден озером. Поставили палатку прямо на кочках. С неприязнью обнаружили, что лодка полна воды и из пачки с сухим гербарием, надежно упакованной в полиэтилен, вылили с ведро воды. Гербарные сетки были мокрыми. Отсыревший гербарий уже нельзя восстановить до первоначального вида. У меня даже пропал аппетит, и я забрался в мокрый спальный мешок в состоянии глубокой подавленности.

Яркое солнце утром возвестило, что жизнь продолжается. Глобус принялся сушить газеты, а я отправился в маршрут. Ландшафт здесь уже отличался от окрестностей рощи, и сразу же нашлось несколько новых видов. На холме обнаружилась остепненная растительность с обилием альпийской астры. Рядом на сусликовине цвел розарий. С холма виднелась палатка, окруженная белыми хлопьями газет, лодка в заводи и большое количество пойменных озер. За холмом начиналась кочковатая тундра, уходившая к дальним сопкам. А впереди на севере красовался могучий Чантальский хребет. На его склонах виднелись кусты ольхи и нежно-зеленые пят-

на горной дриадовой тундры. Где-то под хребтом тек невидимый отсюда Чантальвеергын.

Осмотрев террасные холмы, я спустился в пойму, где на озерках, залитых солнцем, резвились утки. Их дружное кряканье разносилось в неподвижном воздухе. Потом, выйдя к реке, я начал обратный путь по пескам и галечникам среди высоких пойменных ивняков.

Характерно вел себя пепельный улит[1], садившийся с громким криком на выдающиеся веточки ив. Он махал крылышками, стараясь удержать равновесие. Было ясно, что этот кулик совершенно не приспособлен к тому, чтобы садиться на ветки, но он все-таки садится. К тому же где-то рядом затаился его пискун, и улит приходит в отчаяние за судьбу своего чада, а через месяц это его совершенно не волнует.

На песчаном пляже торчат мягкие хохлы даурской сон-травы и поникшие колосья даурского овсеца. Тут же покачиваются грузные и пушистые колосья волоснеца, называемого также колосняком. В залитом водой осочнике попадается пузырчатка малая.

Хорошо было бы сходить подальше и попасть на другой берег реки, но силы уже на исходе, и близок вечер. Сколько километров «холостого хода» приходится преодолевать! Однако иного способа полевых флористических исследований не имеется. И не в силу принципиальной невозможности иных способов, а в силу материальных трудностей. Если нет денег, понятное дело, идешь пешком. А как интенсифицирована была бы наша работа при наличии «рюкзачного» вертолета, какой можно увидеть в некоторых фильмах о шпионах, пересекающих государственную границу! О такой технике приходится лишь мечтать.

На следующий день мы долго приближались к Чантальвеергыну, однако заметить его нам так и не удалось. По-видимому, мы прошли по одной из крупных проток, заросших ивняком, и незаметно вошли в него. Река сразу стала очень полноводной. Тихая вода сияла. Вокруг вздымались величественные немые громады гор с ползущей вверх ольхой, которая в виде огромных куч возвышалась и вдоль берега реки.

[1] Американский.

Обогнув ближайшие горы, останавливаемся на чай. Я слазал на ближайший холм. Опять встретилась береза Каяндера, но здесь она росла уже только в виде куста. Было и много других рощинских знакомых, а чай мы пили возле привычного розария на сусликовине. Окологорные холмы, как и прежде, образованы моренами, которые расчленены водными потоками с гор.

Река часто делала петли. Отплыв от места чаепития, мы снова приплыли к нему через два часа, продвинувшись вперед всего метров на триста. Поднялся ветерок, который начал изрядно парусить нас, мешая плыть в нужном направлении. Встретились два лабаза и каркасы палаток работавших здесь когда-то геологов.

Под вечер прибыла вода, и местами мы плыли сквозь большие буруны, вызывавшие некоторую оторопь при приближении к ним. Мощная главная струя тащила нас как свою частицу, и на волнах высотой в метр лодку болтало нещадно. Управление лодкой осуществлялось не всегда успешно, так как координации гребных движений мы не добились. Утром Глобус сообщил мне, что не умеет плавать и из-за горы багажа не видит, как грести. Пришлось успокоить его тем, что плыть в этой воде все равно далеко не придется.

На следующую ночь не ставили палатку, было ясно, что дождь не угрожает. Утром мы увидели, что синяя громада гор уже позади. Там прошел дождик и теперь сияет радуга. Осмотрев пойму и склоны террас, поплыли дальше.

Приближалось место, заштрихованное на карте Бордюговым,— гряда порогов. Встретилась палатка оленеводов с вездеходом, со Шмидта. Мы расспрашивали их о реке. Молодой парень говорил, что все пороги остались позади. Во время чаепития он как будто вспомнил, что пороги есть и впереди, но после того как выпили по две кружки чая, опять заявил, что до самой Амгуэмы порогов больше нет.

Через полчаса пути раздался мощный рев воды. Еще пару километров мы плыли до поворота. Мы причалили и отправились вперед, чтобы взглянуть на пороги с надпойменной террасы.

Пороги действительно устрашали. Из реки торчали выходы коренных пород с ножевидными краями, между которыми были ва-

луны. Однако как раз посередине оставался узкий проход совсем без камней. Правда, дальше был опять поворот и там посередине реки маячил огромный утес. Между этим утесом и грядой порогов было спокойное пространство, на котором можно было сориентироваться.

— Рискнем?— спросил я у Глобуса. Он неопределенно пожал плечами.

— Давай так,— сказал я ему,— ты пойдешь по берегу. а я попробую проскочить.

— Ну нет, тонуть — так вместе,— запротестовал он. тем более что тонуть тут было и негде.

— Тогда не дергайся, держись за веревки, в случае чего выскакивай на левый берег и мчись вниз по течению. Нельзя же нам упустить лодку!

Издалека мы примерились, чтобы попасть в проход, и пролетели, его не задев. Радуги повисли над нами со всех сторон, но рассматривать их было недосуг. Утес обогнули по уже привычным бурунам и вскоре причалили, так как сбоку поднимались манящие скалы.

Глобус, последнее время пребывавший в минорном настроении, теперь выглядел оживленно, словно забрался на Эверест. Он занялся своим любимым делом — приготовлением чая, а я отправился поползать по скалам. Место оказалось интересным, поскольку скалы, по всей вероятности, были образованы породами основного состава. На них нашлась цельнолитая дриада, одноцветковый колокольчик, и другие растения, вполне обычные в более восточных районах, но отсутствующие выше на нашем пути.

За скалами лежал крупный долинный снежник, который, очевидно, накапливался из года в год. Однако характерной нивальной растительности под ним не оказалось. Это был, пожалуй, первый крупный снежник в долине реки на нашем пути, добрую половину которого, порядка 70 километров, мы проделали. Здесь начиналось расширение межгорной долины, сопровождаемое выходами коренных пород по бортам речной долины. На карте Магаданской области здесь начинается зеленый цвет, обозначающий равнинную растительность.

Когда мы покидали этот район, вода заметно прибыла. Днем участков с бурунами на мелководьях было мало, но теперь местами стояла жутковатая кипень. На одном из поворотов нас повлекло к уступу, и, как мы ни пытались отгрести, пришлось «прыгать» с полутораметровой высоты. Я увидел над собой белый гребень, через секунду весь мир словно перевернулся. Какие-то доли секунды царил хаос, который я даже не успел воспринять должным образом, как оказался за волной, которую прошиб. Впереди волны стояли словно изваянные.

Как там Глобус?

— Эй,— крикнул я во всю глотку, чтобы перекричать грохот воды.

— Ага! — послышался с кормы спокойный голос. Затем Глобус сообщил, к моему изумлению, что он сухой. Лодка врезалась носом в стену воды под уступом, а корма сразу оказалась на этой стоячей волне.

Минут через двадцать лязганье моих зубов прекратилось. Сбоку километрах в трех виднелась низкая сопка. Мы разбили лагерь на уступе прямо над очередным порогом. Теперь мы усовершенствовали снаряжение лодки, и подмокали лишь наименее ценные вещи. На дно мы клали канистры с горючим и хозмешок, а также чозениевый обрубок. Затем шли два надувных матраца, на которые складывалось остальное. Венчал эту кучу прибор Эфроса — ящик из-под макарон с двумя примусами, вставленными в жестяные банки из-под конфет. С боков мы натягивали куски полиэтилена так, что концы свешивались в воду. Все это перетягивалось веревками, и вещи оставались сухими. Лодка оказалась великолепной, хотя через полтора часа ее нужно подкачивать. Идет она, правда, тяжело, но это связано, видимо, с тем, что грести приходится постоянно одному и с носа.

С утра я отправился на сопку и, поднявшись по одному склону, опустился по другому, проследив влияние экспозиции. Плоская вершина была утрамбована ветрами и покрыта сильно разреженной растительностью. На склонах опять встретились степняки. Но самое интересное оказалось в долинке ручья, где лишь недавно дотаял снежник. В ней впервые встретились нивальные и луговин-

ные виды, столь обычные восточнее. Их было немного, но они были как бы предвестниками большего. В то же время некоторые редкие в окрестностях рощи виды здесь уже не появляются. Вырисовывается четкая картина ботанического перехода от резко континентального климата межгорной котловины с рощей к субконтинентальному климату нижнего течения Амгуэмы.

Вечером Глобус заявил, что он намерен расстаться со мной, как только мы доплывем до Амгуэмы, вдоль которой идет трасса на Эгвекинот. Как личность я внушаю ему неприязнь, и работать со мной он больше не может. Если человек не может работать с другим в тундре, пытаться наладить контакт бесполезно, особенно, в том случае, если его не интересует работа. Уход Глобуса вызовет одно крайнее затруднение — заброситься куда-либо на вертолете будет сложнее, так как летчики откажутся высаживать одного.

20 июля. Река Амгуэма (район моста). После крупных порогов вдоль реки регулярно появлялись гряды скал, на которых обязательно располагалось гнездо кречета или зимняка. Хищники с тревожными криками кружились над рекой при нашем появлении.

Долина теперь имела постоянную ширину не менее 10 километров и была ограничена низкими горами с мягкими очертаниями. Высокие горы возвышались на заднем плане. Днище долины выстилали, по-видимому, водно-ледниковые отложения, сменившие ледниковые. Водно-ледниковые отложения образовались при стаивании ледников, когда с них текли многочисленные мощные водные потоки. В этих отложениях крупные валуны практически отсутствуют.

Следующая остановка — район слияния Чанталя и Экитыки. Дальше река называется Экитыки, то есть Чанталь рассматривается как ее приток, хотя следовало бы рассматривать Экитыки как приток Чанталя. Горы отступают здесь от реки дальше, чем обычно. В долинах появляется настоящая нивальная растительность. Кажется, мы нащупываем природный рубеж, который разделяет континентальную и берингийскую Чукотку. Сюда свободно поступают и континентальные и морские воздушные массы, и погода находится в зависимости от направления ветра. Если с запада, то здесь солнечно и жарко, если с востока, то туманно и прохлад-

но. Пока мы тут стояли, день и две ночи дуло с запада, и основательно. Когда я вернулся с маршрута, палатка стояла криво. Оказывается, напором ветра сломало чозениевый кол.

Серьезных перекатов больше не было. Река стала очень широкой, со множеством проток. Ветром нас постоянно прижимало к одному берегу, приходилось плыть по мелким протокам, часто слезать с лодки, чтобы тащить ее по мелководью.

Уже давно перед нами маячит гора Паратка, где мы были с Эфросом год назад. Эта гора расположена уже на другом берегу Амгуэмы. Под ней проходит трасса.

И вот наконец мы видим облако пыли, поднятое угольщиком. На левом берегу на высокой террасе — белые купола яранг. Вскоре мы разбиваем последний лагерь на Экитыки-Чантале. Как и всегда, мы выбираем такое место, чтобы в кратчайший срок осмотреть возможно больше разных местообитаний. По привычке я говорю мы, но Глобус отошел от всяких забот. Как только причалили, он сбегал на ближайший холм и долго смотрел на трассу, как осужденный смотрит на волю из тюремного окна. Остановку он расценивает, как акцию против его желания скорее смотаться. Но подняться сюда вновь по реке нет никакой возможности, а район чрезвычайно важен в стратегическом плане изучения растительного покрова. Я растолковываю это Глобусу, и он угрюмо соглашается.

Интересные явления в растительном покрове начали обнаруживаться сразу. Место для лагеря выбрано удачно. На высоких буграх в непосредственной близости располагаются крупные снежники и остепненные тундры. Попадается ряд видов, встречаемых впервые на нашем пути. По слегка увалистой предгорной равнине тянутся болота с разбросанными на них останцовыми буграми. На буграх обнаруживаю уже типичные восточные горные тундры. На пологих шлейфах много полигоальных тундр, представляющих собой сеть ложбин, заполненных растительностью, и голых щебенистых полигонов.

На следующий день ходил на ближайшую гору. Пока тянулись болота, было неинтересно — стояла жара и донимали комары. У подножия горы появилось синее озеро, окруженное приятной зеленью луговин. Близ берега спугнул сибирского конька, который

полетел прямо в озеро. Далеко он улететь не смог и плюхнулся в воду в нескольких метрах от берега. Я бросился его спасать, но он прекрасно обходился и без моей помощи и, вибрируя крылышками, плыл к берегу. Когда он не работал крыльями, а распластав их, лежал, голова его находилась над водой. Утонуть он не мог, но мог остыть и от этого умереть. Он устал и испугался, поэтому спокойно сидел у меня на руке и даже не тронулся с места, когда я посадил его на теплый бугорок.

На противоположном берегу виднелась заросль курильского чая. В ней оказалась колония евражек. Другие зверьки этого племени имеют жилища, украшенные таволгой, а некоторые просто густой травой.

Как-то я видел поморника, преследующего кречета. Кречет, хоть и относится к соколиным, — летун неважный. Его полет — трепещущий, больше похожий на сорочий, чем на соколиный. Поморник же в воздухе — само изящество. В этом районе их очень много на равнине. Часто они пролетают над головой и, свесив голову вниз, разглядывают идущего человека. Слышна песня овсянки крошки. На равнине много также тулесов, которые появились посередине нашего пути почти одновременно с исчезновением дроздов. Сейчас тулесы поют, сидя на камнях или бугорках среди тундры. Их песня весьма приятна, хотя и однообразна. Разные птицы кричат позыв «пик-ли-ик, пик-лиик, т-ю-ю» несколько поразному.

Поздно вечером мы отчалили и плыли до Амгуэмы два с половиной часа, дважды осматривали галечники. В серых сумерках мы влились в Амгуэму и начали усиленно грести к противоположному берегу, так как Глобус решил ехать в Эгвекинот безотлагательно. У него нет даже желания доплыть еще десять километров до места и помочь мне обосноваться. У нас не было критических обстоятельств, как, скажем, у Ф. Нансена и П. Иогансена в пешем походе по высокой Арктике или в экспедициях К. Расмуссена и Р. Амундсена. Была нормальная обстановка полевой жизни без злоключений и, однако, даже в таких условиях развилась неприязнь друг к другу. Причина ее не в психологической несовместимости, а в различном понимании и восприятии как задач работы, так и мишу-

ры быта. Нельзя брать в экспедицию, где каждый день на счету, туристов, привыкших осязать природу как красивую картинку и не пытающихся слиться с ней, сколь это возможно для человека.

Без Глобуса лодка стала удивительно послушной. Отложив весло, я тихо дрейфовал по спокойной реке, и вскоре показался мост. Немного не доплыв до него, причалил и под высокой террасой поставил палатку. Скоро, наверное, утро. Часы встали прошлой ночью.

Едва поставил палатку, как по ней забарабанил дождь. Сегодня низкая серая облачность возвестила, что я прибыл на берингийскую Чукотку.

По мосту медленно ползут тяжелые машины, и он жалобно скрипит. Изредка вскрикивает трясогузка. Днем на палатку прыгал сосед евражка, а каменка заглядывала в палатку. День ушел на переборку гербария и выборку сухих растений. Готов целый баульный мешок. Под вечер прогулялся по террасе и холмам, встретив остепненную растительность с обилием цветущего тимьяна и незнакомой полыни[1].

Завтра еду в Эгвекинот.

26 июля. Поселок 87-й километр. Поездка в Эгвекинот заняла два дня. Я вернул лодку, уложил гербарий в подвал геологов. На почте получил солидный денежный перевод из Ботанического института на двоих помощников (!) и несолидный из Института биологических проблем Севера — на себя. Теперь на вертолет у меня было 2200 рублей — все мелкой купюрой, от которой у меня раздулись все карманы, несколько пачек пришлось сунуть в сапоги.

На следующий день я вернулся на Амгуэму к мосту. Вечером в гости пришла делегация студентов-стройотрядовцев с другого берега, где стоит поселок. Они строят здесь барак, а прибыли из Хабаровска. Совсем юные девчонки прилетели сюда знакомиться с Севером и лопатой. Выглядели они молодцами и завидными невестами. Руки у них были загрубелые и растрескавшиеся, носы облупившиеся. Кружек у меня было только две, и чай пили по очереди.

Два дня я курсировал в окрестностях. Флора оказалась необык-

[1] Полынь пижмолистая.

новенно богатой. За два дня я нашел 240 видов, больше, чем в районе рощи за 10 дней непрерывных маршрутов. Несколько лет назад в этом месте работал с группой Б. А. Юрцев, так что флористический список отсюда имелся, но всегда есть шанс его пополнить[1]. Район поразительный. Здесь запросто сочетались остепненные луговины, например,— континентальный тип растительности, а пивальные — океанический тип. Более того, здесь оказалось несколько континентальных видов, не встреченных на пути по Телекаю — Чантальвеергыну — Экитыки.

Сегодня я собрал мешки и начал подтягивать их к трассе. Через два часа ждал машину. Грузовик с трактором в кузове, взявший меня, ехал именно на 87-й километр, в поселок в двух километрах от трассы. Мне не пришлось, таким образом, совершать пересадку. По дороге шофер пособирал грибов, помог своему коллеге покопаться в моторе. Потом увидели у речного порога КрАЗ, лежавший кверху колесами. Шофер сидел в кабине и покуривал, так как двери заклинило и он не мог выбраться. При разъезде со встречной машиной он слишком приблизился к краю дороги, который пополз вместе с машиной. Восемь тонн угля перевернули наклоненную машину, как спичечный коробок.

— Вот так, теперь в слесаря пойдет,— сочувственно проговорил мой спутник,— да ладно — жив и не изуродован.

На краю поселка стоял ряд уже знакомых палаток гравиметристов и балок-лаборатория. Партию обслуживали два вертолета, постоянно находившиеся тут же. Из-за этой партии мелкие заказчики не могли арендовать вертолет непосредственно в Заливе Креста. В балке собралось полпартии и вертолетчики. Начальник партии Юрий Павлович Сарамонов выслушал меня, не сводя глаз с карты и ковыряясь в бороде.

— Одного не повезем,— заключил вертолетчик.

— У меня есть деньги, я не на дармовщину,— взмолился я, зная, что к неимущим вертолетчики относятся весьма сдержанно.

— По технике безопасности нельзя,— ответствовал тот же вер-

---

[1] Впоследствии выяснилось, что в списке Юрцева не оказалось некоторых интереснейших видов, таких, как овсец Крылова, хохлатка сибирская, береза Каяндера (кустарниковая) и др.

толетчик. Начальник партии продолжал ковыряться в бороде. Скоро про меня забыли, и я снова прилип к Юрию Павловичу.

— Да ладно, что ты волнуешься, свезем, конечно,— просто сказал он, оставив бороду,— завтра будь готов, а пока займи пустую палатку летунов.

27 июля. Истоки реки Гытхытхвэоуваам. Наконец-то сбылась прошлогодняя мечта — попасть в верховья Гытхыт, в район выходов известняков. Всего лишь два часа назад взревела вертушка, и я остался один, озирая окрестности, которые сразу внушили мне удовлетворение. Здесь много низких террас, которые всегда радуют всякими неожиданностями. Рядом большое озеро, к противоположному берегу которого спускается склон, поразивший меня своей крутизной еще на карте. Он похож на слегка наклоненную стену. Из озера вытекает Гытхыт, и едва она вытекает, как в нее уже впадает приток — ручей, на терраске которого я и поставил палатку. Со всех сторон поднимаются невысокие сопки со снежниками. Все сопки темного цвета.

Несмотря на неоднократное указание места высадки, меня выбросили не там, где было нужно,— в соседнем распадке. Теперь сделать ничего нельзя, и, собственно, пока я не слишком разочарован, хотя и не ясно, где искать известняки.

Через час после высадки я уже закончил устройство лагеря и поужинал, придя к выводу, что помощник типа Глобуса, то есть только для хозяйственных забот, не является необходимостью.

1 августа. Река Гытхытхвэоуваам. Очертания гор стали уже родными. В первый день отправился вверх по долине ручья и вскоре был захвачен находками. Это совсем не то, что было до сих пор на левобережье Амгуэмы. Нашел такие виды, как зиббальдия и клэйтония клубненосная, не виденные с позапрошлого года на востоке Чукотского полуострова. Выше по долине царство красочных луговин, напоминающих альпийские луга, правда, в основном в желтой гамме: мак Макоуна, крестовник Чьельманна, огромный лютик Турнера. В желтую испещренность были вкраплены голубые кисти незабудки азиатской и белые корзинки мелколепестника, носящего имя академика В. Л. Комарова. Однако под сочным и довольно высоким травостоем постоянно обнаруживалась полярная

ивка, плотно прижатая к земле. Даже под сенью трав эта ивка не могла вырасти до сколь-либо значительных размеров: куст ее можно затолкать в спичечный коробок.

Горы кажутся низкими еще более, чем есть, из-за того, что долинка довольно круто поднимается вверх. К ручью спадают обширные шлейфы, которые прорезаны долинками еще нескольких ручьев. Где-то тут должны быть известняки, и в каждом ручейке я измерял кислотность воды. В одном из них она оказалась равной восьми. Это означало, что ручей течет с карбонатов. Он стекал от низкой округлой сопки с гигантским снежником на склоне в выемке. Растительность также стала кальцефильной. Я пришел к каменистому склону сопки и полез на него. Скоро с помощью соляной кислоты удалось обнаружить, что в породах действительно имеются карбонаты; кое-где происходит вскипание, хотя эти вкрапления и не похожи на известняк. Преобладали здесь какие-то в лучшем случае основные породы, среди них было много обломков кварца.

В первый день удалось зарегистрировать 187 видов, но на следующий день много не прибавилось. Маршрут пролегал в ту долину, в которую меня должны были высадить. Однако некоторые растения, встреченные в этот день, больше не повторяются. Обстановка тут совсем иная по сравнению с предыдущим маршрутом. Вода в ручейках имела низкую кислотность. Луговин, в том числе нивальных, здесь тоже было много, но они не были столь пышными, как в долинке горного ручья, где была явная карбонатность. На южных склонах и внизу и в средних частях по ложбинам еще сохраняются крупные снежники, несмотря на то что эти склоны должны усиленно прогреваться, тем более что перед ними простирается весьма обширная равнина, по которой течет Гытхыт.

По осыпи я поднимался к останцам и боковым зрением уловил какое-то движение. Подняв голову, увидел двух баранов. Они не слишком испугались, а когда я замер, то через некоторое время и вовсе привыкли. До них было метров 30. Потом я начал подходить, щелкая фотоаппаратом. Они стояли как вкопанные и, когда я замешкался, сделали навстречу два-три шага, чтобы лучше рассмотреть меня. Наконец нас разделяло всего лишь десять метров. Оба имели небольшие, почти прямые рожки. Тела их, несколько угло-

ватые, дышали мощью. Казалось, что каждую секунду в этом теле может развиться огромная энергия, уносящая животное по склону вверх. Они совершенно бесхвостые, нет даже «огрызка» хвоста. Окраска палевая, сзади почти белая.

Потом я менял пленку, завернувшись в куртку головой, а когда вылез, пил из термоса чай — вдруг увидел, что бараны еще не ушли, а смотрят на меня из-за выступа. Лишь когда я полез выше, мы разминулись.

Когда я добрался до речки, где собирался высадиться, то весьма обрадовался, что произошла ошибка. Видимо, летчики, увидев эту долину, решили, что будет лучше, если они высадят меня поближе к озеру.

Вода в речке была кислая, не на вкус, конечно. Вдоль почти черного склона лежал огромный снежник. Пойменные луговины были совсем неинтересны. В кустах ив нашлось гнездо чечетки с яйцами.

Ближе по речке располагался бугор, похожий на морену. На склоне бугра встретилось несколько видов амгуэмских каменисто-степных сообществ, но самих этих сообществ здесь уже, видимо, нет. Судя по геологической карте, сюда простираются с севера водно-ледниковые отложения; по-видимому, эти бугры и являются их выражением.

Шлейфы гор большей частью заболочены, так же как и террасы у подножий гор (шлейфо-террасы). На них много каменисто-щебенистых бугров и уступов. На одном как-то сидел поморник и кряхтел, глядя на меня. Когда я повернул к нему, он слетел навстречу и пролетел в нескольких метрах над головой, как это они часто делают. Никакого гнезда не оказалось, поморник просто сидел, отдыхал.

На следующий день погода испортилась. Вскоре пришлось надеть на себя полиэтиленовый мешок и снять очки, так как их постоянно забивало моросью. Теперь я поднимался по другому ручью на низкий водораздел с рекой Янраайкооль. И вот... на самом водоразделе увидел каменный развал с уступами серого цвета со слоистыми выветренными породами. Известняки? Точно! Солянка бурно закипела. Это были уже не вкрапления, а массив, то, что я

искал. Однако что-либо из ряда вон выходящее здесь не росло. Тех растений, которые произвели на нас неизгладимое впечатление на востоке Чукотского полуострова, попросту нет. Что ж, это тоже результат. Но в целом растительность, конечно, кальцефильная. Целые ковры дриады цельнолистной и ивки круглолистной покрывали выходы известняков. Было много и других любителей извести в почве, но все они росли и в местах, где извести нет. Здесь им только лучше жилось. Однако есть виды, которые без извести вообще не могут обходиться.

Чуть поодаль возвышался живописный уступ, к которому я также сходил. Потом направился на каменистые россыпи розового цвета и выяснил, что это известковистые песчаники. На них-то и нашелся первый постоянный обитатель известняков — осока ледяная.

В этот день было встречено особенно много пышных луговин, которые я не мог увидеть накануне и которые даже теперь, в слякотную погоду, производили отрадное впечатление своей красочностью.

Дождик не перестал к вечеру. Всю ночь он однообразно стучал по палатке, а утром снова над самой землей ползли клочья висячей воды. Я решил идти вдоль озера по склонам ближней стороны. Противоположный стеновидный склон смотрелся в лоб как неприступная крепость. Сейчас по нему ползать опасно, подождем, пока высохнут камни.

Сегодня вновь ходил к известнякам, поскольку погода наладилась. Долго ползал по известняковому развалу, ничего нового по сравнению с предыдущим осмотром не обнаружил.

Зато стало ясно, что известняки все-таки не чистые. Слоистость выступов как раз вызвана более скорым разрушением известняковых прослоек в иной, некарбонатной породе. Еще раз осмотрел уступ, выдающийся, словно зуб великана, и полез на вершину соседней горы, в склоне которой косо лежал пласт известняка. Оттуда открылся великолепный вид на густо-синий хребет Искатень, до него было, вероятно, 50 километров. С вершины хорошо были видны места, где я работал вчера, придя туда другим путем. Щелевидная долина разделяла две горы. Ручей в ней тек уже на

восток, в другую систему. В долину обрывались уступы водораздела. Спуск в эту долину был весьма головокружительный. В отдельных глыбах то и дело происходило вскипание солянки. Низкая водораздельная сопка также оказалась в значительной мере карбонатной, но и здесь известняки были нечистые. Ясно, что все они претерпели еще в недрах земли значительный метаморфоз, на водоразделе они совсем недавно обнажились. Очевидно, за счет поднятия участка земной коры. Здесь наиболее крупные площади известняков приходятся как раз на водораздельное поднятие — прогиб. Многие участки выходов известняков имеют глыбовый характер. Во время формирования этого прогиба поверхностные слои естественно разрушились и сносились, и, наконец, показались известняки, ранее залегавшие глубже. При выпячивании они раскололись на отдельности, которые теперь залегают поверхностно. Если это представление, которое возникло в общем-то при попытке осмыслить видимое, верно, то тогда понятно, почему здесь нет известьлюбивых растений с востока полуострова. Когда они могли сюда переселиться и обосноваться, здесь еще не было обширных выходов известняков, а незначительных выходов было мало по площади. Известно, что для произрастания в районе какого-либо растения, нужно, чтобы здесь был некий пространственный потенциал для него с необходимыми для существования условиями. Если площади с подходящими условиями мало, то растение не сможет здесь расти, как не сможет жить человек на острове площадью в один квадратный метр.

На обратном пути приметил впереди темное пятно, которого раньше не было. Глянул в бинокль... ага, медведь. Он меня не видел, и я сел тут же на шлейфе и принялся за ним наблюдать. Медведь перешел ручей, сделал пару кувырков через голову и направился прямо ко мне. Я начал осматриваться и думать, в какую сторону дать деру. Сзади и сбоку шел протяжный шлейф. Соревнование в беге по нему вряд ли окажется для меня выигрышным. Выход один — подаваться в гору метрах в пятидесяти за ручьем.

Зверь не торопясь шел, ковыряясь на ходу в траве. Это был матерый берингийский медведь целиком палевого цвета. Огромный, с длинной спутанной шерстью, откормленный. Все в нем колыха-

лось, а загривок, как у племенного быка. Метрах в семидесяти он свернул к ручью, поднялся по нему и разлегся на бугре, отрезав меня от горы. На бугре росла клэйдония клубненосная, оправдывающая свое название. У нее имеются клубни, вполне съедобные. Их-то и выковыривал медведь. Тут мне пришла мысль, что это растение, вероятно, оттого и редко, что его усиленно уничтожают медведи. Мой сосед выковыривал корешки, несколько раз поднимал голову и нюхал воздух, но ветер был от него. Морда его огромная, но выражение заплывших глаз казалось добродушным. Я смотрел в бинокль с сорока шагов и видел его, словно мы были нос к носу.

Я решил снять его камерой, для чего полез в сумку. Тут он сильно вздрогнул, а я встал на ноги и спросил: «Ну так что?»

На какую-то секунду зверь остолбенел, увидев перед собой человека, словно из-под земли выросшего. Затем он всхрапел и махнул через ручей. Он мчался вверх по склону горы так, что мне стало смешно представить, как бы я удирал, вздумай он свернуть мне шею. Временами медведь останавливался и, повернувшись боком, секунду смотрел на меня. Потом снова всхрапывал и мчался выше. Теперь обстановка была ясна, и я подбавлял медведю прыти, крича: «Держи его, черта косолапого, улю-лю-лю-лю, ату его». Через пару минут зверь был уже на середине склона горы и, хрипя, смотрел оттуда на меня, как на изверга.

Поскольку он шел со стороны палатки, я не на шутку встревожился. Что, если он там наделал дел? Я представил, как 2200 рублей, порхая, как снежинки, усыпают берег озера, и прикидывал уже, сколько времени понадобится, чтобы погасить столь чудовищный для меня долг (деньги-то подотчетные). Но через полчаса бодрого марша я увидел вдали невредимую палатку, начал собирать грибы и к подходу набрал на жаркое, дернув на галечнике пук лука для приправы.

Вечером, заложив собранные растения в папки, я вышел из палатки осмотреть окрестности. Было около одиннадцати часов, спускались легкие сумерки. В пятнадцати метрах от палатки увидел зайца, который подпрыгал поближе и спокойно щипал траву. Поодаль мелькнуло еще два. Из палатки доносились звуки прием-

ника, но зайцы не обращали на них внимания. К ближнему я подошел осторожно на три метра, выпуская клубы дыма. Он продолжал щипать траву, косясь на меня, когда я заговаривал с ним. Потом он поднялся и грациозно отскакал к своим собратьям. Зайцы небольшие, видимо, молодые. Наверное, они постоянно живут в кустах по соседству с палаткой и привыкли к ней, да и меня, не раз увидев, принимают как нечто обычное. Судя по всему, они вообще еще не видели человека. Из родного ивняка они, видимо, не отлучаются далеко, поскольку других ивняков вблизи нет.

Данный район заметно обеднен кустарниковой растительностью, в чем усматривается влияние ветров с Ванкаремской низменности, расположенной севернее. Кусты ив «подстрижены» зимними ветрами, не позволяющими ветвям высовываться из-под снега. В укрытых боковых долинках ивняки могут достигать в высоту двух метров, но это — предел. Интересное явление представляют низкие ивняки, растущие в виде козырьков по краю уступов, под которыми лежат снежники. Они очень наглядно демонстрируют тот факт, что снежник влияет на растительность только в нижней своей части путем воздействия талыми водами. Здесь обильно разрастаются лютики нивальный и пигмейный, крохотная кенигия, а также камнеломки гиперборейская и Порсильда. Последняя носит имя известных канадских ботаников отца и сына М. П. и А. Е. Порсильдов.

6 августа. Река Гытхытхвэоуваам. В предыдущие дни ходил в противоположную от известняков сторону, на другой берег Гытхыт. Как-то сидел на шлейфе и пил чай. Вдруг на перегибе невысокой террасы метрах в трехстах появились два кречета и начали издавать звуки, напоминающие то сойку, то кукшу, то сорокопута. Я сидел довольно долго, делая заметки, они тоже сидели. Потом отправился в сторону кречетов и вскоре убедился, что приближаюсь к гнезду. В долинку спускался приятный скалистый склон, по которому я начал ползать, находя все новые и новые виды. Кречеты с криками летали надо мной, но гнезда я еще не увидел. Теперь кречетов стало, к моему изумлению, трое. Иногда они садились на противоположный склон долины и вопили. Как-то один кречет слетел оттуда и зацепился за почти отвесную стену, но сорвался и уселся на выступе. Я несколько раз запустил в него кам-

нем и два раза чуть не попал. Кречет уклонялся, гневно кричал и провожал их глазами, вероятно, рассматривая. Вряд ли он понимал заключенную в них гибель. Наконец кречет улетел, а я перелез через выступ и увидел гнездо. Оно располагалось на небольшой площадке метрах в пяти над днищем долины, к нему вел удобный карниз. Гнезда, как такового, не было, видимо, оно развалилось. На площадке сидели три кречета. Один ел, отдирая от какой-то тушки куски мяса, но перестал, завидев меня. Тушка оказалась евражкиной. На площадке лежали останки нескольких евражек, далеко не свежих. Стоял крепкий запах тухлого мяса, вились тысячи здоровенных зеленых мух, то и дело садящихся на птенцов и на мое мокрое от пота лицо.

Когда я подошел по карнизу к гнезду, один кречет улетел и остались двое, имеющих уже взрослый облик птенцов. Они уставились на меня стеклянным взором и, как только я начинал двигаться, шипели и открывали клювы, взмахивали или приподнимали крылья и вытягивали головы вперед в зловещей позе. Родители подняли бешеный шум. Несколько раз я инстинктивно пригибался, потому что над головой раздавался свист полета и страшный крик.

Неожиданно выяснилось, что здесь также выходят известняки, а вскоре я нашел выдающийся вид — криптограмму Стеллера. Итак, это уже третий вид из серии обитающих на восточночукотских известняках. На уступах скал пристроились так хорошо знакомые теперь степняки. В этом районе имеется множество рыхлых склонов террас и холмов, на подобных которым всего в 60 километрах северо-западнее встречались группировки остепненной растительности. Здесь этих группировок уже нет, но некоторые составляющие их виды имеются. Однако на рыхлых склонах их единицы: большинство оказалось перебравшимися на скалы, да еще и с известьсодержащими породами. Этот интереснейший факт существенно дополняет картину изменений в растительном покрове на границе континентальной и берингийской Чукотки.

Когда я снова приблизился к гнезду, кречеты-родители уже не бросались на меня, а покрикивали, сидя на противоположной стороне долины. Один из птенцов был сверху довольно бурый, а другой — белый, с частыми светло-коричневыми пятнышками. Бурый

был взъерошенный и неопрятный, а белый — гладкий, чистый и менее ершистый. Я решил взять белого, но как? По карнизу с ним в руках пройти невозможно. Пришлось сделать петлю из веревки, набросить кречету на шею и, стащив его с площадки, пронести по карнизу как висельника. Затем я связал ему ноги и надел полиэтиленовый мешок. В руках донес его до палатки, где привязал за ногу на веревку и притащил валун, чтобы птенец сидел на нем. Утром застрелил евражку и ушел в маршрут.

В тот день я снова ходил близ долины с гнездом кречетов и вечером завернул в долину, чтобы добыть одного. Кречеты опять завидели меня издали, и опять их было трое. Судя по тому, что один кречет менее осторожен (тот, в которого я бросал камни), он, по-видимому, из этого же выводка, но вылетел раньше своих братьев. Он к тому же весьма неуклюж. Вероятно, по молодости он пытался зацепиться за стену, хотя в этом не было никакой необходимости, рядом находились хорошие выступы. Но, может быть, это — «непарный» кречет, вошедший в семью на правах кормильца. Однако мне не приходилось читать где-либо, что среди птиц случаются семьи, где кроме родителей есть еще и «дальний родственник». В гнезде ничего не изменилось, свежей добычи не появилось. Родители, словно почуяв, что одному из них угрожает опасность, не подлетали близко. Уже на выходе из долины я подкрался к одному кречету и выстрелил. Он заорал и перевернулся, но, когда я подбежал, он вскочил на ноги, весь в крови, и ощетинился. В оранжевых лучах вечернего солнца он стоял с перебитым крылом и залитыми кровью ногами и шипел. Зрелище было ужасное. Я отскочил и выстрелил дуплетом, рискуя разнести всю шкуру, но увидел, что он опять шевелится, и, не сходя с места, выстрелил четвертый раз. Гордая птица, жестокий хищник умер, но мне целый вечер было не по себе. Сняв шкуру с кречета, я убедился, что пробоин в ней довольно мало. Следовательно, канонада была в основном панической пальбой мимо цели[1].

[1] Лишь когда я сдавал тушки в Зоологический институт, И. А. Нейфельд указал мне, что добытый кречет — первогодок. Следовательно, один из кречетов действительно оказался более ранним слетком. Это в него я бросал камнями, и он же попал под выстрел. Однако внешне он практически не отличался уже от своих родителей, лишь на груди и шее его сохранилось юношеское оперение.

Как-то в три часа ночи мой Креча начал кричать. Возможно, где-то пролетал его родитель. Он съел мясо своего собрата, но не мог сам распотрошить евражку, хотя мои руки он располосовал изрядно. Вчера целый день лил дождь, и я просидел в палатке, затащив в нее и Кречу. Он царапался, как тигр, так что, рассвирепев, я дал ему затрещину. После этого он шипел и вздергивался всякий раз, когда я приближался к нему, хотя ранее был спокойнее.

Большую часть времени Креча неподвижен и после волнения долго сохраняет любую неудобную позу. Характерно, что местные птицы не проявляют к хищнику никакого интереса, лишь серебристые чайки, пролетая мимо, издают иногда вопросительный позыв, да залетевший поморник, увидев Кречу, разорался и начал делать круги над ним. Но чечетки, которые постоянно перепархивают вблизи, не обращают на Кречу внимания.

Кстати о птицах. В этом районе нет журавлей и мало куликов, не видел также плисок, а белая трясогузка встретилась лишь однажды в боковой долинке. Обычны каменки, пуночки, коньки, подорожники, тулесы, зимняки, круглоносые плавунчики, чечетки, гагары, гуси, «басистые» утки, вероятно чернеть, шилохвостки. Неподалеку от гнезда кречетов нашел пустое гнездо пуночки на площадке в отвесной скале. В гнезде была толстая подстилка из оленьего волоса. Само гнездо сделано рыхло из веточек и травинок.

Зайцы приходят теперь к палатке и пожирают спитой чай. Однажды я сидел у входа и размышлял, сделать жаркое или нет. Доверчивость зайца обезоружила меня. Я взял фотоаппарат и, хотя было весьма темновато, принялся снимать его с расстояния двух метров. Но потом я решил сделать заячий портрет крупным планом и чуть не ткнул объективом в его нос. Тут уж заяц не выдержал.

Вечером на озере крякнула утка, и я отправился взглянуть, далеко ли она от берега. Когда я возвращался, был перепуган зайцем, на которого чуть не наступил в кустах. Он перемахнул передо мной через куст и затаился с другой стороны, чернея бусинкой глаза. Я ткнул его под хвост ружейными стволами, и он сиганул в потемки, но вскоре приплелся к палатке.

Сломался приемник, что весьма прискорбно. Еще в студенческое время, работая на таежной речке Полте, я убедился в том, что звуки внешнего мира очень нужны человеку, выросшему в этом мире.

7 августа. Гора Кымыней.

Последний маршрут был за район известняков, в обход горы, на которую я почти влез в первый день. Там наблюдал исток весьма полноводного ручья, текущего с крупной выемки на склоне. Кажется, что никакого истока нет, и тем не менее ручей бежит себе, и перейти его не везде можно. Откуда берется вода? Оказывается, на склонах выемки сочатся мельчайшие ручейки от подтаивания вечной мерзлоты. В этот день к списку прибавилось пять видов, из них два вполне обычны в других районах, а здесь встречены лишь дважды, и на известняках. Всего в этом районе найдено 280 видов. Вполне возможно, что при дальнейших исследованиях это число возросло бы до 300, но едва ли более.

Сегодня, как было договорено, меня сняли с Гытхыта. Креча хорошо перенес путешествие по воздуху в ящике из-под примусов и не хотел вылезать, прибыв на место.

Место высадки я облюбовал под горой Кымыней на весьма высокой седловине около озера. Из окна вертолета было видно, что снежников в этом краю еще очень много, и теперь уж они едва ли дотают. На южных склонах иногда можно видеть так называемые гирлянды солифлюкционных террас, словно лестницу великанов. На севере простирается унылая равнина — Ванкаремская низменность. Кругом угрюмые черные сопки и их болотистые шлейфы. В нескольких километрах к востоку река Кымынейвеем. Вдоль нее, на севере, видна холмистая болотная страна — все та же низменность. Точка эта весьма важна в географическом плане сравнения флор.

Поставив палатку, я сходил на другую сторону горы, где услышал вопли канюков. Гора сложена кислыми породами. Близ ее вершины виднеются останцы, на которые позднее я слазаю. На южной стороне горы лежит огромный снежник в выемке. От него течет множество ручьев, и вдоль них оказалось много интересного. Некоторые виды, растущие здесь, считаются любителями почвенной извести, однако ее здесь заведомо нет, ей просто неоткуда взяться.

Кроме того, тут же растет огромное количество растений, избегающих известь.

Один ручей, образованный талыми водами этого снежника, впадает недалеко от палатки в озеро. Отсюда идет пологий длинный спуск к речке на юге. Три седловинных прохода: на север, на восток и на юг — открываются от лагеря.

13 августа. Гора Кымыней. Разнообразие местообитаний здесь после Гытхыта кажется удручающе малым, а отсюда и флора оказывается много беднее. Межгорные впадины являются по существу продолжением Ванкаремской низменности.

Каждый день, возвращаясь из маршрута, я вынужден преодолевать долгий подъем.

Первые два дня стояла солнечная погода, но затем задул ветер с севера, и гора Кымыней окуталась серой пеленой до самых шлейфов. Когда ветер стал южным, мало что изменилось. Дует он вдоль Искатеня — либо с северо-востока, либо с юго-запада. По утрам нередко туман висит как раз на высоте конька палатки и головы. Можно запустить руку в облака. Сырость порождает ощущение холода, да и температуры здесь весьма низкие. К своему удивлению, на соседнем озере я увидел ледовый покров, стаявший лишь около берегов. Это озеро приблизительно на полметра выше «моего» озера, на котором льда нет и которое побольше.

Однажды ночью я проснулся от медвежьего взрыкивания сразу за палаткой. Раздалось почти одновременно два голоса — спереди и сзади. Спросонья я подумал, что палатку окружили медведи, вылетел из мешка, схватив ружье. Взвел курки с намерением всадить заряд дроби как только прогнется брезент палатки, по которой уныло колотил дождь. Ждать было очень холодно, и я осторожно отогнул окошко, высунув стволы. Однако вместо медведей увидел оленей. Вскоре послышался посвист пастуха, потом все стихло. Откуда взялось стадо? В окрестностях не было ни яранг, ни пастушьей палатки, и гравиметристы сообщали, что стад в этом районе нет. Сегодня в нескольких километрах за горами, на речной терраске, увидел свежий пепел костра. Странно, что пастух один и без палатки. Стадо ушло в низменность. Сегодня в нескольких километрах, на речной терраске, видел свежий пепел костра.

От горы Кымыней теперь сделал уже маршруты во все стороны. Сама гора оказалась малоинтересной. Ее южные склоны практически безжизненны. Там я забрался на останцы, чтобы найти гнездо канюка, жалобно кричавшего неподалеку. Без этого я, пожалуй, не полез бы на них. На скалах росло всего два растения. Однако и гнезда тут не оказалось. Оно нашлось при спуске прямо на каменистом склоне, на небольшом уплощении среди развала камней. В гнезде сидел молодой канюк и пищал, глядя, как я приближаюсь. Однако, как только я оказался вблизи, он взмахнул крыльями и был таков. От гнезда собственно, кроме «побеленного» уступа-площадки, ничего не осталось. До того как слетел этот младенец, заметил внизу других трех канюков. Значит, только что состоялся вылет молодых из гнезда.

Одного из них нужно было добыть на шкурку, да и мясо не помешало бы Крече, который постился уже третий день. Так что занялся охотой. Скоро удалось заметить вблизи среди камней молодого канюка, что не так-то просто, птицу хорошо маскирует окраска оперения. Я подошел метров на восемь и выстрелил. Канюк подскочил и сел на прежнее место. Решив, что ранил его, я выстрелил еще раз. Но и тогда он лишь подпрыгнул. Патроны были на исходе, и я решил просто подкрасться и свернуть ему шею. Однако, когда я подошел метра на три, канюк спокойно взмыл. Он улетел далеко, и никаких признаков ранения не было заметно.

Я отправился за ним, но попал в интересное местечко на шлейфе, где ни с того ни с сего начинал течь ручей. Его происхождение было связано с подтаиванием вечной мерзлоты, и в выемке, с которой он начинался, густо разрослись травы, образуя изумрудное пятно на серовато-желтом фоне шлейфа, даваемом осоками.

Через некоторое время я снова увидел молодого канюка. Оставался последний патрон, но выстрел был удачным. Вечером, сняв шкурку, вынес тушку Крече. Увидев мясо, он зашевелился. Я отрезал кусочки, и Креча жадно хватал их из рук. Здешние евражки оказались на удивление осторожными. На них нужно охотиться, как на настоящую дичь.

Спускаясь по горному ручью, сегодня увидел пегого песца, который заинтересовался мной и, сделав типично собачий полукруг,

приблизился метров на пятнадцать. Задерживаться он не стал. Обнюхав мои следы, он не нашел для себя ничего интересного.

По сырым шлейфам, переходящим в равнины, держатся парами журавли, но не заметно, чтобы у них было потомство. Правда, они очень осторожны и, увидев человека издали, начинают кричать. Возможно, этот крик означает сигнал опасности для журавленка, и тот затаивается.

По каменистым склонам порхают выводки пуночек, а стоит лишь где-то присесть, как появляется любопытная каменка и начинает рассматривать. В кочкарных и бугристых равнинах держатся подорожники. Всюду на шлейфах надсадно кричит тулес. Много серых куликов, в том числе дутышей и каких-то песочников. Над озерами кружат крачки, серебристые чайки и неуклюжий бургомистр, почему-то один. Оттуда же несется плач «проклятой птицы» — гагары, голос уток и гусей. В хорошую погоду с перевала видны на многочисленных озерах плавающие стайки. Однако подойти к ним мимоходом на выстрел не удается.

Огромный снежник на склоне горы Кымыней оказался почти ледничком, сыгравшим злую шутку. Я уже почти пересек его, когда поскользнулся и покатился вниз, как полагается, с ускорением. Ружье, фотоаппарат и бинокль колотили по голове, шапка сразу уехала далеко вниз. Через несколько метров быстрого скольжения я ловко уцепился за торчащий из льда камень, содрав на ладони кожу. Скоро я перебрался за зону льда и считал шишки на голове, после чего отправился искать шапку. Снизу ледничок производил сильное впечатление, его верхний конец скрывался за перегибом. Случись прокатиться по нему донизу, неизвестно, каковы были бы последствия. Из-под ледничка течет ручей, который у подножия склона разветвляется на сеть ручьев, стекающих по обе стороны перевала. Удивительно, как много воды дает такой по сравнению с крупными ледниками просто ничтожный ледничок.

Во время последнего оледенения ледники располагались в подобных выемках на склонах и в цирках близ вершин гор. Когда ледники начали таять, с них так же, как сейчас, текли многочисленные ручьи и, следовательно, так же вдоль ручьев на галечниках и буграх росли любители извести, но почему? Позднее этот

вопрос был разрешен. Выяснилось, что многие растения действительно любят известь в почве, но не настолько, чтобы не обходиться без нее. Лишь бы сама почва не была слишком кислой. Под воздействием талых вод, которые практически дистиллированы, почвы становятся нейтральными: все растворимые соединения из них выносятся. Поэтому многие кальцефилы поселяются на таких, как это, местах, причем бок о бок с теми растениями, которые «ненавидят» почвенный кальций и растут лишь там, где его нет.

В этом районе, безусловно, велико влияние ветров с Северного Ледовитого океана. Ванкаремская низменность, конечно, не препятствует им. В результате кустарниковая растительность здесь очень подавлена. Ива Крылова, столь обычный образователь пойменных ивняков, в поймах вообще не встречена. В окрестностях горы Кымыней ива Крылова растет в виде маленьких редких кустиков на шлейфах. Лишь один достаточно обширный ивнячок высотой 30 сантиметров найден в западинке над долиной ручья, текущего на север. Ручей выработал себе глубокую долину, что на первый взгляд кажется странным. Но все странное находит объяснение. Слегка увалистая равнина сразу же за горой Кымыней к северу образована с поверхности песчано-галечниковым материалом. На ней сформировались бедные лишайниковые тундры, по которым ходить так же удобно, как по асфальту. На склонах в долину ручья видны сплошные валуны с песком. Для быстрого размыва это очень благоприятный субстрат. Ручей уносит песок, и валуны оседают все глубже, и уровень вечной мерзлоты понижается. Сейчас склоны в долину напоминают наклоненные стены древних крепостей, которые складывались вот из таких же валунов, например в Старой Ладоге. Валуны начинаются не от поверхности земли. Сверху их покрывает слой песка и плохо окатанной гальки. Это уже отложения явно другого происхождения. Еще более в этом убеждает посещение реки Кымынейвеем против одноименной горы.

Низкая терраса реки, уходящая в низменность, сложена той же самой толщей валунов. Более высокая терраса образована опять же песками и плохо окатанной галькой. А между горой и рекой

возвышается низкий, 70 метров, холм, производящий еще на карте впечатление блина с диаметром основания около двух километров. Этот холм образован суглинком, напоминающим лесс. Естественный разрез различных напластований, сделанный рекой, проясняет некоторые туманные вопросы, связанные с отложениями. В литературе есть сведения, в частности А. П. Васьковского, что на северное побережье близ Ванкаремских лагун и Колючинской губы выходит морена. Скорее всего это и есть та морена, которую близ горы Кымыней обнажают все реки и ручьи. Она протягивается через всю Ванкаремскую низменность, будучи погребенной. Как нельзя более, она говорит о том, что ледник здесь был грандиозный, занимавший все пространство современной суши. Но что же за отложения перекрывают эту морену? Вспоминая разговор с А. С. Пуминовым (потом я читал статьи, где Пуминов с соавторами высказываются за затопление морем Ванкаремской низменности порядка 100 000 лет назад) и работы Ш. Ш. Гасанова, я уже не сомневаюсь, что это древние морские отложения. Было время, когда льды, покрывавшие Чукотку, практически целиком растаяли. Суша, просевшая под тяжестью льдов, не успела «всплыть», и море затопило все низменности и крупные межгорные долины. Все виденное прежде неожиданно складывается в строгую логическую схему, и нет ни одного случая, противоречащего ей. Напротив, чем больше вспоминается, тем больше фактов ложится в обоснование этой схемы. «Блин» лессовидного суглинка между горой и рекой — это отложения озера, которое было на леднике, образовавшемся снова после отступления моря. Когда еще раз растаяли ледники, эти отложения осели в виде удивительно симметричного холма.

Как я и ожидал, никаких степняков в этом районе не оказалось. Хребет Искатень лежал как разделительная стена районов, где они есть, и где их нет. Обойдя кряж на западе, я видел последние горы этого хребта. Но разрозненные группы гор виднелись и на северо-востоке. Там поднималась цепочка из ровных четких гор, напоминающих близнецов. Низкая гора лежала за озерами перед рекой Кымынейвеем в юго-восточном направлении. Она оказалась очень бедной флорой. С нее я увидел на «своей» стороне обширный галечник Кымынейвеем. Досадно, что непроходима река, на про-

тивоположном берегу которой раскинулись обширные галечники. Правда, в бинокль создавалось впечатление, что они бедноваты. Река течет с юго-восточного макросклона Искатеня. Что-то она должна выносить.

Еще на Гытхыте подошел к концу сахар, и теперь, живя без него, я начал замечать какие-то симптомы. Ежедневный литровый термос дегтярного чая и табак не компенсировало потребление сахара. Голову нередко сжимал какой-то обруч. Приходилось глотать анальгин.

Возвращаясь с маршрута, я подходил к Рсече, и он смотрел, что я принес. Если ничего, он угрюмо смотрел и не двигался с места. Теперь он уже редко кусался и бил когтистой лапой, но шипел и отшатывался, когда я протягивал руку. Как-то, идя вдоль озера, заметил в проточке приличного хариуса, который пометался, а затем пристроился у моей ноги. Тут-то я и выловил его рукой. Внутренности и голова его пошли Рсече.

Неподалеку на бугорке находится сусликовина, я думал, что она брошена. Но недавно появился евражка и начал чирикать в сторону палатки. Креча переехал на новое местожительство — на этот бугорок. Сегодня, однако, евражка стоял столбиком неподалеку от Кречи и яростно чирикал на него. Креча сидел как истукан и не собирался охотиться самостоятельно. Тогда я решил выгнать евражку из катакомб и пристрелить. Вылив в норы около тридцати почти ведерных банок воды, убедился в бесплодности этого занятия.

В окрестностях живет местный кречет, которого я приметил однажды в долинке, где он скрывался от сильного ветра. Как-то он пожаловал в гости и целый вечер просидел на ближнем шлейфе. Но подлететь к своему сородичу он так и не решился.

14 августа. Гора Кымыней. Как будто делать здесь больше нечего, хотя сегодня нашлось с десяток видов, все на галечнике, куда я не зря желал попасть. Погода благоприятствовала дальнейшему маршруту. Ярко светило солнце, но было ни жарко ни холодно. Я шел по склонам гряды, северный конец которой венчает гора Кымыней. На склонах встречаются по западинам хорошие

луговины, то и дело появляются любопытные каменки. Иногда слышно чириканье евражек, одного я добыл Крече на ужин.

Вновь наткнулся на выводок канюков и гнал их некоторое время перед собой. Один из родителей время от времени камнем падал с огромной высоты, со свистом рассекая воздух. Однако отпугивающие маневры он проводил не ближе пятидесяти метров и кричал с надрывом. Молодые отвечали ему петушиными голосками. Они уже не столь наивны и, видимо, заражаются тревогой от своих родителей. Летают они совсем так, как требуется, и наслаждаются своим умением.

В пять часов добрался до галечника и, найдя сразу пару видов, завершающих вторую сотню в местном списке, сел пить чай, сняв сапоги. Отдохнув, уже вознамерился продолжить осмотр, как заметил зверя, которого сначала принял за песца. Однако тут же понял, что это росомаха. Она не спеша двигалась мимо в двенадцати метрах, останавливалась и смотрела на меня. Я заколебался — что хватать, ружье или фотоаппарат. Схватил фотоаппарат, но голова росомахи появилась из-за бугорка как раз против солнца. Положив фотоаппарат, схватил ружье и босиком помчался к ней. Какое там! Росомаха пронеслась невидимой за низкой терраской метров тридцать, пока я пробежал до бугорка восемь. Когда она выскочила, стрелять из моего дробовика было бесполезно. Все же я послал ей вдогонку два пучка дроби. Она бежала будто не спеша, медвежьим галопом, но удивительно быстро, как и медведь.

На галечнике нашлась целая компания новых видов и в том числе аляскинская ива в виде жалких кустиков. В других местах эта ива образует труднопроходимые ивняки. Пройдя немного вниз по реке, увидел четкие следы росомахи. Значит, она давно видела меня и шла на сближение. Эта росомаха была довольно крупная, высотой порядка семидесяти сантиметров и, видимо, сознавала свою силищу. Но на человека росомаха не бросается.

На обратном пути обогнул гряду. На южном ее подножии лежал огромный снежник, а ниже его метров в двадцати оказалось целое поле спелой морошки на бугристом болоте. В других местах, даже без снежников поблизости, морошка еще не вызрела.

Частая высокая влажность способствует сохранению большого количества снежников. Она мешает несколько дней высушить шкурку молодого канюка. Последние дни сравнительно теплые, днем даже надоедают комары. В начале месяца вечера были холодные, хотя и сейчас в конце дня изо рта валит пар.

Уже в сумерках на шлейфе застрелил куропатку. Это первая, увиденная здесь и на Гытхыте, хотя помет встречался и там и сям. Этот год явно некуропачий, но зато грибной.

Креча, как обычно, вытягивал шею и смотрел, что у меня в руках. Я дал ему куропачью ногу и, к моему восторгу, он ее заглотил целиком. Это целую-то ногу с голенью, бедром, пальцами и перьями, длиной двенадцать сантиметров. Теперь ему хватит переваривать ее на неделю. Оттого у хищников и происходят погадки, что они хватают много лишнего, вовсе не съедобного: перья, шерсть, кости. Креча ждал чего-нибудь еще, но евражку я оставил на завтра, решив запечатлеть на кинопленке, как он ест и его белая физиономия становится кровавой, как он оттаскивает добычу клювом или лапой, если я ему докучаю, как он орет, жестко глядя на меня, если я ему мешаю есть.

24 августа. Поселок 87-й километр. Уже в первой половине дня, 15 августа, над Кымынеем разнесся гул вертолета. Теперь я мог осмотреть район еще и сверху. Скоро показался район Гытхыта.

В лагере меня расположили в той же палатке ждать следующего рейса, теперь на Мараваам, в тридцати километрах от поселка, на другой стороне Амгуэмы. В эти дни сделал несколько маршрутов, в том числе съездил на семьдесят второй километр трассы, куда собирался еще в прошлом году. Район оказался очень похожим на район пятьдесят второго километра даже внешне.

Межгорные впадины здесь заполнены песчано-галечниковой толщей, образующей удивительно ровные поверхности. На геологической карте эти отложения называются водно-ледниковыми, но они могут быть и морскими, как считает, например, А. С. Пуминов — он ведь тоже геолог-четвертичник, к тому же усиленно интересующийся вопросами палеографии. Известно, что, «когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет». Однако среди геологов и согласия нет и дело идет — копятся данные. Нашему

брату можно использовать либо те взгляды геологов, либо другие — что удобнее. И вот тут-то оправдываются приведенные слова из басни Лафонтена-Крылова. Если кто-то из нашего брата использовал одни взгляды, а другой — иные, дело не идет ни в какую. Никому не захочется растасовывать свои факты по другим полочкам. Правда, есть еще один выход — в одной работе растасовать так, а в другой этак. В любом случае выигрыш — если коллеги не могут сослаться на одну работу, пусть ссылаются на другую. Когда-нибудь верным останется что-то одно и можно будет заявить — а я об этом писал, а о том, что писал и другое, благоразумно умолчать, забудут ведь.

Розовые скалы настраивают на лирический лад, особенно когда сидишь на них и пьешь чай. Внизу, как игрушечные, катят КрАЗы, поднимая облака пыли. Чего-чего, а пыли на Чукотке хватает. Б. А. Юрцев. когда писал о «степях» в районе моста через Амгуэму, указал даже, что они покрыты лессом, как в Гренландии. Он не учел, однако, что рядом проходит трасса и каждый грузовик поднимает целую тучу пыли. Немало пыли и в совершенно необитаемых районах. Иные снежники покрыты ею весьма густо, а некоторые перелетки имеют своеобразные годичные слои, маркированные летней пылью.

Теперь выработалась почти бессознательная система поиска. Не нужно напрягать мысль и думать, в каком направлении двинуться. Выбирается только генеральная линия, а дальше ноги несут сами, словно сквозь подошвы сапог ощущается, что здесь один комплекс среды, там другой, и пошло — будьте внимательны, глаза, не ленитесь писать, руки.

Но под вечер холодает, пальцы не держат авторучку, глаза смотрят, нет ли вдали пыльного хвоста за машиной. Зато в лагере блаженство — есть электричество, капельная печка и сидеть можно на табурете, писать за столом.

Все это хорошо, но лучше бы оказаться на Мараваме, а вертолета все нет.

Густая зелень на склоне горы Амгуэма, против поселка, на другом берегу реки, оказалась ольхой. Тут же нашлись южнотундровые низкокустарниковые заросли ерника и багульника,

кусты смородины и шиповника, множество плетей плауна колючего.

Около горы Амгуэма происходит решительный поворот реки Амгуэма на север. От поворота уходит на запад всхолмленная равнина. Где-то там я был в прошлом году, но нужно попасть еще дальше, в верховья. Хотя уже теперь ясно, что там обстановка континентальная и, следовательно, можно встретить остепненные участки, вездесущую ольху. Может быть, там есть береза и чозения.

Размышляя обо всем этом, вдруг слышу отрывистый лай. Оказывается, метрах в ста сидит огневка лиса. Чем не понравился рыжей плутовке человек? Я грожу ей кулаком, и она удирает, все еще лая.

Креча все эти дни живет близ палаток, сидя на ящике для образцов. Он сыт каждый день, поскольку на досках у палаток я нашел целый выводок застреленных злодейской рукой крупных утят, которых забрал, и Креча съедает по утенку, а то и по два в день. Он познакомился с собакой — местным Рыжиком и не сразу стал реагировать на нее. Возможно, что близость людей оказывала на него более сильное впечатление, чем обнюхивающая его собака. Впоследствии Креча всегда начинал кричать, если собака приближалась, и я выскакивал из палатки и спешно гнал пса, намерения которого были недвусмысленны. Как-то поселковые ребятишки принесли ему живого евражку, но говорят, что Креча не реагировал. Когда я приносил ему утром утенка, он начинал уже издали кланяться и всматривался, что ему предлагают. Евражек он теперь потрошит сам. Никакого привыкания Креча не обнаруживает. Если подходишь к нему, он стремится улететь. Однажды на него налетел мяукающий поморник. Он делал заход за заходом, пикируя на Кречу. Тот пригибался и гневно орал, но не делал попыток защищаться.

27 августа. Река Мараваам. Только я договорился в совхозе, чтобы меня взяли на трактор, как прилетел вертолет и Ю. П. Сарамонов приказал грузиться. Это было позавчера. В суматохе выгрузки из вертолета с работающим винтом забыл примусы. Теперь приходится готовить на костре в некотором удалении, на галечнике, где есть погибшие кусты, которые я постепенно выкорче-

ываю и обильно поливаю солляркой. Каша, правда, тоже изрядно отдает солляркой, но это вносит некоторое разнообразие в привычный рацион.

В первый же день, поднявшись на террасу, увидел вдали яранги и шел по направлению к ним, осматривая все на пути, до самого вечера. Издалека заметил, что в районе моей палатки проходит стадо оленей, направляясь к горам выше по реке. Небольшая группа животных отбилась от основной массы и приблизилась к палатке. Меня охватило беспокойство за Кречу, но олени прошли мимо него без враждебных выпадов. Мне показалось, что в этом районе много разнообразных местообитаний, и, видимо, так оно и есть, поскольку ближний ландшафт представляют высокие, сильно расчлененные террасы, местами перекрытые моренами. Ниже по реке видны высокие скалы. На востоке возвышается высокая гора, за которой лежит долина Амгуэмы.

На приличных скалах обнаружились гнезда городских ласточек, но сами птицы уже улетели на юг. Гнезда налеплены иногда в три этажа. Солидная подстилка состоит из травы, мха и большого количества перьев. На этих же скалах держатся серебристые чайки, среди которых много молодых с серой окраской и писклявым голосом.

Близ яранги я увидел кучу ольхового корья и полюбопытствовал, откуда оно? Хозяин яранги — Петя сказал, что ольха растет на другой стороне приамгуэмской горы. Я решил остаться и отправился с утра за гору, чтобы посмотреть, как растет ольха и что там есть еще.

Ниже по реке оказались скалы и высокие осыпные склоны. Чтобы найти ольху, понадобилось почти обойти гору. Со шлейфа был хорошо виден поселок сто двадцать третьего километра и трасса с движущимися машинами. Ольха оказалась в другом виде по сравнению с горами Амгуэма и Паратка. Она росла редкими низкими кустами. Две чукчанки резали ветки для окраски кухлянок. Молодая оказалась ученицей девятого класса и собиралась на днях отбыть в школу. Старая — была ее мать.

На обратном пути осматривал подряд все скалы и нашел несколько интересных видов. В одних скалах рассматривал уже

пустое гнездо канюка, но хозяин вдруг появился надо мной и начал канючить. Довольно странное поведение, ведь птенцы уже выросли и разлетелись. Может быть, канюк собирается и в будущем году вывести в этом гнезде потомство?

С карниза я пролез выше и тут поехал вниз. Мелкая щебенка неудержимо ползла сантиметр за сантиметром, и, распластавшись, я лихорадочно ощупывал камешки руками и ногами, но все они вылезали из своих гнезд. «Только не дергаться», — мельтешило в голове и вот... носок сапога во что-то уперся. Я постарался вжаться в щебень и продолжил поиски другой ногой. Нажал. Кажется, держит. Рывком прыгнул вверх и, преодолевая поток ползущего щебня, выскочил на перегиб склона. Канюк все еще стонал, делая надо мной круги. Канюк и, видимо, мохноногий зимняк тоже — к несчастью, так говорится в «Порги и Бесс» Гершвина. «Черта тебе лысого!» — прокричал я ему.

Следующий скальный массив вылезал, как зуб. Эти скалы были уже другого цвета и структуры пород. На них нашлась лапчатка из Америки, а рядом тоже лапчатка, но родственница среднеазиатского вида.

Наконец появились скалы в виде ворот, которые я видел от палатки. Осталось километра три, но теперь я уже едва тащился. Однако, поев, весьма быстро пришел в норму и не ощущал никаких последствий вчерашнего тридцатикилометрового променада.

От палатки открывается вид на высокие склоны террас, в большинстве сыпучих. В нескольких километрах выше по Мараваам начинаются горы. Место выбрано так, чтобы посетить максимум различных вариаций среды обитания.

Сегодня ходил вверх по реке до гор, обследовав осыпные склоны террас. Нашлось некоторое подобие остепненной растительности, но весьма скудного флористического состава. Когда на верхнем перегибе террасы я сидел и пил чай, увидел, что противоположные террасы и бугры имеют одинаковую высоту и плоские поверхности. Присмотревшись, убедился, что вижу единую древнюю террасу, но теперь сильно расчлененную.

Креча два дня постился, и сегодня я собирался приложить усилия на добычу евражки, но этого не понадобилось. Вчера, когда

я вернулся, Креча исчез. Он выдернул слабо вбитый колышек. Нигде в долине его не видно. Досадно, что он улетел с веревкой и колышком, который где-то может зацепиться намертво. Полетел он впервые в жизни.

30 августа. Река Мараваам. Креча нашелся на следующий день. Утром я отправился готовить завтрак и приметил его на противоположной стороне долины. Перейдя реку, я потихоньку приблизился к Рече, разговаривая с ним. Он не собирался улетать, а тихо застонал. Сидел он на выбросах из нор евражки и, видимо, поджидал, когда хозяин вылезет из подземелья. Однако евражка не спешил. Я взял за конец веревку и немало повозился с Кречей, он ни за что не хотел понять, что от него требуется. Я взял его за ноги и сунул под мышку.

В тот день ходил к югу от реки и искал меловые отложения, обозначенные на карте. Но там оказалась все та же галечниковая толща. В одном месте лежал «блин» точно такой же, как и на Кымынее. Склоны сопок были каменистые, почти без мелкозема, из кислых по составу пород и скучные. Галечниковая толща также оказалась весьма однообразной по наборам видов, несмотря на различные углубления и возвышения. Застрелил двух куликов дутышей на речке, впадающей в озеро.

К юго-востоку террасы заметно понижаются, что, впрочем, понятно, так как это уже амгуэмская впадина.

Креча внимательно присматривался к свертку с парой куликов, вытягивая шею, но не двигался, пока я не показал ему одного. Тогда он, потоптавшись на месте, подошел и принялся вырывать кулика из руки. Заметив, что я дразню его, он с обидой раскричался, после чего, конечно, тут же получил пищу. Кулика Креча съел не более чем за пару минут. Пришлось отдать ему и второго кулика, который исчез не менее быстро, чем первый. И это после того, как вчера он съел целую чайку величиной с себя!

Всю ночь и утро лил дождь. К полудню он иссяк, но погода так и осталась полусумеречной, серой и бесприютной. Ходил в полушубке, к счастью, дождь не возобновился. На скалах-воротах сидел, курил, и на меня то и дело пикировала со свистом огромная чайка и кружила, «кэкая». От неожиданности ее пике я инстинк-

тивно пригибался, затем в одном таком заходе поднял ружье, и птица плюхнулась рядом со мной. Это была серебристая чайка с размахом крыльев около метра, с пепельной спиной и черными концами крыльев. Основная окраска белая. У нее были светлые ноги и желтый клюв длиной восемь сантиметров. Кречу не смутила ее величина. Он попытался оттащить ее клювом, потом ногой, но это плохо удавалось. Сначала он начал щипать крыло, потом уселся сверху и принялся ощипывать грудь чайки, то и дело очищая клюв от перьев. Весьма долго он возился с толщей перьев на груди, начиная дергать с разных сторон. Наконец он раскричался, сетуя, что ничего не получается. Я сидел рядом и подзадоривал его.

После очередной долгой попытки он добрался до тела. Через несколько минут физиономия Кречи была алая от крови. Он с неописуемой жадностью глотал и глотал огромные куски.

Эта экскурсия вниз по реке была последней. Теперь я убедился, что древние террасы имеют морское происхождение, а не водно-ледниковое. Интересно, что днище долины в этом районе находится на высоте 187 метров над уровнем моря. Да высота террас порядка 150 метров. Невероятно представить себе, что море поднималось на такую высоту, но, видимо, суша была ниже, чем теперь. Ее поднятие произошло в последние 10 000 лет и, возможно, продолжается по сей день.

Теперь ясно, что амгуэмские высокие террасы, на которых существовала остепненная растительность, были продолжением здешних террас, на которых нет остепненной растительности, а нашлись только отдельные ее виды.

Вечером снова застучал дождь, но в мешке, да еще под полушубком, вполне уютно. Я пригрелся и уснул бы, но вспомнил о Крече. Я вышел из Палатки, чтобы перевернуть вверх дном ящик, сделав ему укрытие. Сырая темная ночь обдала меня холодом, ветром, дождем и жутью безжалостной природы. С расстояния десятка метров палатка светилась во мраке тусклым огоньком горящих внутри свечей. Я поспешил в свой маленький раек. Но на душе было неспокойно. В реке глухо перекатывались валуны, шелестел дождь. Потом мне показалось, что кто-то ходит около палатки, я вышел с ружьем наготове. Но кругом были лишь мрак и сырость.

Сегодня утром выяснилось, что петли палатки смерзлись, а на улице снег. В долине он быстро стаял, но на сопках лежал до одиннадцати часов утра. В это время тучи расшатались и ушли. Выглянуло солнце, и скоро стало тепло. Целый день в природе царил величавый покой и тишина. Я ходил в горную часть долины и нашел еще пять видов. среди них зиббальдию. Еще бегают по земле пауки и ползают мохнатые гусеницы. Каменки, коньки и белые трясогузки еще не улетели. Правда, трясогузки видны лишь молодые — серые. Пуночки держатся выводками на каменистых склонах сопок.

Пищухи сушат сено и громко кричат в хорошую погоду, скрываясь среди камней в россыпях.

В этом сезоне ни разу не встретилась роскошная бабочка — аполлон, которых так много было в прошлом году. И в позапрошлом году этих бабочек мы не видели. Очевидно, они появляются какими-то вспышками год от году. Точно так же варьирует численность куропаток.

Солнце поднимается теперь в полдень приблизительно на 40 градусов, и только несколько часов в середине дня нет теней, утром и вечером мешающих поискам. Приходится следовать круговороту солнца и осматривать те места, на которые лучи падают более-менее перпендикулярно.

Сейчас в двенадцать часов ночи светит яркая полная луна, и небо, словно бисером, усыпано звездами. На земле лежат призрачные тени, а чуть поодаль видна полоса инея. Где-то рядом вскрикивает в камнях пищуха. Верно, ее мучит бессонница перед грядущей зимой.

31 августа. Река Мараваам. В болотистом распадке вдруг нашел осоку женосильную, название которой способно вызвать трепет, хотя растение это тощее и едва заметное. На востоке оно встречается нередко и растет там на известьсодержащих почвах, здесь она нашлась на кислом сфагнуме. Таким образом, все, что ни делается, к лучшему. Если бы я улетел, осока эта осталась бы ненайденной и еще долго бы считалось, что ее восточночукотские местонахождения значительно оторваны от западночукотских и анадырских. Но сколько пропускается вообще редких видов,

о том, вероятно, и всевышний не знает. Отсутствие точного знания о распространении видов порождает разные теории о том, почему таких-то видов нет там-то. На деле же оказывается, что «там-то» практически не исследовано.

Старался добыть евражку для стонущего Кречи, но все они тут уже знали, что мое приближение добром не кончится. Я начал подозревать, что у них существует какая-то система оповещения друг друга. Пришлось застрелить пролетавшую чайку. На этот раз Креча разделывал ее более уверенно. Сытый он не проявляет ко мне ни малейшего интереса и, если я подхожу, взлетает и летит, сколько позволяет веревка. Во время еды я могу его трогать. Когда он был очень голоден и я принес ему первую чайку, то залезал рукой даже под его крыло, и он не реагировал, хотя руку видел. От первой чайки он оставил лишь самые крупные кости и затем изрыгивал погадки.

Креча все же знает, как нужно ощипывать птиц. Нужно видеть, какой он поднимает вихрь перьев, а родители кормили его, видимо, одними евражками. Когда перья прилипают к клюву, Креча поднимает ногу и яростно скоблит клюв. Ногу он поднимает не через крыло, как делают многие птицы, когда чешутся, а прямо.

Кажется, Креча понимает, когда я обращаюсь к нему, и, если я кричу издали, он поворачивает голову и смотрит на меня. Он реагирует на пролетающих птиц, на голоса птиц, евражек или пищух. Вчера он долго смотрел на вертолет.

Любопытной особенностью здешнего климата является то, что ветер часто дует по долине Мараваам, то есть с запада, и приносит дождевую облачность. Откуда только она там берется? Вот и сегодня нагнало облаков, но дождь был только утром, а потом долгое время в межгорной части долины стояла морось, несмотря на ветер. Во второй половине дня ветер усилился, и тучи разошлись, но целый день было холодно. Вечером ветер стих, незадолго до этого сломав кол палатки.

2 сентября. Река Маравагм.

Вчера почти до самого вечера было хмуро. Во второй половине дня дождь прерывался ненадолго, но потом вновь стучал и только под вечер кончился. Вечером все погрузилось в такое молоко, что

терраса в ста метрах была едва видна, но белоснежный туман не действовал на психику угнетающе. Было даже интересно видеть, словно плывущий в космосе, маленький кусочек тундры радиусом двести метров с палаткой посередине. Креча вытягивал шею и, как близорукий, всматривался в призрачные силуэты.

Прикинув все дальнейшие возможности, я решил отпустить Кречу именно здесь. Ландшафт тут подходящий, вблизи нет поселков. Я взял нож и перерезал веревку близ ноги. Креча сидел промокший. Когда я по привычке поднес руку к его клюву, он, как всегда, зашипел и открыл клюв, а потом даже долбанул палец, разумеется, до крови. Затем он сделал попытку цапнуть руку лапой, но больше для острастки. Освобожденный от веревки, он продолжал вглядываться вдаль, несколько раз расправлял крылья. Кроме того, он вытягивал крылья по очереди вдоль ноги — потягивался и несколько раз зевнул, очевидно, не выспался из-за дождя.

Я попытался усадить Кречу на рукав полушубка, и он шагнул на руку. Поносив его на руке, заставил слететь. Он тут же поковылял к ящику, на котором привык сидеть. Затем я снова пытался усадить его на рукав, но эта процедура ему надоела, и он отпрыгивал на несколько метров, взмахнув крыльями. И снова тащился к ящику. Тогда я посадил его на палку, подсовывая ее под лапы, и отнес подальше. Летать Креча, видимо, не мог, до такой степени отсырел за целый день и ночь дождя. Он перебрался с бугра на бугор и наконец застрял. Пришлось вновь посадить его на палку и принести на ящик. Видно, что за месяц Креча все-таки привык ко мне. На рассвете я, кажется, слышал его возню на ящике. Опять моросил дождь, но во второй половине дня прояснило, появились глубокие просветы над долиной Амгуэмы, а над долиной Мараваам между сопками выше, в пяти километрах, так и висела белая толща тумана, как экран в огромном кинотеатре.

Дров в ивняке почти не осталось, приходится таскать мокрые насквозь коряги издалека. Горят они, только пока горит солярка, вылитая на них, и я начинаю думать — не проще ли наливать солярку прямо в сковороду, где греется каша. Солярного запаха едва ли будет больше.

Еще раз осмотрел галечник и ближнюю террасу, нашел еще четыре вида. Потом увидел Кречу, да еще и с товаркой, видимо, той самой, которую я несколько раз уже видел. Как-то она залетела в район чаячьих скал, и тут ей пришлось несладко. Мне казалось, что чайки разнесут кречета.

Кто-то из этой пары что-то клевал. Я хотел подойти, но тот, кто клевал, слетел, когда я находился еще метрах в ста пятидесяти. Следом слетел и второй кречет. Оба летели очень уверенно, и было совсем непонятно, который из них Креча. Позднее Креча появился неожиданно совсем в другом месте близ палатки. Я подошел к нему на три метра, но он взял и улетел. Зато как он летел! Совсем как заправский летун, хотя кречеты, конечно, летуны неважные. Он сделал круг, но тут с другой стороны долины прилетел другой кречет и с криком устремился на Кречу, который тут же сел на склоне террасы. Местный кречет вернулся на прежнее место. Вот так раз. Я уж было подумал, что Креча обзавелся подругой, а оказывается, я просто подсунул его на чужой охотничий участок. Недаром кречеты обычно встречаются по одному (если не на гнездовье) и на значительных расстояниях друг от друга.

Поздно вечером Креча сидел на ближнем склоне.

4 сентября. Река Мараваам. Дальнейшие планы рушатся. Теперь посещение Ушканьих гор уже кажется нецелесообразным из-за далеко зашедших осенних изменений. Вчера целый день была великолепная солнечная погода, но вертолет не пришел. Выяснилось, что вчера было воскресенье, и, может быть, поэтому.

Сегодня погода вновь испортилась, хотя видимость сохранялась нормальная весь день. До двух часов моросил дождик. Теперь, около одиннадцати часов, он моросит вновь.

Вчера утром Креча сидел в нижней части склона в долину, и, когда я покричал его, он ответил жалобным голосом. Я отправился добывать евражку. Креча подпускал меня, как и прежде, лишь на три метра и перелетал. Как-то он подлетел из-под склона, где сидел все утро и откуда не мог видеть меня. Усевшись невдалеке, он снова подал жалобный голодный позыв, затем он перелетел на отдаленный склон.

Через час я покричал Кречу и помахал ему евражкой. Казалось,

что он не среагировал. Но когда я добрался до палатки, по прошествии немалого времени, Креча вновь переместился на ближний склон. Вновь я потряс евражкой, призывая откушать у палатки. Вскоре, отсидев положенную инерцию, Креча прилетел и пожелал немедля приняться за дело. Я подразнил его, Креча возмущенно закричал, стеклянно глядя на меня, пытался лапой оттащить евражку подальше, но взлететь с ним не мог. Я привязал евражку, чтобы Креча трапезничал тут. Когда он увлекся, привязал и его за ногу, хотя он несколько раз орал на меня, требуя не мешать. Он не сразу заметил, что оказался в неволе, а когда заметил, словно взбесился: забыв про пищу, со страшными криками метался на привязи, опутывая веревкой мои ноги и без устали резко колотя лапой по сапогам. Я решил отучить его от близости людей, набросил на него брезент. Креча клевался, как только мог, рвал клювом и брезент, и мой рукав, и даже собственное крыло. Наконец я отрезал веревку на кольце, с которым и отпустил его. Некоторое время он сидел ошеломленный, потом взмыл и, сделав большой полукруг, сел за рекой на склон террасы метрах в трехстах. Сегодня его не было целый день, и вдруг, выйдя из палатки под вечер, я увидел Кречу на привычном ящике у палатки. Он незаметно прилетел и доел евражку. Некоторое время Креча сидел, выслушивая мои излияния, затем улетел далеко за реку.

Вскоре ниже по реке в трехстах метрах я увидел медведя, спускавшегося в долину. Я устроился у входа в палатку и принялся наблюдать его в бинокль. Медведь не спеша спускался по склону, временами останавливаясь и ковыряясь в почве. Меня он не заметил и когда появился на склоне, хотя и стоял совершенно открыто. По бровке терраски медведь двигался в сторону палатки и должен был бы войти в нее. Некоторое время зверь ковырялся в ивнячке, где я ковырялся вчера, и не проявил никакого беспокойства, видимо, мой запах уже улетучился из ивнячка. Зато он насмотрел выход из щелевидной долинки и прошел в ивняк в пятидесяти метрах от палатки. Только теперь он увидел ее, хотя, конечно, трудно было не увидеть ее, не будучи совсем слепым. Палатка выделяется большим белым пятном на багряном фоне ерниковой тундры. Меня же во входе в палатку медведь так и не

увидел, судя по тому, что он не выказал страха, а просто рявкнул. Но палатка его насторожила, и приблизиться он не решился, а пополз по ивняку, повернул вновь в щелевидную долинку, где скрылся. Я решил шугануть его, чтобы он не напугал меня ночью. Решил подобраться поближе и выстрелить в воздух последним патроном с дробью третий номер. Ружье я сунул под мышку, а топор положил на плечо и двинулся к террасе. Вскоре на ней увидел и медведя. Тогда я замер, и мне показалось, что он не увидел меня, хотя нас разделяло немногим более ста метров. Затем медведь скрылся за перегибом, а я пошел в обход. Держа топор наготове, поднялся на террасу. Медведь, должно быть, находился за бугром, на который я, совсем осторожно и прислушиваясь, влез. Я выглянул. Никого. Прокрался к щелевидной долинке, затем подошел к лощинке и заглянул туда. Медведя не было видно. Потом обогнул высокий бугор, вышел к следующей лощинке и влез на бугор. Взгляду открылось широкое пространство до ближних сопок. Хотя угасал и без того тусклый день, все же было видно, что на расстоянии двух-трех километров нет никакого медведя, но имелись немногие непросматриваемые отсюда местечки. В лощинках на днище росли густые кусты ив, в них я побросал сверху камнями. Однако медведь как сквозь землю провалился. Следовательно, он или увидел меня еще сверху и дал ходу, пока я крался по склону, успев проскочить открытое пространство (что маловероятно из-за короткого промежутка времени), или затаился где-то в ивняках. Весьма справедливо полагать, что зверь, живущий в открытых ландшафтах, умело использует укрытия.

Когда я ходил к югу от своей базы, видел следы и свежий помет медведя и еще тогда думал, что могу повстречать мишку, но не встретил. Там было и несколько развороченных колоний сусликов. Однако, отодрав крупные куски дернины, медведь не копал дальше, и вряд ли ему удалось поживиться.

Этот косолапый был значительно меньше гытхытского и другой окраски. Он действительно бурый, даже почти черный, и только плечи у него были седые. Видимо, медведи подолгу живут в пре-

делах небольшого района, с чем мы столкнулись и год назад в Канчалане.

Несколько раз вчера и сегодня меня облаивала лиса, но я не успевал даже заметить ее. Белые трясогузки еще видны, но каменки исчезли. Как-то невдалеке пара воронов занималась рыбной ловлей, а рядом на камне сидела чайка и смотрела, как это у них получается. Вещуны стояли по колено на мелководье реки и, опустив головы, внимательно смотрели на воду. Время от времени они тыкали своими носищами в воду, хватая мальков.

Ночи стали очень темные, но не холодные. Ровно год назад в этот день я уезжал с девяносто четвертого километра, тогда ночью выпал толстый слой снега. В этом году зима не торопится.

Мне совершенно не понятно, что делать завтра, сидеть и ждать уже осточертело. Далеко уходить нельзя. Реку невозможно перейти, она разлилась. Кончается солярка, без нее не приготовить пищу. К этому времени я планировал уже обследовать Ушканьи горы, но вот... сижу на Маравааме. Вчера не мог привлечь внимание вертолета с озера Экитыки, пролетавшего над самой палаткой. Каждый день приходится утром упаковываться, а вечером распаковываться. Видимо, нужно идти пешком до поселка налегке.

14 сентября. Залив Креста. С Мараваама меня сняли 5-го вечером. Оказалось, что высадившие меня вертолетчики указали летящему за мной Шапкину точку в двадцати километрах ниже по реке. Прилетев туда, Шапкин, конечно, никого не нашел и уже хотел возвращаться, но затем подсел к ярангам. Чукчи махнули рукой вверх по реке.

В тот день Креча не появлялся. Днем я уходил довольно далеко от палатки на террасы, где видел несколько озер, расположенных лестницей одно над другим, но не соединяющихся. Характерно, что днища нижних озер щебенистые, то есть озера лежат на коренной породе, но окружены рыхлыми отложениями.

Просторные берега словно указывают, что уровень воды в озере сильно колеблется. Возвращаясь, я смотрел на палатку с места, где накануне был медведь, и изумлялся, как он мог ее не заметить.

6-го был уже в Эгвекиноте. Мне пообещали вертолет числа 12-го. В Эгвекиноте только раз сходил по долинке вверх, отметив, что снег сохранился лишь в самых ее верховьях и этот снег виден с конуса выноса, так как долинка поднимается вверх. В нее входят несколько боковых каньонов. В это время уже трудно рассчитывать найти что-то примечательное из растений.

В конце долинки крупные осыпи со склонов, образующие рыхлые террасы, такие же, как и выходящие к террасе. Видно, что растительность ползет вверх до самых вершин. Сейчас эти фрагментарные тундры четко выделяются осенней окраской. Растительность видна и на склонах гигантского цирка, из которого течет речка, а также у самой вершины горы с цирком.

Вчера ездил на восемьдесят седьмой километр за своим мешком, увидел снег за пределом эгвекинотской впадины. Особенно много его в осевой части хребта. Теперь ясно, что лететь куда-либо на вертолете не имеет никакого смысла.

Забрав свой мешок, потащился на трассу: машин из поселка не было. Началась метель. Стоять было холодно, и я прошел с пять километров, когда меня догнал фургон «Служба быта». «Хо,— приветствовал меня водитель по прозвищу Буратино, — да в такую погоду и чукчи дома сидят».

В кабине было тепло и уютно. Через десяток километров машина остановилась на обочине.

— Пообедаем, — сказал Буратино, и мы пошли в фургон.

Через 20 километров маневр повторился. На перевале Буратино сказал, что тут у него живет приятель, мы пошли его навестить. Когда вышли из домика, была темень, хоть глаз коли. Дул пронзительный холодный ветер со снегом. Буратино подсадил меня в кабину, потом долго не мог влезть сам. Зажегся дальний свет, и мы погнали. Мелькнула «макаронина» с обрывами по обе стороны, потом мы под прямым углом свернули за торчащий угол скалы, и я ушел в небытие. У топографического дома Буратино вытолкал меня из кабины, выбросил мой мешок и укатил, пожелав ни пуха ни пера.

Сегодня упаковал имущество и сдал его на склад топографов. Потом занимался переводом денег с одного счета на другой — на

будущий год. На все мои попытки оплатить рейсы в этом сезоне и геологи и геофизики махнули рукой: «Возьни с бумагами больше, чем лёта».

Сезон окончен. Он был насыщен впечатлениями и находками. Был осуществлен самый интересный профиль через контакт континентальной и берингийской Чукотки. От самого крайнего на Северо-Востоке Азии лесного массива — Телекайской рощи до горы Кымыней с ее суровым климатом по прямой двести километров. Но обрабатываемые точки располагались, конечно, не по прямой. Таким образом, охвачен крупный район, лежащий посередине суши, между Чукотским морем и Анадырским заливом. Теперь предстоит не менее интересная и со многими неожиданностями обработка полученных данных.

Собственно говоря, эта работа уже началась. Меня вывезли с Кымынея, и, поужинав цивилизованно, я писал всю ночь. Под утро услышал, к своему изумлению, крик петуха из поселка.

На улице чернота и холод. Небо светится мириадами звезд, и время от времени его передергивают сполохи. В здании аэропорта коротают ночь желающие завтра улететь. Старик чукча долго рассказывал мне о тех временах, когда еще не было поселка и трассы. Эгвекинотская бухта пользовалась у чукчей особой популярностью. Ее называли чистой. Как и теперь, здесь не было докучливых комаров. Олени беззаботно паслись в осушенной части фьорда и на шлейфах гор.

Плывут вереницы воспоминаний о только что прошедшем. Они будут возникать в воображении, пока следующий сезон не оттеснит их на задний план новыми впечатлениями.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Юрий Павлович Кожевников

ЗА РАСТЕНИЯМИ ПО ЧУКОТКЕ.
Серия «Север вокруг нас»

Редактор *В. И. Данилушкин*
Цветные слайды *автора*
Художественно-технический редактор *Д. Д. Власенко*
Корректор *В. И. Огрызко*

ИБ 00143

Сдано в набор 27/I 1978 г. Подписано к печати 17/V 1978 г. АХ—01874. Формат 70 × 108/32. Бум. тип. № 2 и офс. № 1. Объем 6 физ. п. л. + 0,5 физ. п. л. вкладка, 8,4 усл. п. л. + 0,7 усл. п. л. вкладка, 10,91 уч.-изд. л. Тираж 15 000. Заказ 1391. Цена 45 коп.

Магаданское книжное издательство, 685000, Магадан, ул Пролетарская, 15.

Областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Магаданского облисполкома, Магадан, пл. Горького, 9.

Вкладка отпечатана с диапозитивов, изготовленных в типографии «Детская книга» № 1, 127018, Москва, И-18, Сущевский вал, 49.

Кожевников Ю. П.

К58 За растениями по Чукотке. Магадан, Кн. изд.-во, 1978.

190 с. с ил. (Север вокруг нас).

Молодой ученый ботаник-географ, «охотник за растениями», вел дневники путешествий по Чукотке, которые легли в основу данной книги. Читатель узнает из нее о науке, которая «делается ногами, обутыми в тяжелые болотные сапоги», о богатейшем, вопреки мнению непосвященных, растительном мире Севера, нелегком быте путешественников, приключениях, смешных и грустных, когда человек остается один на один с природой.

К $\frac{0284-017}{М-149(03)-78}$ 24—78 **581.5**

ОПЕЧАТКА

На с. 12 вкладки по вине типографии оказались переставленными подписи к снимкам. Подпись к верхнему снимку следует читать — «Гнездо дрозда...», подпись к среднему — «Гнездо белолобого гуся...».

1391

Сканирование - *Беспалов, Николаева*
DjVu-кодирование - *Беспалов*

45 коп.

Ю. П. КОЖЕВНИКОВ • ЗА РАСТЕНИЯМИ ПО ЧУКОТКЕ

Ю. П. КОЖЕВНИКОВ

ЗА РАСТЕНИЯМИ ПО ЧУКОТКЕ

